

ПОЛЫНЬ – ТРАВА ГОРЬКАЯ

Потемнела душа от разлуки с тобой,
От разлуки с тобой потемнела.
Словно стая ворон пролететь не смогла
И на сердце мое камнем села
(Алина Барнетт)

ПРОЛОГ

Весенний парк был наполнен утренней живительной прохладой, ароматом цветущих каштанов и пением давно проснувшихся птиц.

Молодая пара – высокий плечистый парень и маленькая хрупкая девчушка, видимо студенты, взявшись за руки, весело шагали по аллее.

Он, не умолкая, что-то ей говорил, а она, слушая его, заливалась звонким заразительным смехом, и мелодия этого счастливого смеха разносилась по всему парку.

Парень часто останавливался, чтобы поцеловать спутницу и, подхватив на руки, закружить, завертеть в воздухе, как пушинку. В этом танце ее длинные светло-каштановые волосы вздымались легким парусом – парусом надежды. Он ставил ее на ноги и, зарываясь лицом в волосы, в ее шелковистое руно, эмоционально повторял:

- Я люблю тебя, моя малышка! Очень люблю! Больше жизни!

От этих сотни раз услышанных признаний, она становилась еще красивее и, выпорхнув из рук любимого, убегала, привлекая внимание прохожих.

Паренек тут же настигал смелую беглянку и пылко целовал. Она же, уклоняясь от горячих поцелуев любимого, восклицала на весь парк, на весь мир, словно приглашая, рядом растущие величественные каштаны, в безмолвные свидетели их любви:

- Это я люблю тебя больше жизни. Это я умру в тот же день, как только ты разлюбишь меня.

- Это невозможно! Я никогда не разлюблю тебя, радость моя!

Он опять подхватывал девушку на руки, и снова ее певучий беззаботный смех удивлял все живое вокруг.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ГОРЬКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Зима. В этом году она выдалась для многих наших сотрудников очень тяжелой. Городская продовольственная база, на которой я добросовестно проработала в цехе овощных полуфабрикатов, пятнадцать лет, шла «с молотка». И сколько нам предстояло еще проработать, одному Богу было известно.

Наш чисто женский небольшой коллектив овощного цеха считался стабильным и всегда сплоченным. Бабоньки, все до одной, были человечные, добродушные, сочувствующие всякому горю, но какие-то непрактичные и невезучие, вроде меня. Ни одна из нас не могла похвастаться своей счастливой бабьей долей.

Мы держались этой работы в основном из-за того, что цех снабжал очищенными овощами в большинстве случаев школьные столовые, и в период каникул всегда был закрыт. Это время я, как и остальные мамы, посвящала своим детям.

На улице второй день стоял двенадцатиградусный мороз, завывал сердитый порывистый ветер, наметая снежные сугробы. Цех очистки, который никогда не отапливался, в такие зимние деньки представлял собой жалкое зрелище, но еще больше мы со своими сопливыми носами. Северная стена покрывалась изморозью, понижая и без того низкую температуру цеха. Никакая одежда не могла нас согреть. Мы сидели по обе

стороны движущегося от овощечистки транспортера, брали окоченевшими руками одну за другой мокрую, чуть ли не ледяную картофелину или морковь, дочисали ее, вырезая глазки или поврежденные участки, и бросали в большие чаны с водой, стоящие возле каждой из нас.

Имелась и другая работенка – очистка репчатого лука, сидя за которой приходилось много плакать и чихать. Чтобы не выплакать все слезы до конца, здесь был установлен строгий график.

Я сидела озябшая до костей, чувствовала, как мороз добирается до самого сердца, и мечтала об обеде. Сегодня, в день моего рождения, в обеденный перерыв мы могли согреться не только горячим чаем, но и более эффективным средством - водочкой. Начальство разрешало. В день рождение – святое дело! Понемножку и не в ущерб работе сам Бог велел.

Старшей в нашем цехе считалась бригадирша Юлечка, самая молодая и громогласная из всех нас – семерых. Стройная, длинноногая тридцати четырехлетняя блондинка с карими глазами, ну просто загляденье, была выше всех. Я, например, отставала от нее в росте почти на двадцать сантиметров.

«Ей бы с ее красотой на подиум выходить и людей изысканными нарядами радовать, а не тут с нами мерзнуть», - часто думала я, глядя на красивое лицо Юли.

Она любого мужика на место ставила, то ли это был директор базы, то ли водитель, то ли грузчик. Если что было не по Юльке, то ей не составляло большого труда, порой неразборчивой и резкой в выражениях, послать сильный пол далеко, даже очень далеко, и при этом никогда особо не задумываться, была там ее вина или нет. Юля считала себя всегда правой и точка, такой уж вздорный характер имела. Ее миловидное лицо в спокойном состоянии излучало какую-то притягательную силу, помноженную на гипноз, но стоило ей, когда у нее не было настроения, открыть рот, то любому собеседнику в такие минуты в лучшем случае был обеспечен легкий испуг, в худшем – нервный срыв. Бригадирша слыла мужененавистницей, и в наш овощной цех мужчины заходили только подолгу службы и то ненадолго, опасаясь нарваться на ее едкое словечко.

Мы тоже боялись тех дней, когда Юля вставала не с той ноги и разносила нас из-за пустяков в пух и прах, тем не менее, я всегда чувствовала ее доброе расположение к себе.

Моими подружками по цеху, не считая бригадирши Юли, были Шурочка и Дашенька; остальные, Люся, Светлана и Ольга, – просто хорошие приятельницы. Даша – моя одноклассница, жившая с мамой на окраине города, одна воспитывала дочь Оксанку. Шура имела сына. Она, наоборот, всю жизнь воспитывала мужа, но если быть до конца честной, то в роли прилежной ученицы всегда оставалась сама Шурочка, боявшаяся своего мужа, как огня. Ее сын Антон, видевший с малых лет невнимательное, порой резкое отношение мужа к ней, вырос таким же закоренелым законченным эгоистом, как и отец.

Последние полчаса подружки нет-нет, да и посмотрят в мою сторону, указывая глазами на дверь маленького помещения раздевалки, служившего нам местом для приема пищи. Я делала вид, что не понимаю их намеков, пока сама Юлия не подошла ко мне.

- Катюша, иди уже, готовь стол. Скоро обед.

Я поднялась, сняла с себя старую мамину шубу с мокрым подолом, под которой было еще зимнее пальто, вытянула из большущих резиновых сапог окоченевшие, затекшие от долгого сидения ноги, растерла их быстрыми движениями рук и направилась в раздевалку.

Неизменным блюдом нашего обеда всегда был отварной картофель с подсолнечным маслом. Иногда, конечно, если кто пожелает и принесет, могли побаловаться салом, квашеной капустой или соленой хамсой. Хлеб на работу носили по очереди. Но сегодня, на правах именинницы, я сама накрывала стол и поэтому взяла из дому тарелку жареного мяса и банку консервированных огурцов. Бутылочку водки и малосольную селедку я купила еще вчера по дороге домой. Особо пировать не давали трое моих взрослых мужчин – двое сыновей-погодков и муж. В моей семье, как, впрочем, и в каждой, лучшее из продуктов доставалось «основному кормильцу» и детям.

Сегодня, в свои тридцать девять лет, я чувствовала себя на все семьдесят, и дело было не только во внешности, за которой давно никто не следил, а во внутреннем состоянии души; я устала от бесконечных бытовых проблем, частого безденежья и тяжелой работы. Как каждая нормальная женщина в свой день рождения я желала себе всего того хорошего, чем наполнена человеческая жизнь, но даже мысленно не пыталась что-то в ней менять. Все равно ничего из этого не выйдет. К тому же, имея в мужа такого безразличного к семейным проблемам простофилю, как мой Андрей, с равным успехом можно мечтать о дешевой новой кастрюльке на кухню или о золотом замке.

Вообще-то всем было не до праздника, угнетало состояние неопределенности. Не сегодня-завтра могут завершиться переговоры о продаже базы и нас, как и многих соотечественников в это смутное время, выбросят на улицу.

Как только настенные часы показали время обеда, в раздевалку зашли девчонки и, оживленно переговариваясь, расселись вокруг стола. Следом за ними вся в снегу завалилась бригадирша и, стряхивая со своей шубы белые снежинки, которые не спешили в этом холодном помещении таять, доложила обстановку в здании напротив – администрации базы:

- С днем рождения, Катюша! Ну и везучая ты! Базу полчаса назад продали. - Она окинула всех испытывающим взглядом и невесело добавила: - Вот так-то, красатулички.

- А я здесь причем?

- Да не причем, я просто так сказала, к слову.

Наступила гнетущая тишина. Юля прошла, села на свое коронное место во главе стола и неожиданно для всех стукнула со всего размаха кулаком. Все вздрогнули.

- Красатулички, чего носы повесили? Кого хороним? Себя? Не спешите бабоньки без боя сдаваться. Еще поживем, жизни порадуемся.

Юлькин оптимизм никто не разделил.

- Так что, последний день работаем? - понуро спросила Даша.

- Пока не знаю. После обеда все решится, а сейчас – за дело бригада «Ух», которая кушает за двух. Картошка стынет.

- А водка греется, - хихикнула Люся, по характеру веселая болтушка.

- Ага! При такой температуре она не успеет согреться, - не согласилась с Люсей Шурочка и тяжело вздохнула. - Но поесть надо, чтобы силенок добавить. Еще полдня вкалывать.

- Наливай, именинница, без горькой в нашей бесталанной жизни, ну никак не обойтись, - скомандовала бригадирша и протянула свою чайную пол-литровую чашку.

Стопки держать на работе, было категорически запрещено.

Через два дня в девять часов утра всех сотрудников продуктовой базы собрали в актовом зале, желая показать коллектив новому к тому же первому хозяину, который по слухам был достаточно богат и имел в городе несколько продовольственных магазинов и ресторанов.

Со слов бригадирши по договору купли-продажи сотрудники, пожелавшие остаться работать и дальше, должны были пройти собеседование у нового руководства. А там, кому как повезет: или оставят и найдут применение, или укажут на дверь.

Наша бригада пришла раньше всех. Мы сели в первом ряду и с замиранием сердца стали ждать нового владельца, до этого база была государственным предприятием. Из семи человек цеха все семь мечтали быть в дальнейшем востребованы.

Где ее найдешь, хоть какую-то работу, да еще после тридцати пяти. На всех объявлениях при наборе кадров жирными буквами указывался востребованный возраст. Как будто ровно в тридцать пять, человек становился круглым дураком или инвалидом.

- Как ты думаешь, нам что-нибудь предложат? - дернула меня за рукав Юля. Она сидела по левую сторону от меня.

- Не знаю. Хотелось бы.

- Да, девчонки, было бы неплохо остаться работать, даже независимо оттого, что нам предложат. Я, например, согласна и двор мести, - закивала головой Шура, сидевшая по правую сторону от меня.

- А сколько раз мы порывались уйти, возмущаясь ужасными условиями труда? - невесело усмехнулась я.

- Ой, мало ли что ляпнешь с досады, - уныло сказала Даша, сидевшая сразу за Шурочкой.

- Вы бы мою бабушку Нину послушали, как раньше пахали, меньше бы бурчали и на жизнь жаловались, - вмешалась в разговор Юля.

- О, опять ты, Юля, завела свою старую заезженную пластинку? - возмутилась Даша.

Ее разговоры про бабушку – «стахановку» у нас всех давно стояли поперек горла.

- Тихо, идут, - кто-то шикнул из задних рядов.

Бывший директор базы Иван Петрович и трое мужчин, на которых я сразу не обратила внимания, прошли к столу президиума и заняли свои места. Подождав пока утихнет шум в зале, один из них поднялся. Я внимательно посмотрела на него. Вдруг его лицо показалось мне до боли знакомым и мои глаза невольно округлились. Когда мужчина привычным жестом правой руки поправил свои густые, черные, чуть с проседью волосы и сухо представился, я наконец-то узнала его, и мое сердце невольно сжалось.

- Меня зовут Николай Владимирович, я – ваш новый руководитель, - прозвучал громкий басовитый голос.

Сомнений не было, передо мной стоял бывший сокурсник Колька Смирнов – причина всех моих нескончаемых бед.

- Скажу откровенно: такое количество людей, которое работало на базе раньше, мне не нужно. Сегодня вы все напишите заявление об отпуске за свой счет и за этот месяц постараетесь найти работу. Те работники, которые мне будет нужны, я персонально приглашу к себе на собеседование.

Николай Владимирович выглядел не только представительным, солидно, но и молодо, все такая же подтянутая фигура, те же шикарные густые волосы, то же привлекательное мужественное лицо. По сравнению с ним я чувствовала себя дряхлой, уставшей от жизни старухой, больше годившейся ему в матери, чем в однокурсницы.

Я невольно провела рукой по сухому заветренному лицу, которое никогда не знало даже дешевых кремов, и тяжело вздохнула.

«Вот наказание. Но почему угодно было небесам снова свести нас?»

- Ты его знаешь? - удивленно глянула на меня Шурочка.

Сделав как можно безразличней вид, я тихо ответила:

- Нет, не знаю. С чего ты взяла?

- Да так, показалось.

- Правильно замечено, показалось.

- А мужик – ничего, сказка, - отметила наблюдательная Даша.

- Подружка, не разевай рот. Мы - корнечистки, слишком мелкие в его барских глазах, чтобы он обратил на нас свое внимание. Одним словом, не про нас мужик! - сделала вывод Юля, внимательно рассматривая нового шефа. - Вот гад – не дурен собой.

Даша недовольно фыркнула и отвернулась.

- Больно нужен он мне! Просто так сказала, глаза есть – и смотреть позволено.

- Тихо, не болтайте, - шикнули снова с задних рядов. - Ничего не слышно.

Через час, выйдя с теплого здания в завьюженную морозную зиму, мы закаленные холодом и сыростью, не спешили в такую рань разбежаться по домам. Обсуждая детали прошедшего собрания, все гурьбой направились к пешеходному мосту через железную дорогу, самому быстрому пути к центру города.

- Есть предложение, - шепнула я на ухо Шурочке.

- Какое? Налить и выпить?

- Да прям уж. Дай знать подружкам, пусть притормозят.

Мы вчетвером остановились, остальные девчонки из нашей бригады, Люся, Светлана и Ольга, пошли дальше.

- Что случилось?

- Катерина что-то мутит.

- Дело есть, на сто тысяч, - улыbnулась я.

- Это мы уже поняли, иначе бы ты нас не побеспокоила, - усмехнулась Даша.

- Не томи, Катюша, выкладывай, а то в глаз получишь, - пошутила бывшая бригадирша и обняла меня за плечи.

- Предлагаю сходить к гадалке. Настоящая цыганка, Сарой зовут. Я однажды была у нее, она мне всю правду сказала.

Шура недовольно поморщилась.

- Да ну, не хочу. Чем она мне поможет? Посоветует смирительную рубаху мужу по утрам одевать?

- А я бы с удовольствием пошла. Пусть даже наврет. Врать-то они мастера, красиво умеют, - вздохнула Даша. - С детства люблю сказки.

Я взяла Шуру под руку и попыталась уговорить:

- Не отбивайся от коллектива, или идем все, или - никто.

- Какого коллектива? Каждый остался при своем интересе.

Юля по привычке, считавшая себя среди нас старшей «по званию», тут же подала заманчивую идею:

- Не важно, мы все равно останемся командой. Потом пойдем ко мне, отметим встречу с новым шефом.

Все запрыгали и громко закричали:

- Ура! Так бы сразу и сказала.

Мы любили ходить к Юле. Она, единственная из нас, жила одна в двухкомнатной квартире и при случае выкладывала на стол сразу все, что имела в холодильнике. По неизвестной нам причине там всегда было полным-полно всякой всячины, о которой мы могли только мечтать. Да и готовила бригадирша очень вкусно.

- Сколько берет твоя цыганка Сара? - спросила, поддаваясь напору подружек Шурочка.

- Сколько дашь.

- Понятно. Это зависит оттого, что она наобещает.

- Возможно, - не стала углубляться я, им добра желаешь, этим неудачницам, а они ломаются как сдобные пряники.

- Далеко идти? - спросила наш стратег Юлечка.

- Через мост и дальше по-прямой. Она работает уборщицей в гостинице «Космос».

- Отлично, я готова туда пойти лишь за тем, чтобы с важным видом подняться по широкой мраморной лестнице гостиницы, - заявила Даша.

- Это зачем?

- Вдруг миллионера встречу. Бац – и в дамках.

- Ага, сразу двух, - отозвалась я и критически осмотрела ее старенькое зимнее пальтишко и донельзя истоптанные сапожки.

Девчонки рассмеялись над Дашиными фантазиями, и мы задорно тронулись в путь.

Немного полноватая женщина, в пестрой косынке на голове, лет шестидесяти, встретила нас без всяких эмоций и провела в свободный номер.

Я никогда раньше не была в гостиничных номерах. В прошлый и единственный раз гадалка принимала меня в своей крохотной, плохо освещенной раздевалке. Поэтому я сейчас обвела взглядом маленькую комнату: выцветшие обои, кое-где вытертые до основания, две кровати, две тумбочки, телевизор и шкаф для одежды. Мы сначала тихо сидели на кроватях, застеленных чистыми покрывалами, видимо приготовленными уже

для новых клиентов гостиницы, и ждали цыганку, которая, уходя за картами, строго предупредила:

- Сидите тихо, не болтайте, чтобы из-за вас мне не влетело от начальства. Ладно?

- Да, - отозвался кто-то из девчонок.

Сначала все молчали, но Сара задерживалась, и у подруг стали чесаться языки.

- Девочки, я боюсь, вдруг она такое скажет, что потом по ночам перестану спать, - призналась Даша.

- А по мне, пусть болтает, я и так знаю, что все у меня будет хорошо, - смело заявила Юля. - Да у меня и так все хорошо.

- Мне бы твою уверенность, - тяжело вздохнула я.

- Да не переживайте вы так, бабоньки, прорвемся. Главное ничего дурного в голову не брать, все равно от нас ничего не зависит, - успокоила всех Шурочка.

Я покосилась на подругу, точнее о Шурочке и не скажешь.

- Мне бы твою выдержку, которую ты со своими мужиками годами выработывала.

Наконец-то в гостиничный номер вошла Сара со стулом в руках, и мы замолчали. Гадалка села между мной и Юлей и на поставленный перед собой стул положила старую колоду карт.

- Вас тут слишком много, так что каждой скажу самое важное. Вас четверо, вот и выбирайте себе по тузу и загадывайте желание.

Я потянулась за бубновым тузом и, спрятав его в ладонях, шепнула свое заветное желание. Когда все тузы были возвращены на место, начался длинный процесс гадания.

- Чей это туз?

- Мой, - крикнула Юля.

- Везучая ты, красавица, раньше всех тебе повезет, и по-крупному. Даже не будешь верить, что в настоящую сказку попала. Жить будешь припеваючи, словно принцесса.

Юля довольно закивала головой.

- Неплохо сказано. А что я вам говорила?

- А это чей?

Гадалка из-под второй стопки карт вытянула и показала бубновый туз.

- Мой, - обрадовалась я, что недолго пришлось ждать.

Она посмотрела на карты, которые покрывали туз, цокнула языком и, покачивая головой, задумчиво произнесла:

- Много ошибок в молодости наделала, но все в твоей жизни еще поправимо. Главное, снова не сглупи, когда столкнешься со своей судьбой.

- Какой судьбой? Я же замужем.

- Молчи, - дернула меня за рукав Даша. Ей не терпелось что-то хорошенькое услышать за себя.

Цыганка даже не глянула в мою сторону, а поспешно достала третий туз.

- Это чей?

Даша подняла руку вверх.

- Пыхтеть тебе еще, милая, и пыхтеть. Крепись, старость обещает быть обеспеченной.

- Какая старость? Мне еще сорока нет.

- Ну и что? Старость-то все равно наступит, и встречать ты будешь ее не одна.

- О-о-о. Здорово!

- Не мешай гадать. Помолчи, - возмутилась Шурочка.

Цыганка взглянула на карты, на последнюю нашу подружку и медленно сочувственно произнесла:

- А вот от тебя, милая, ничего не зависит, но может в этом тоже есть своя прелесть.

- Какая?

- Не знаю. Карты об этом умалчивают, но терпением тебе, милая, нужно больше всех запастись.

Шура бросила в мою сторону недовольный взгляд и фыркнула:

- Что я говорила? Нечего было сюда по такому холоду брести.

Даже поднявшийся сильный северный ветер не мог изменить нашего решения идти к бригадирше. Душа требовала хоть какой-то небольшой разрядки.

Согревшись у Юли теплым приемом, водочкой и вкусной закуской, девчонки понемногу захмелели и дали волю языкам.

- Какого дьявола мы пошли к этой цыганке? Только деньги на ветер выбросили, - возмутилась Шура.

- Что она нам такого важного сказала? - поддержала подругу Даша.

- Во всем Катя виновата. Лучше бы мы еще одну бутылку водки купили, шкалик. Он бы нам сейчас не помешал. - Слова принадлежали язвительной Шурочке.

- И закуски. Вот теперь пускай возмещает наши затраты, - не отставала от подруги Даша. - Сейчас бы шкалик лишним не был.

- Хорошая идея, - подала голос хозяйка квартиры.

Болтали все поочередно и поглядывали в мою сторону. Я же делала вид, что увлечена своими важными мыслями и мне не до их сварливых речей.

- Слышь, Катя, беги за горючим, девчонкам мало, - скомандовала Юля.

- Дудки вам. Каждый получил исчерпывающую информацию – все будет хорошо. Так что – радуйтесь.

- А что она мне такого важного сказала? - возмутилась Шурочка.- Я и без нее знаю, что даже дышу с разрешения своего мужа. Но как видите, иногда пытаюсь самовольничать.

За ней сразу, уставившись на меня, заканючила Даша:

- Какой-то ужас! Даже поленилась соврать что-нибудь интересенькое. Два слова всего лишь выдавила из себя.

- Но зато, какие!

Подруги смотрели на меня и ждали.

- Катя, не тяни резину, дома ждут голодные дети.

Я поднялась со стула, понимая, что бесполезно сопротивляться напору подвыпивших девчонок, и наигранно возмутилась:

- Вот никак не ожидала от вас, милые мои, такого нахальства. Пусть то, что она предсказала, исполнится только у меня.

Шурочка скривилась как среда на пятницу.

- А что там такого умного было сказано в твой адрес? Ошибки молодости, а у кого их нет? Судьба! Какая судьба под сороковник? Не хитри, подруга, и беги за бутылкой.

- И побыстрее. Тебе от нас не отвертеться, - добавила Даша.

Одна Юля посочувствовала мне и прикрикнула на подруг:

- А ну тише девчонки. Не умничать в моем доме, а ты, Катюша, не кисни, я так уж и быть, добавлю тебе денег.

- Хоть что-то радуется, а то нашли крайнюю. Сказали бы просто, что хочется еще по пятьдесят грамм выпить и лучше за чужой счет.

Девчонки довольно переглянулись, и Даша весело изрекла:

- Катя, ну, мы надеялись на твою сообразительность.

Когда вторая бутылка, вернее шкалик, появилась на столе, Шурочка грустно сказала:

- Если бы вы только девчонки знали, как не хочется идти домой. Меня мои мужики давно превратили в служанку. Весь вечер только и слышу: поддай, поднеси, убери.

Я посмотрела на сорока шестилетнюю подругу, которая совсем сдала за последнее время, и искренне посочувствовала ей:

- Ты сама виновата. Постоянно молчаливо угождаешь им, нет, чтобы хоть раз огрызнуться и заставить самих что-то сделать.

Шурочка обиженно глянула на меня.

- Что ты понимаешь, Катя. У меня муж – начальник, а я у него – никто.

- У настоящих начальников жены на овощных базах в гнилье не роются, - вмешалась в разговор Даша.

- Катюша права, они тебя совсем заездили. Тоже мне начальник – заведующий заводской лабораторией.

Шурочка, имевшая плаксивую натуру, тут же расплакалась.

- Ну, чего ты? Что мы тебе такого обидного сказали? - удивилась Даша.

- Это не из-за вас. Я плачу по своей ушедшей молодости.

- Совсем рехнулась, старушка, - отозвалась Юля.

- Девчонки, а вы ведь даже не знаете, что я три года подряд поступала в училище имени Щукина и поступила, артисткой хотела стать.

- Да? Вот это новость. Конечно, мы такого не знали, - поразила я.

- Ты, наверное, в молодости писаной красавицей была? - заинтересованно спросила изумленная Даша. - Как говорят, картинкой.

- Ну, а как ты думаешь?

Я попыталась представить Шурочку молодой, игривой, задорной, но у меня ничего не вышло. Изможденное лицо подруги трудно было вообразить себе красивым и пленительным, а поникшие плечи и сильная сутулость не давали моему воображению сделать подругу стройной и сексапильной. Она пришла в овощной цех еще до меня и сколько ее помню, вечно жаловалась на судьбу, но это было не обязательно, на скорбном лице подруги крупными буквами была написана вся история ее нелегкой безрадостной жизни. Ее легко можно было принять за пожилую женщину, хотя ей не стукнуло даже пятидесяти.

- Шурочка, а ну приоткрой занавес, поделись воспоминаниями, - сказала, не сводившая с нее взгляда, Юля.

- Тогда наливай. Так уж и быть, подружки, поведаю вам свои сокровенные тайны.

Воспоминания Шуры длились больше часа. И как часто в таких случаях, причиной всех бед оказалась проклятущая любовь.

- Я успешно окончила первый курс Щукинского училища и приехала на каникулы домой. В день приезда, чтобы увидеть новый фильм с участием Александра Абдулова, я поперлась в кинотеатр на дневной сеанс и встретила его.

- Кого? Абдулова? - переспросила уже хорошо захмелевшая Даша.

- Сергея, будущего мужа. Вот как увидела его, весь мир перестал для меня существовать.

- Вот дура, чье-то место заняла и не захотела учиться, - недовольно отозвалась Юля.

- Теперь я и без вас знаю, что дура. Лучше бы я вообще на этот фильм не пошла, а осталась дома книгу читать.

- А как хоть фильм назывался? Забыла?

- Разве такое забудешь? «С любимыми не расставайтесь». Он, этот фильм, может, все и решил в моей жизни.

- Ты бы еще билетершу во всем обвинила, - хмыкнула бригадирша и затянула свою любимую песню. Ее песню подхватили Даша и Шурочка. Одна я молчала. Мне в детстве медведь на ухо наступил, да не на одно, а на два сразу.

Пока я по сугробам добрела до своего жилого массива, был почти вечер. В город эта ужасная ветреная погода приволокла не только понижение температуры, но и ранние сумерки. Дома меня ждали сыновья. Я достала из сумочки два бутерброда с копченой колбасой, которые ухитрилась стянуть с Юлькиного стола, и подала им.

- Берите, тетя Юля передала.

- Мамочка, а мы не голодные, разогрели вчерашний плов и поели, - сказал старший сын.

- Молодцы, все равно кушайте, когда еще тот ужин будет.

На этот раз отозвался младший:

- На всякий случай мы на плиту поставили мясо тушить.
- Правильно сделали.

Я быстро переоделась и поспешила на кухню готовить еду. Уже оттуда, очищая картофель, крикнула детям:

- Где папа?
- У ботанички Нины Васильевны.
- Чего он снова у нее? - невольно вырвалось у меня.
- Шкаф помогает переставлять.
- Бедный шкаф! Пятый раз с начала учебного года перетягивается.

Школьная учительница биологии одиноко жила в пятиэтажном доме через дорогу от нас, и мой, якобы хозяйственный супруг, которого трудно было заставить хоть что-то элементарное сделать по дому, часто навещал ее. Они были одноклассниками и поддерживали хорошие отношения еще со школьной скамьи. Два года назад Нина Васильевна разбежалась со своим очередным мужем и теперь нуждалась в помощи чужого. Я не ревновала Андрея, хотя прекрасно понимала, что там неспроста периодически передвигается книжный шкаф. Любительница живой природы даже дачу купила в прошлом году у реки, чтобы летом был повод привлекать на нее мужскую половину населения города.

- Давно отец ушел?
- Как только мы пришли со школы.
- Понятно.
- Mamочка, у тебя все в порядке?
- Разумеется, дали небольшой отпуск за свой счет, а затем снова на работу.

Мы жили в двухкомнатной квартире, полученной мужем от производства двенадцать лет назад, одну комнату занимала я с Андреем, другую – Владимир и Виталий. Владимир был на год старше Виталия, но в школу мальчишки пошли в одно время.

Сыновья в этом году оканчивали одиннадцатый класс и собирались в столицу. Они учились хорошо, и оба мечтали о карьере юриста. В свое время я тоже училась на юридическом факультете столичного университета, но как говорят в народе, по дурости осталась без диплома. Меня тешило уже то, что сыновья собираются воплотить мою давнишнюю мечту. Я спала и видела их только специалистами права.

- Как дела в школе?
- Все отлично.
- Уроки сделали?
- Конечно.

Парнишки у меня были неплохие: спокойные, домашние, всегда тянулись к знаниям и не создавали особых проблем. Чаще всего их интересовали книги, познавательные телевизионные передачи и реже компьютерные игры, поэтому не было никакой необходимости разыскивать их по темноте, как это делала соседка напротив.

Через два часа я позвала детей ужинать, и сама присела рядышком возле них. Глядя на своих взрослых сыновей, мне не верилось, что так быстро пробежали годы. Когда-то, чтобы дать им жизнь, я наделала много непоправимых ошибок, но сейчас ничуть не жалела. Сыновья выросли, дай Бог каждому иметь таких.

Послышался звук открывающейся двери, и я догадалась, что к ужину подоспел Андрей.

- Ой, как вкусно пахнет, - сказал муж, заходя на кухню. - Есть хочу, словно весь день ничего не ел.

Я поднялась, уступая ему свое место, взяла со стола чистую тарелку и подошла к газовой плите.

- Садись, сейчас покушаешь. Я твое любимое жаркое успела приготовить.

Муж просиял. Он никогда не был тучным, но вкусно и много покушать всегда любил.

- Катерина, какая же ты у меня славная хозяйюшка.

- Не преувеличивай.

Андрей работал инженером в одном из конструкторских бюро города и прилежно приносил два раза в месяц свой скромный заработок. На первый взгляд он был примерным отцом, не пил, не курил, по вечерам, никого не беспокоя, сидел у телевизора с пачкой свежих газет, и поэтому долгие годы ничего не менялось в укладе нашей с ним совместной жизни, пока в услугах Андрея не стала нуждаться рыжая ботаничка.

Только когда все улеглось, я стала вспомнить события сегодняшнего дня. Мне порой казалось, что уже ничего не изменится в моей устоявшейся годами жизни, но ошиблась. Нежданно-негаданно, столько всего навалилось за один с виду неприметный день, и трудно было сейчас понять, что больше всего меня в нем расстроило. Потеря работы? Встреча с Николаем? Пророчество гадалки?

На меня хлынул поток беспощадных, теребящих душу воспоминаний. Перед глазами предстал красивый, удачливый, одетый с иголки и всегда довольный собой, бывший староста нашей группы Николай Смирнов. Он был старше всех нас в группе, уже отслуживший армию и успевший поработать в органах милиции. Как давно это было? Кажется, в далеком несуществующем прошлом.

Тогда безжалостные слова Николая изменили всю мою только начинающуюся жизнь, превратив меня на долгие годы в безропотную рабыню обстоятельств.

- Исчезни из моей жизни, я люблю другую.

И я исчезла, бросила институт, не сдав выпускных экзаменов и не получила долгожданного диплома, а значит – отказалась от своей мечты стать адвокатом. От моих радужных грез осталось только серое пепелище и никогда не исчезающий во рту привкус полыни. Уезжая домой с разбитым сердцем, я тогда еще не знала, что увожу более ценный груз, чем свои старенькие заношенные вещи.

Рядом на постели зашевелился муж. Я тихонечко поднялась, поправила на нем одеяло и пошла на кухню. Пусть спит, завтра ему на работу, чего не скажешь обо мне. Я мирилась со своим мужем, каким бы непрактичным он был, а вот полюбить так и не смогла.

На кухне, накапав себе настойки валерьяны, я села за стол и уже через несколько минут снова улетела в далекие годы молодости. Вспоминая одно событие за другим, я не заметила, как за окнами рассвело. Да разве эта была первая бессонная ночь в моей жизни? С потерей Николая захлопнулись врата земного рая и на небе надолго сгустились черные грозовые тучи. Солнце светило для всех, но только не для меня.

Как красиво и возвышенно все начиналось той далекой золотой осенью. Поступив без особых проблем в высшее учебное заведение, я, преисполненная иллюзиями, посчитала себя самой удачливой девчонкой в мире, а когда староста группы в октябре предложил мне дружбу, я вообразила себя первой красавицей вуза. Мне завидовали все подружки, и жизнь рядом с любимым парнем казалась мне нескончаемой сказкой.

Мы всегда были вместе и к этому привыкли не только однокурсники, но и педагогический состав института. Все знавшие нас с поступления в вуз пророчили нам неизбежную свадьбу и долгую счастливую жизнь.

- Катерина, не загордись, не забудь пригласить на свадьбу, - слышала я то от одной, то от другой подружки и расцветала от счастья.

Я сильно волновалась, только меня одну из всех сотрудниц овощного цеха вызвали по телефону в отдел кадров. Встречу назначили на завтрашний день, но уже сегодня меня лихорадило с самого утра, а вернее с той самой минуты, когда позвонили с прежней работы.

- Здравствуйте. Вы, Екатерина Михайловна?

- Да.

- Завтра, пожалуйста, подойдите к восьми часам утра в отдел кадров. Затем вас примет сам Николай Владимирович, - сообщила мне приятным голосом какая-то девушка по телефону.

Я тут же перезвонила своим подружкам.

Шурочка, наша всезнайка, терпеливо выслушала меня и, решив, что попадет в точку, если наугад скажет о причине моего вызова в отдел кадров, «успокоила»:

- Это тебя, видимо, хотят уволить, поэтому приглашают. Нам же никому не позвонили?

- Спасибо за поддержку.

- Но не переживай, подружка, на всякий случай позвони Юле, она больше моего знает.

- У бригадирши, как обычно, телефон занят, впрочем, у Даши тоже.

- Потерпи, когда-то же они наговорятся.

- Ладно, если что – перезвоню.

К первой из них мне удалось дозвониться к Даше.

- Дашка, ну разве можно так надолго занимать телефонную линию? Вдруг я тут всем наливаю, а к тебе дозвониться невозможно.

- Без этого не обойтись, - громко рассмеялась в трубку она. - Звони Юле, а потом обязательно перезвони мне.

К Юле я смогла дозвониться только через полчаса и это при частых заверениях подружки, что в нашем городе она одна-одинешенька.

- Привет, начальник.

- Привет. Как у тебя там с закуской? Найдешь, что на стол подругам поставить? - первое, что спросила она.

- Не поняла. В чем, собственно говоря, дело?

- С тебя причитается. Всех на хик уволили, а тебя нет. Я такой удар вчера выдержала, чтобы хоть ты из нас семерых при работе осталась. Представь себе, обозвала хозяина недорезанным буржуем.

Мне без работы, действительно, никак нельзя было оставаться.

- Спасибо, Юлечка, - обрадовалась я. - Но, может, не нужно было так грубо поступать с моим новым начальником?

- Не умничай. И не дрейфь. Я знаю, ты за себя никогда не постоишь, а двух парней на ноги ставить надо. Что от твоего конструктора возьмешь? Жалкие гроши.

- Ой, не будем о нем.

- Так к училке и бегают, шкафы тягать?

- Да.

- Нет, чтобы дополнительную работу найти, конструктор хренов, а он свои силы тратит на баб.

Слушая подругу, я представила, что могла бы остаться без работы, если бы не она и совсем пала духом.

- Юлечка, чтобы я без тебя делала.

- Да ладно. Запричитала, горе луковое. Не хватало мне еще твоих соплей. - Подруга немного помолчала, а затем вернулась к прежнему вопросу: - Ну, так что, приглашаешь к себе отметить такую приятную для всех новость или нет?

- Так я даже в отделе кадров не была. Вдруг им по каким-то причинам не подойду?

- Эх ты, село! Не доверяешь мне? На ту должность, что тебя берут, любой подойдет, лишь бы был с руками и ногами.

- Не поняла? А что это за такая хитрая должность?

- Завтра все узнаешь. Мы именно сегодня хотим собраться у тебя, потому что Шурочкин муж в командировке. Ты его, собственника, хорошо знаешь, он теперь жену ни на шаг из дому не отпускает.

- Только вскладчину. Я сама застолье не потяну.

- Разумеется. Тебе, миленькая моя, главное – стол на середину комнаты вытянуть и скатертью застелить.

- Договорились. Обзвони всех, и приходите. А я тем временем картошки на сале пожарю, помидорчиков открою.
- Нужное дело. Не забудь в картошечку чесночка добавить.
- Слушаюсь, товарищ командир.

Утром, выглянув в окно, я поняла, что хорошей погоды сегодня можно не ждать. Вопрос погоды волновал меня неспроста, я собиралась с визитом к новому начальству и хотела выглядеть более-менее прилично. Через полчаса холодный порывистый ветер нагнал темно-серые тучи, и пошел мелкий дождь, превращая снег под ногами в омерзительную кашу.

«Даже природа строит мне свои козни», - с грустью подумала я и пошла собираться.

Я пересмотрела всю свою поношенную верхнюю одежду и остановилась на демисезонном пальто. Оно хоть и тонкое, но было новее всего. С черными истоптанными сапогами на небольшом каблучке пришлось немного повозиться: почистить и натереть до блеска. Под пальто я надела старый брючный костюм, в надежде, что мне нигде не придется раздеваться.

Именно сегодня захотелось подрисовать реснички и накрасить губы. Я полезла в холодильник за спрятанными остатками косметики, которые берегла для особого случая и принялась за дело.

Сердце учащенно забилося в груди, когда я переступила порог административного здания старой, а теперь уже, возможно, новой работы. Я с трудом восстановила дыхание, потоптавшись возле дверей отдела кадров, несмело постучала и заглянула вовнутрь.

- Можно.

- Проходите.

Я собралась с силами и вошла. За первым от двери столом сидела прежняя инспекторша отдела кадров Татьяна Викторовна. За вторым – молоденькая девушка, видимо та, которая звонила мне вчера.

- Присаживайтесь. Ваша бригадирша выплакала для вас место сторожа, хотя то, как она себя тут вела, нельзя назвать слезами, - недовольно сказала Татьяна Викторовна.

- Сторожем? Но я ведь с детства темноты боюсь.

Она начала проявлять нетерпение и с ехидством спросила:

- А остаться без работы не боитесь?

- Боюсь.

- Так чего больше? - ухмыльнулась она.

Промолчав, я села писать заявление и заполнять бланки, необходимые для поступления на новое место работы. В процессе мне кое-какие ответы пришлось уточнять у Татьяны Викторовны, чтобы не испортить бланки, но она терпеливо подсказывала.

- Все. Что теперь?

- Дайте проверю.

Неспешно прочитав документы, инспекторша отдела кадров вернула их обратно и со вздохом сказала:

- С ними пойдете к директору Николаю Владимировичу, то есть к хозяину.

- Это обязательно? - испуганно спросила я.

- Конечно. Ему решать, взять вас на работу или нет. Будьте учтивы, не последуйте примеру своей бывшей начальницы.

- А что может не взять?

Устремив взгляд на потолок, Татьяна Викторовна только пожала плечами.

Я поднялась и, бурча себе под нос, что лучше бы сюда вообще не приходила, вышла из отдела кадров и поплелась к кабинету Николая Владимировича. Страх потери хоть какой-то работы был сильнее страха оказаться узнанной.

Порог просторного кабинета хозяина, где мне никогда не приходилось раньше бывать, я переступила на «деревянных» ногах, тысячу раз сожалея, что меня снова с Николаем Владимировичем свела судьба. Не знаю, по какой причине, то ли случайно, то ли по желанию он попал в наш город, но я ни разу за все прошедшие семнадцать лет даже мельком не видела его. Да и где можно было с ним повстречаться? На нашей продуктовой базе? На рынке? В школе? Врядли. Больше я нигде не бывала.

Натянув пониже вязаную шапку с небольшим козырьком, который хорошо затенял часть моего лица, я еле слышно произнесла:

- Можно?

Он оторвал взгляд от бумаг, лежащих перед ним, пренебрежительно посмотрел в мою сторону и с металлом в голосе произнес:

- Проходите. Что у вас?

Я сделала несколько шагов и оказалась возле стола.

- Здравствуйте.

- Ну, здравствуйте. С чем пожаловали так не вовремя? - высокомерно произнес Николай Владимирович.

Положив на поверхность стола документы, я низко наклонила голову.

- Работать буду у вас. Если, конечно, возьмете.

Он прочитал мое заявление, и его лицо скривилось в язвительной улыбке.

- Работать? Сторожихой? Ну, расскажите что-нибудь интересное из своей жизни.

- Нечего рассказывать. Школа, работа, семья.

Новый хозяин, нехотя потянулся к заявлению, к заполненным бланкам, к моим документам и, заглянув в аттестат зрелости, с удивлением произнес:

- О, да вы, Екатерина Михайловна, среднюю школу с отличием закончили. Почему дальше не учились?

- Не захотела.

Николай Владимирович брезгливо отбросил бумаги в сторону.

- А что вы, сторожить захотели? Какой из вас сторож? Шкура да кости. Вояка, метр с кепкой. Если бы не ваша беспардонная бригадирша...

Я промолчала. О чем с ним, баловнем судьбы, можно говорить? Ему всегда все давалось просто и легко.

- Да еще, наверное, выпиваете?

Его слова проникали в самую душу и больно задевали за живое.

- Как все нормальные люди, - спокойно сказала я.

- Снимите шапку, я хочу посмотреть на вас.

Боясь с ним встретиться взглядом, я еще ниже натянула шапку, так что ему совсем не стало видно моего лица.

- Я волосы не мыла, шампунь закончился, - солгала я.

Шеф фыркнул.

- Фу, какой позор! А еще женщиной называетесь. Вам же сорока нет, а вы с виду старуха – старухой.

Это при всем том, что я битый час провела возле зеркала.

- Ну и что? - огрызнулась я.

От него веяло антипатией ко мне и к таким как я.

- Ненавижу неухоженных и безразличных к своей внешности людей, а особенно женщин.

Это было выше моих сил, и я, поддавшись чувству оскорбленной гордости, выкрикнула:

- А вас никто не заставляет терпеть мое присутствие! Возьмите и выгоните!

- Вот как? - изумился он. - Запросто, вот только жалко вас чисто по-человечески.

Я хмыкнула и едко ответила:

- Жалость тоже чувство.

- Хватит, - повысил голос хозяин. - Если хотите задержаться на новой работе, идите и меньше болтайте, а то вам даже ваша бывшая начальница не поможет.

- Когда выходить на работу? - спокойно спросила я.

Не было ни сил, ни смысла дальше пререкаться.

- Завтра. Подойдете к Петровичу на проходную, он вам все подробно объяснит.

Николай Владимирович опустил голову и начал шелестеть разложенными на столе бумагами.

- До свидания.

Новый шеф даже не соизволил ответить, и это снова разозлило меня. Кто я была для него? Обыкновенная, нуждающаяся в хоть какой-то работе попрошайка, которых на своем жизненном пути он встречал не один десяток.

Оставив кабинет Николая Владимировича с намерением больше никогда здесь не появляться, я прошла по длинному коридору второго этажа, спустилась на первый, вышла на улицу и поплелась к проходной. На глаза накатились слезы. Демисезонное пальто, в котором я долго находилась в теплом помещении, совсем перестало греть, и я злая на себя, что не одела старую, купленную еще в студенческие годы шубу, почти дошла до ворот базы и вдруг остановилась. Я вытерла ладошкой помаду, которая всегда мне мешала, глаза, щемящие от туши и задумалась.

Несмотря на мокрый снег, который пока я находилась у шефа, сменил дождь, я сняла шапку, и копна густых волос рассыпалась по плечам. Тряхнув ими, снова спрятала их под шапку. Как он раньше любил мои пышные густые волосы. Но когда это было? Правда, ранняя седина заставила поменять окраску волос, с которой, похоже, поменялась и я.

Петрович увидел меня со своего наблюдательного пункта – окна вагончика, расположенного на уровне ворот проходной, и крикнул:

- Катюша, что ты там делаешь? Простудишься. Заходи, инструктировать буду.

Я посмотрела на дорогу по ту сторону ворот, где меня ждала лишь неопределенность, на Петровича, работающего здесь сто лет и, вспомнив своих двух сыновей, которым поклялась дать высшее образование, свернула к вагончику.

На улице стало намного холоднее, чем утром. Зная, что дома никого нет – дети в школе, а муж на работе, я побрела к Юле. Она всегда была рада видеть меня. Молодая женщина – прямолинейная, уверенная в своих поступках, умеющая вовремя дать сдачу обидчику, притягивала к себе таких, как я неудачниц, которые боялись в критические моменты постоять за себя, потребовать справедливости и, в конце концов, просто заставить себя уважать. У Юли хоть она и была моложе нас всех, было чему научиться.

Двухкомнатную квартиру со смежными комнатами ей купили родители десять лет назад, когда она решила переехать из деревни в город. В надежде, что Юля, имея жилье, вскоре выйдет замуж и осчастливит их внуками, родители обставили квартиру добротной мебелью и стали ждать, но у дочери было свое виденье семейной жизни, она вертела завидными женихами, как цыган солнцем, и все так же оставалась в гордом одиночестве.

Я нажала на дверной звонок подружкиной квартиры, расположенной на первом этаже, и стала дожидаться звуков поворота ключа в замке. Мне долго не открывали. Решив, что Юльки нет, я пожалела, что потеряла столько времени, и уже было направилась к входной двери подъезда, как услышала я за спиной голос:

- Катюша!

Я обернулась. На пороге стояла хозяйка квартиры с загадочной улыбкой.

- Ой, а я подумала, что тебя нет.

- Где же мне быть? Проходи.

В ее коридоре я столкнулась с мужчиной, которого уже несколько раз видела то выходящего из Юлиной квартиры, то в подъезде, то возле дома.

- Ой, я кажется, помешала?

Мужчина молча обувал сапоги и сопел.

- Ты пришла вовремя, - продолжала улыбаться Юля.

Мне стало неловко за свой несогласованный с хозяйкой визит, поэтому стояла я у двери, не зная, что делать дальше.

- Точно не помешала? Может мне уйти?

- Разувайся, Катюша. Павел Николаевич наш участковый доктор. Он спешит на работу, у него куча вызовов.

Она открыла двери и выпустила гостя.

Мы прошли в гостиную. Хозяйка квартиры махнула рукой на диван и скомандовала:

- Садись, рассказывай, как встретил новый хозяин?

- С калачами.

- Да ты что? Ты, наверное, ему очень понравилась? - хихикнула подружка.

- Юля, не измывайся. Такой неприятный тип, прямо жуть какая-то. Мне даже захотелось на все плюнуть и ...

- Ну, да. А детей, кто кормить будет? Овощей и тех, как раньше, никто тебе домой не принесет, покупать придется.

Я тяжело вздохнула и простонала:

- Знаю. Поэтому и все стерпела.

- Когда на работу?

- Завтра.

Потянулись длинной чередой рабочие сутки. Работать приходилось одни сутки через двое. Первое время мне казалось, что я не вынесу такого напряженного режима работы. Днем было много всякой суеты, что порой даже не было возможности присесть, и часы бежали быстро. Люди сновали через калитку на базу, с базы, кто в склад за товаром, кто по делам к начальству. Заезжали и выезжали машины, и каждый раз мне приходилось открывать и закрывать массивные ворота. Ночью же, оставаясь одна с собаками, я до самого утра тряслась от страха и считала каждую минуту. В то время когда можно было отдохнуть, погреться и почитать книгу в сторожке, я из-за опасения, что кто-то прикиннет на базу и обворует ее, оставалась на улице. Проводя ночи больше на территории базы в окружении твякающих дворняжек, чем в теплом вагончике, я одевалась соответственно. Шуба, шапка, сапоги и все остальные теплые вещи были перенесены из овощного цеха и теперь снова служили мне. Со временем я стала понимать своих верных четвероногих друзей, которые охраняли не только базу хозяина, но и в первую очередь меня – трусишку. Навострив уши, они чутко реагировали на всякий шум, привлекая к нему мое внимание. За месяц работы я втянулась в изнуряющие ночные дежурства, и дрожать от страха, как первые ночи, приходилось все меньше и меньше. Когда вокруг было все тихо, собаки вели себя соответственно, они для пущей важности только потягивались, отработывая свою еду, или гоняли приبلудившихся кошек.

Позже в работе по сменам я нашла определенные плюсы. Появилась масса свободного времени, которого раньше не было.

Стояла промозглая мартовская погода, и если долго находиться на улице можно в два счета простудиться. Несмотря на то, что я одевалась, как «капуста» в сто одежек, умудрилась схватить простуду. Двух выходных дней мне, больше находившейся на кухне, чем в постели, не хватило, чтобы отлежаться и выздороветь. Поутру, отправив детей в школу, я с высокой температурой попелелась на очередное дежурство.

Петрович, которого я пришла сменить в девять часов утра, видя меня совершенно больной, предложил поработать еще.

- Не надо. Как-нибудь сама справлюсь. Отдыхайте.

- Да ведь не лето. Еще добавишь себе болячек.

- Не думаю, лекарств – полная сумка, - успокоила я его.

- Ну, как знаешь, - пожал плечами пожилой мужчина. - Ты же видишь, весна на дворе, а морозы стоят, как лютой зимой.

- Ой, не говорите. Как уже надоели эти холода.

Петрович постоял, немного подумал и еще раз предложил свои услуги:

- Если к вечеру будет хуже, не стесняйся, звони, приду.

К десяти часам утра на базу пожаловал шеф. Ему из машины своей иномарки не понравился мой внешний вид, и он тут же прислал ко мне инспекторшу по кадрам.

Татьяна Викторовна, не сказав ни слова, долго принюхивалась, щупала мой горячий лоб, но выводы не спешила делать. Инспекторша даже не поленилась сбегать за градусником в свой отдел и, только увидев на нем высокую температуру, пришла к выводу, что я, в самом деле, больная, а не выгляжу так скверно после вчерашней пьянки.

- Вы действительно больны. Что будем делать? – озадаченно спросила инспекторша меня.

- Ничего. Станет хуже, вызову к вечеру Петровича. Я с ним во время пересмены договорилась.

- Ладно, пойду, доложу шефу, - задумчиво кивнула она. - Он там рвет и мечет. Может, лично от него поступят какие-то особые распоряжения?

- Каждый может схватить простуду, даже он, - забеспокоилась я, боясь, что они посчитают меня не пригодной на эту испокон веков неженскую работу.

Татьяна Викторовна ушла. Я же некоторое время в ожидании приговора не находила себе места.

Николай Владимирович уже в первые дни показал себя высокомерным и насмешливым типом, не всегда оправданно строгим и резким со своими подчиненными. В два счета любой мог остаться без работы.

Как изменила его жизнь. Я пыталась воскресить в памяти первое яркое впечатление о моей встрече с Николаем и сравнить с сегодняшним. Бог ты мой, куда подевался наш отзывчивый на чужие беды староста группы? Помниться, сколько девчонок плакало у него на груди, жалуясь на безответную любовь, сколько парней гордилось дружбой с ним. А что сейчас?

Инспекторша отдела кадров не вернулась, а меня от высокой температуры стал бить озноб. После обеда, чувствуя себя еще хуже, я позвонила Петровичу, надеясь, что к этому времени, он успел немного отдохнуть.

- Выручай дед, будь другом. Что-то совсем расклеилась, страшно голова раскалывается и ноги выкручивает.

Петрович без лишних слов согласился:

- Какие могут быть разговоры? Сейчас соберу торбу и приеду.

Своим внезапным возвращением домой, я очень обрадовала сыновей. Они в это время сидели у телевизора, смотрели передачу «Закон и мы» и грызли глазированные баранки, запивая чаем с вареньем. Мужа дома не было, что совершенно не расстроило меня.

- Ужинали?

- Да.

- С уроками справились?

- Конечно, - отозвался старший сын.

- А где отец?

- Не знаем, - вместе ответили дети.

- Мамочка, ты ложись, не волнуйся за нас, - ласково произнес младший. - У нас все в порядке.

- Да и отец, наверное, скоро явится, - добавил, успокаивая меня, старший.

Владимир был копией отца. Высокий, широкоплечий, черноволосый парень, умный и первый во всем. Он подавал большие надежды. Старший сын имел хорошую память, решительный принципиальный характер и способности к языкам. Я видела его только в

кресле судьбы и не иначе. Единственное, что меня всегда в нем настораживало это упрямый и неуступчивый нрав.

Виталий – моя копия, худощавый, невысокого роста, сероглазый, являлся тенью своего видного брата. Его успехи в школе в большинстве случаев были результатом поддержки старшего. Характер у него был мягкий, доброжелательный, сговорчивый. Меня всегда поражала его дипломатичность и рассудительность. Глядя на него, я ловила себя на мысли, что с него получится хороший адвокат.

Мальчишки были очень дружны, дополняли друг друга, заранее определив для себя, кто ведущий, а кто ведомый. Не удивительно, чего желал Владимир, желал и Виталий.

Я заварила большую чашку горячего чая с липовым цветом и направилась с ней в свою комнату.

- Спокойной ночи, орлы. Не засиживайтесь, - сказала я детям, заглянув к ним.

Через десять минут я уже лежала в постели. Дождаться мужа у меня не было сил и, выключив свет, быстро уснула.

Долгие годы раннего подъема в одно и то же время научили меня не нуждаться в часах. Не знаю, как это получалось, но я всегда просыпалась за десять-двадцать минут до звонка будильника.

Так было и сегодня. Почувствовав себя после крепкого сна и большой дозы лекарств намного легче: не раскалывалась на части голова, не болели глаза, и прекратился этот ужасный насморк, я сладко потянулась в постели, и лишь тогда поняла, что спала одна.

Вот это новость!

Вскоре зазвенел будильник, и за ним сразу послышался звук поворота ключа в двери.

- Подъем, сони, - до меня долетели из коридора слова мужа.

Он прошел на кухню, щелкнул выключателем и открыл холодильник.

- Что будете кушать яичницу или омлет? - муж снова крикнул детям.

Мне всегда утром было трудно будить мальчишек, и Андрей об этом хорошо знал. Он немного повозился на кухне, затем зашел к сыновьям в комнату, включил освещение, и третий раз сделал попытку поднять их из постели:

- Поднимайтесь. Завтрак на столе. Я через пять минут уйду на работу, а мамы дома нет, чтобы с вами панькаться.

Лишь войдя в нашу комнату и осветив ее, Андрей узнал, что я дома.

- Катерина? Ты? - растерянно спросил он.

- Как видишь.

Переминаясь с ноги на ногу, муж некоторое время молчал, затем почесал затылок и осторожно спросил:

- Что-то случилось?

- Уже нет. Все нормально, я чувствую себя намного лучше.

- Уснул вечером возле телевизора у Нины Васильевны, а когда проснулся, поленился идти домой.

Я с неким сарказмом покачала головой.

- Как я тебя понимаю. Идти надо было через весь город, а не просто перейти улицу.

- Ты не подумай ничего плохого, - снова попытался оправдаться он.

- А я и не думаю. Мне это просто не интересно.

Андрей с удивлением захлопал ресницами.

- Что значит не интересно?

- Неинтересно, как ты себя ведешь. Дети ведь давно выросли и все понимают, даже тогда, когда делают вид, что ничего не замечают. - Я поднялась и набросила халат. - Пойду к сыновьям, а ты поторапливайся, а то на работу опоздаешь.

К обеду пришла Юля. Она звонила мне вечером на проходную, чтобы поболтать со мной по телефону, но Петрович ей сказал, что я болею. Подруга принесла самое

эффективное лекарство от простуды – перцовку, к ней закуску, ну и для полного комплекта соки и фрукты.

Вручая последнее, она грозно сказала:

- Сама съешь, а то привыкла все отдавать детям.
- Ладно, не ворчи, прямо сейчас и начну, - вонзила я зубы в красное яблоко.
- Ой, погоди, а основное лечение?
- Не могу, только-только выпила лекарство. А ты себе наливай.

Юля сделала обиженный вид.

- Я что – алкоголичка, одной пить. Пусть лежит до лучших времен.
- Правильно. Думаю, не успеет прокиснуть. Работу себе нашла?
- Село. Зачем она мне? - округлила глаза подруга. - Занятие себе нашла.

Внимательно слушая подругу, я стала выставлять некоторую еду с холодильника на стол.

- Какое?
- Компьютер приобрела.
- Он же целое состояние стоит!
- Не считай чужие деньги, - засмеялась Юля. - Родители купили.
- Везет тебе. А что ты с ним будешь делать?
- Теперь в интернете сижу целыми днями. Есть одна идея. Помнишь мою соседку

Мариину?

Поставив яичницу на стол, я махнула головой.

- Ту худющую блондинку?
- А разве она хуже тебя?
- Не знаю. Это не важно. Так что там насчет идеи?
- Она замуж за канадца вышла и в Канаду укатила.
- Да? Везет же людям, - снова повторила я, садясь рядом с Юлей.

Подруга потрогала мой лоб.

- Ты какая-то странная сегодня. Завидуешь всем.
- А, - махнула я рукой и пододвинула к ней хлеб. - Мой благоверный совсем от рук отбился. Представляешь, когда я на смене, он дома не ночует.

Теперь у Юли от удивления округлились глаза.

- Вот сволочь! А ты когда узнала, видимо, смолчала?
- Нет, почему же, сказала.
- Сказала? С твоим-то характером? Небось, пальчиком ему погрозила и успокоилась.

Если честно, он мне никогда не нравился, твой очкарик.

- А причем тут твое отношение к нему?
- Катюша, не могу понять, как ты с ним столько лет прожила? Тютя – тютей.
- Есть типы и похуже. Давай ешь.
- Возможно. Но ты не будь душой, накажи его, как следует.
- Да куда больше?

Подруга изменилась в лице. Она подняла на меня свои огромные глазища и на время застыла.

- Не верю. Не ври. Да и что такая тихоня, как ты может сделать? А?

Юля, не дождавшись от меня ответа, некоторое время молча ела, видимо думая о чем-то своем, а затем, невесело взглянув на меня, сказала:

- Мне кажется, только я могла наломать в молодости дров, да так, что до сих пор жутко. Хочешь, расскажу?
- Конечно!

Юля снова замолчала. Никогда раньше она не рассказывала нам о себе. Для нас всех – она была закрытой книгой. В должности начальника цеха овощных полуфабрикатов Юля пришла к нам намного позже меня и подруг. Молодая интересная женщина сразу навела в коллективе порядок так, как она себе его представляла, поставив себя при этом на голову

выше других и только пройдя через сложные служебные ситуации и разобравшись в людях, то есть в нас, начала вести себя по-другому.

- Ты что, задремала? - спросила я, легонько толкнув подругу в плечо. - Будешь чай? Вскипятить воду?

- Давай, - махнула она рукой. - Не знаю, с чего начать. В школе с пятого класса я дружила с симпатичным соседским пареньком, и моя детская симпатия затем переросла во взрослое чувство – любовь. Мы были – не разлей вода, пока в одиннадцатом классе в школе не появилась молодая учительница математики, вчерашняя студентка. Мой дружок был видным собой, высокий, смазливый и, видимо, понравился городской учительнице, всего на шесть лет моложе ее. Она стала приглашать его к себе домой, натаскивать по алгебре, геометрии, тригонометрии и как выяснилось позже, обучала не только за столом, но и в кровати.

Забыв даже о чайнике, я слушала подругу с открытым ртом.

- Надо же такое? И что потом?

- По окончании одиннадцатого класса они к всеобщему удивлению всей деревни поженились и переехали в город.

Ее слова нашли отклик в моей душе, что-то подобное мне тоже пришлось пережить, и я простонала:

- Бедная Юлечка!

Подружка на время замолчала, видимо, подыскивая нужные слова.

- Долго не могла прийти в себя, не верила в случившееся. Никто не был мне мил, а через пару лет взяла и сама приперлась в город, чтобы хоть изредка видеть его.

Я тяжело вздохнула, вспомнив о своем неразделенном чувстве, которое мне всю жизнь перековеркало.

- До сих пор любишь?

- Да, и, наверное, до гробовой доски любить буду.

В голосе подруги слышалась нескрываемая печаль.

- Я бы не смогла простить предательства.

Юля сердито посмотрела на меня и хмыкнула.

- Сначала полюби по-настоящему, а затем уже рассуждай, простила бы или не простила. Думаешь, на твоём лбу не написаны все твои в кавычках глубокие чувства к мужу, поэтому такая и безразличная к его ночным похождениям.

Не найдя что ответить, я смолчала и стала заваривать чай.

Теплой майской ночью, гуляя по территории базы со своими четвероногими подружками Розой и Амурой, я услышала, как возле проходной остановилась чья-то машина и затем просигналила. Собаки первыми побежали к воротам, за ними устремиться и я. Только подойдя ближе, я узнала иномарку Николая Владимировича.

Он опустил стекло в дверце и скомандовал:

- Откройте ворота.

- Минуточку.

Хозяин заехал на базу, и пока я закрывала ворота, проехал к административному зданию. Николай Владимирович вышел из машины и к моему большому удивлению направился не к дверям конторы, а повернул в мою сторону.

«Что он тут забыл в такой поздний час?» - с досадой подумала я и поспешила спрятаться в вагончике.

Через некоторое время, услышав стук в дверь сторожки, мне пришлось выйти и уважительно спросить:

- Вы что-то хотели, Николай Владимирович?

- Да. Подымитесь ко мне в кабинет.

- Зачем? - настороженно спросила я.

- Настроение гадкое, хочу чтобы вы его мне подняли.

Увидев мой испуганный вид, Николай Владимирович смягчился и сдержанно добавил:
- Составите мне компанию, серая мышка, которая всего боится. Выпьем по чашке кофе, и я вас отпущу, а сам лягу на диване до утра.

- Что-то случилось?

- Не ваше дело.

Я пришла в кабинет шефа через двадцать минут и то лишь потому, что боялась своим непослушанием накликал на себя его немилость. Одетая я была в старый спортивный костюм младшего сына, изношенные кроссовки и опасалась получить нагоняй, как первый раз, за свой непрезентабельный вид. Правда, свои волосы, перед тем как идти к Николаю Владимировичу, распустила, освободив от ленты, и расчесала.

Увидев меня в дверях, шеф страшно возмутился:

- Вас только за смертью посылать.

- Извините.

- При чем тут ваше извинение. Садитесь. Чайник давно остыл.

Он поднялся и, заменив воду в электрочайнике, снова включил его.

- Как вам работается, серая мышка?

Его некорректное отношение ко мне на этот раз вызвало у меня внутренний протест и я, присаживаясь на ближайший к выходу стул, недовольно спросила:

- Почему сразу – «серая мышка»?

- Вы всегда ходите в сером невзрачном одеянии, как бы пытаетесь слиться с сумраком ночи.

- Ну и что? Я же сторожиха.

- А вас хоть королевой сделай, вы не научитесь одеваться. Это целая наука и непостижима для таких женщин, как вы.

Я закипела, как тот чайник, который находился рядом с ним.

- Каких таких, как я?

- Посмотрите на себя в зеркало и догадаетесь.

- У вас сколько детей?

Лицо Николая Владимировича словно заволочили тучи.

- Ни одного.

- А у меня двое сыновей, выпускники. Так что я после них не только куртки, свитера и спортивные костюмы донашиваю, но и все остальное.

- Фу, какой ужас. Вы мне весь аппетит испортили.

- У меня его и вовсе не было, я пойду.

- Сидеть! Вам кофе или чай?

- Кофе с молоком, - побоялась послушаться я.

- Есть только сливки.

- Можно и сливки.

Шеф подал мне чашку ароматного кофе и принялся готовить себе.

- Берите конфеты.

- Спасибо, не хочу, - солгала я, невольно потянувшись к вазе, но тут же отдернула руку и спрятала ее в карман куртки.

Николай Владимирович посмотрел в окно, за которым была крошечная тьма, и с грустью сказал:

- Вы мне напоминаете одну мою очень давнюю знакомую. Ее, кстати, тоже Катей звали. Катенька Иванова. Но сколько в этом мире Ивановых?

У меня екнуло сердце. Неужели я так сильно изменилась? Видимо, с годами я совсем сдала, превращаясь в подобие женщины.

- Я очень любил ее, но она предпочла моего друга, - с досадой в голосе добавил шеф.

Не зная, как отреагировать на его лживые слова, я молчала. Что за комедию разыгрывает мой новый шеф и для кого? Разве можно вычеркнуть из памяти несколько

лет жизни? Тем более, если это касается любимого человека? Ведь я же до сих пор помню каждый вздох, каждый взгляд, каждую мелочь, связанную с ним.

- Бывает, - еле слышно ответила я, пряча глаза, чтобы не выдать себя.

Сегодня, в конце августа сыновья покидали дом. Они с Божьей помощью все же поступили в столичный юридический институт и стали студентами- первокурсниками. Я совсем не переживала о том, как они будут жить вдаль от меня. С младших классов мальчишки были предоставлены сами себе и уже тогда готовились к самостоятельной жизни. Пропадая целыми днями на работе, у меня не было возможности уделять им много времени, не говоря уже о том, чтобы баловать. Я любила сыновей и беспокоилась о них не меньше, чем другие матери о своих детях, но стала рано приучать их к порядку. Они умели все: приготовить, постирать, убрать после себя.

Стоя на перроне, я давала последние наставления не по годам взрослым сыновьям и старалась, чтобы мой голос звучал как можно строже.

- Владимир, позаботься о Виталии, он младше.

- Какие могут быть вопросы? Обязательно, мама, - серьезно сказал старший.

- Будьте во всем первые, вам это под силу.

- Откуда тебе знать это, мамочка? - улыбнулся младший.

- Вы – мои сыновья, и я знаю вас лучше, чем кто-либо.

На мои глаза навернулись слезы.

- За деньги не переживайте. У меня хватит сбережений, чтобы выучить вас, - сказала я самую большую ложь, какую можно было только придумать, дабы успокоить детей.

К нам, запыхавшись, подошел Андрей.

- Вот принес водички в дорогу.

Муж подал Виталию пакет с бутылками.

- Может мороженого купить?

- Зачем? Вымазаться? - недовольно посмотрела я на него. - Не надо.

Объявили подачу нашего пассажирского состава, и люди стали рассредоточиваться по перрону, пытаясь угадать место остановки нужного им вагона.

- Андрей, помоги детям. Зайди с ними, занеси вещи, я туда не полезу, высоко, - сказала я, когда мы подошли к проводнице.

Я поцеловала сыновей, держась изо всех сил, чтобы не заплакать.

- Ну что ж, в добрый путь. Звоните.

Какое-то внутреннее спокойствие было у меня за своих отъезжающих чад. Они будут умнее меня, у них все обязательно получится. Они не допустят таких ошибок, как их мать в молодости.

Я еще немного постояла напротив их купе и, подождав пока тронется поезд, помахала рукой.

Когда последний вагон скрылся из виду, далеко-далеко увозя единственный смысл моей жизни, прерывисто вздохнула.

Я взяла мужа под руку и, идя по перрону внешне совершенно спокойная, сообщила ему свое давно созревшее решение:

- Ты свободен. Мне не хочется больше играть в комедию под названием семейный союз. Я подаю на развод.

Андрей глянул на меня, пожал плечами и равнодушно ответил:

- Тебе видней, Катерина.

Вскоре я отпустила руку Андрея, некоторое время мы шли молча, затем он ускорил шаг и затерялся в толпе.

Только придя домой, я почувствовала, что теперь имею право выплеснуть свои эмоции и дала волю слезам.

Я хорошо помнила свое возвращение домой. Мать, воспитывающая меня одна, тянулась изо всех сил, чтобы дать мне образование, и дождалась ни с чем. Склонив голову на бок и сделав скорбный вид, она сдержанно выслушала скомканную, не совсем понятную ей историю любви, к тому же имеющую такой печальный конец. Когда я закончила, она вздохнула и с обидой в голосе спросила:

- Зачем нужно было так долго учиться, чтобы потом из-за какого-то бабника не получить диплом?

Слова матери больно ранили меня, и я тут же стала оправдываться:

- Так получилось. В следующем году у меня непременно будет диплом.

- До следующего года нужно еще дожить, - горько заметила мать.

- А куда мы денемся? Это же всего год.

Как она оказалась права!

Моему приезду обрадовались только подруги и сосед Андрей. Он к этому времени уже окончил институт и работал в конструкторском бюро полупроводникового завода.

Увидев меня во дворе на следующий день после приезда, когда я снимала сухое белье, он удивленно спросил:

- Ты приехала? Насовсем?

- Да.

- Отлично, - улыбнулся он. - Рад тебя видеть.

- Не вижу в этом особой радости, - невесело ответила я. - Мне пришлось бросить институт.

Андрей не разделил моего огорчения и тут же попытался успокоить:

- Не велика беда. Очень многие бросают учебу, особенно девчонки.

Расправив плечи и высоко подняв голову, я бодро заявила:

- А я собираюсь закончить институт, обязательно закончить. В следующем году.

Он снова улыбнулся.

- Вот и прекрасно. А сегодня, может, сходим в кино?

Я знала, что нравлюсь соседскому парню еще со школьной скамьи. Андрей, будучи старше меня на два года, много раз подстерегал меня возле школы, во дворе и предлагал пойти с ним в кино или просто побродить по паркам города. Но я отказывалась, находя десятки причин. Он был совсем не в моем вкусе. Редкие светлые волосы, низенький рост, худосочный, да еще и на носу огромные очки. Что тут может нравиться? Сейчас, при разговоре с ним я тоже не испытывала ничего, кроме безразличия, но повзрослев и узнав цену предательства, не торопилась отнекиваться. В моем разбитом сердце не было больше места для любви, и я подумала, что это даже к лучшему иметь просто хорошего надежного друга.

- Можно и пойти.

Андрей обрадовался моей перемене по отношению к нему и тут же радостно предложил:

- Тогда я мигом за билетами.

Его довольная улыбка заставила и меня улыбнуться. Хоть кому-то из нас двоих было хорошо.

- Ладно. Беги.

Мы стали встречаться, чем порадовали добрых соседок – наших мам, но вскоре утренняя тошнота напугала меня до смерти и приневолила ускорить события. Только прожив определенное время вместе, поняла, что мой брак без малейшей любви оказался еще одной непростительной ошибкой.

Я стала свободной независимой женщиной, хотя в душе всегда была таковой. Я никогда не тянулась к своему бывшему супругу, который, если сказать правду, особо не старался расположить к себе. После узаконивания отношений и наспех сделанной вечеринки, мы просто мирно уживались под одной крышей сначала у моей матери, затем в

собственной квартире. Чтобы хоть как-то загладить свою вину перед Андреем, я вслед за первенцем родила второго сына. Пусть растут вместе, вдвоем всегда легче шагать по жизни. Заботясь о материальном достатке семьи и, прежде всего – о детях, я в свои неполные двадцать пять запряглась как лошадь в работу, забыв о себе самой на долгие годы. Мне не приходилось надеяться на мужа, которого, наоборот, никогда не волновали семейные проблемы. Андрей, по характеру своему медлительный и пассивный, вел беззаботную легкую жизнь интеллигентного человека, не утруждая себя ни дома, ни на работе. Мне же приходилось успевать везде, терпеть трудности и лишения, таким образом, наказывая себя за ошибки молодости. Я старалась быть в семье спокойной и сдержанной, находя удовлетворение в детях. Пока муж не загулял, все более-менее устраивало меня. Я довольствовалась тем, что имела, но пережить второе предательство в жизни не пожелала. Уж лучше быть одной, раз так распорядилась судьба, чем закрывать глаза на проделки мужа.

Теперь, когда детей не было рядом, мое материнское сердце дало сбой. Не находя себе места в опустевшем без них доме, я слонялась из угла в угол, постоянно вытирала мокрые глаза и ждала от них очередной весточки. Мне не хватало в жизни лишь моих сыновей, все остальное по-прежнему не имело для меня значения.

Я перешла жить в комнату детей, оставив нашу общую мужу. Он никуда не переехал, остался жить дома и по вечерам продолжал пропадать у своей ботанички, которая, теперь на правах невесты, часто беспокоила меня телефонными звонками.

- Извини Катерина, а Андрей дома?

- Нет.

- А где он?

- Откуда мне знать. Я за ним не бегаяю.

- Ну, я ему сделаю, - бросала ботаничка трубку, но ненадолго.

Только девчонки скрашивали мое одиночество. Они не забывали названивать и справляться о моем здоровье. Да и сыновья, хоть изредка, но напоминали о себе, взяв рассказывая по телефону о своих студенческих победах.

Когда у меня на руках появилось свидетельство о разводе, подружки, узнав о моей полной независимости, тут же примчались. Каждый принес с собой то, что мог, и в результате мы накрыли неплохой стол.

- Не переживай, Катюша. Жениха мы тебе обязательно найдем.

- А кто сказал, что я переживаю?

Девчонки рассмеялись.

- Да мы так, прощупать тебя решили, - уточнила Юля.

Она со дня на день ожидала жениха из Испании и была очень оживленной. Как-никак, если верить многочисленным письмам по Интернету, к ней ехал настоящий миллионер.

Сидя за столом у меня на кухне, каждая старалась зацепить вопросом бывшую бригадиршу.

- Юлечка, а ты что и впрямь нас можешь бросить? - поинтересовалась Даша.

- А что вы, малые дети?

- Писать будешь? - спросила Шурочка.

- Не каркайте. Я еще никуда не еду.

- Ну, а если уедешь? - не отставала Шура.

Юля посмотрела на меня, потом на Шуру с Дашей и, улыбнувшись, сказала:

- Не горюйте. Не только писать буду, но вызову вас всех по очереди в гости, начиная с Катюши.

- Меня муж не отпустит, - с досадой изрекла Шурочка.

- Меня дочь.

- А меня работа, - подала раздосадованный голос я.

- Катюша, не смейся, отдежурят за тебя твои дедки, еще и спасибо скажут.

- Ой, да о чем мы говорим? Даже жениха не видели. Может там настоящий крокодил?
- усмехнулась Даша.

- Что ты имеешь в виду под настоящим крокодилом? - вспыхнула Юля.

- Внешность. Так говорят в народе, страшный, как крокодил. Еще перепугаешься и откажешь.

- А я не из пугливых. Ясно тебе? Да хоть черт с рогами лишь бы был при деньгах. Мало я мерзла с вами в овощном цехе за мизерную зарплату? Если бы не родители и еще кое-кто, выла бы я из досады по ночам на Луну.

На время разговоры утихли, каждый смотрел в свою тарелку и о чем-то думал. Даша искоса посматривала на Юлю. Ей не понравился ответ подруги, и она, насупив брови, задумчиво сказала:

- Я тоже была когда-то такая умная, как ты.

Мы все оторвали взгляды от тарелок и вопросительно посмотрели на Дашу.

- Что-что?

- Думала, стерпится – слюбится, а не тут-то было. Пять лет выдержала и выгнала мужа. Да разве то была жизнь? Пилили мы его с мамой, за что надо и не надо. Все нам было не так. Дотронется он до меня, хочет приласкать, а я уже готова его разодрать. Все вечера в маминой комнате просиживала, ждала, пока он и дочь уснут.

- Не удивительно. Ты – психопатка с рождения, - дерзко высказалась Юля.

- Ну, будем считать, что ты мне за добрый совет спасибо сказала. Мое дело тебя предупредить и напомнить давнюю истину: «жизнь прожить – не поле перейти».

- Она мне ни о чем не говорит, - огрызнулась бывшая бригадирша и демонстративно отвернулась.

Я же, прожив с нелюбимым мужем столько лет, была полностью согласна с Дашей, но не пожелала вмешиваться в разговор.

Юля недолго молчала. Ей палец в рот не клади. Она не собиралась сдаваться и, смерив нас презренным взглядом, задорно воскликнула:

- Эй вы, курицы! У меня все получится! Я выше вас всех на голову. Ни одна из вас не может похвастаться своей личной жизнью, а я вам, неудачницам, придет время, всем нос утру.

Я косо посмотрела на Дашу, которая по глупости зацепила возом бригадиршу, и примирительно сказала:

- Девчонки! Каждый по-своему прав. Оставим эту тему. Давайте лучше поговорим о ..., - запнулась я.

- О цветах, - улыбнулась Шурочка.

- Правильно. Хорошая тема.

- Да, кстати, моя китайская роза накрылась медным тазом.

Я пожала плечами и скептически прокомментировала Шуриную новость:

- Разве в вашей обстановке, кроме кактусов, может кто-то выжить?

Всю ночь неустанно барабанил дождь в мое окно. Оно и неудивительно, стоял плаксивый ноябрь. В такую погоду, когда серые дождливые дни быстро переходят в сумерки, мою душу все чаще и чаще посещали унылые мысли. После стольких лет звучания звонкого задорного смеха сыновей тяжело находиться сутками одной в пустой квартире. Все же я старалась держать свое сердце в узде и весело отвечать на телефонные звонки детей.

В один из таких серых, ничем непримечательных дней я поехала проведать мать. Как только мы от нее съехали, она сошлась с соседом по лестничной площадке, и сейчас ей было не так одиноко. Старичок оказался неплохим человеком, а главное – не пил. Мать выгнала моего отца, любителя спиртного, еще в молодости и лишь на пенсии снова решила выйти замуж. Я не раз замечала, что мать светится тем неподдельным счастьем, к которому стремится любая из женщин, независимо от возраста.

Мама с отчимом всегда встречали меня радушно, с накрытым столом, то ли я была одна, то ли с детьми. Муж, проживший с тещей столько лет, был к ней не ходок. Стол, к нашему приходу, не обязательно ломился от изобилия блюд, но домашнее варенье, мед и сдобная выпечка неизменно ждали нас. Мы любили долго чаевничать и при этом делиться впечатлениями прожитых дней. Когда дети уехали, я все реже и реже стала проводить маму, больше общаясь с ней по телефону. Не хотелось, чтобы она лишней раз из-за меня одной суетилась на кухне.

- Катюша, что ты намерена делать со своей свободой? - спросила мама, когда мы сели пить чай.

- А с ней надо что-то делать?

- Ты ведь еще молодая. Одной же не будешь?

Я отставила чашку в сторону и надула губы.

- Буду. И больше я об этом ни слова.

- Ладно, не горячись.

- Меня волнуют только мои сыновья. На те гроши, что мне платят, я не смогу им дать образование, как надеялась раньше.

Мама кивнула на чашку.

- Пей, остывает и бери ватрушки. Еще теплые.

- Когда ты только успеваешь?

Мама пожала плечами и лишь через несколько минут заговорила:

- Не переживай ты так за детей, мы в этом месяце с дедом им послали денег, и дальше будем помогать, а там, смотри, и сами начнут где-то зарабатывать.

- Спасибо, мамочка, спасибо, любимая.

- Ой, что ты причитаешь, не чужие же люди? Лучше скажи, как работается? Втянулась? - поинтересовалась она.

- Да. Жить можно.

Мама невесело вздохнула и закивала головой.

- Тут я с тобой согласна. Ко всему человек привыкает. Ведь ты всегда так боялась темноты, до пятнадцати лет меня по ночам будила, просила провести в туалет.

Обняв мамочку, я честно призналась:

- И сейчас боюсь темноты, ох как боюсь, а куда деваться?

- Да уж. В наше время, чтобы работу найти, большое везение нужно иметь.

- А не потерять – еще большее.

Зашел на кухню отчим, и мы заговорили о скорой зиме, неизбежных холодах и плохом отоплении квартир.

Сегодня ночью, несмотря на скверную дождливую погоду, на базу снова пожаловал шеф. Он, как я выяснила у своего сменщика, был на базе в темное время суток частым гостем. Николай Владимирович на этот раз приехал не один. Рядом с ним в салоне сидела молодая девица. Я сразу увидела ее, как только машина подъехала к воротам.

«Вот сволочь! Неужели, любовницу с собой притащил?» - удивленно подумала я.

Шеф проигнорировал меня, стоявшую возле ворот, и, даже не кивнув в знак приветствия, проехал к зданию администрации.

Закрыв ворота, я снова принялась в который раз обходить базу. В вагончике я не решила остаться, не желая выглядеть в глазах хозяина ленивой и нерасторопной. Влажная одежда от длительного морозящего дождя совсем не испугала меня. Лучше уж простыть, чем нарваться на неприятность.

Четвероногие попутчицы бодро сопровождали меня, весело виляя своими пушистыми хвостами, время от времени поднимая на меня свои любопытные мордочки. Как ни странно, я научилась с ними разговаривать, и могла часами вести свой монолог. Слушая меня, они как будто участвовали в беседе, но не перебивали, и это поощряло меня. Дрожа

от холода и сырости, я завела простую бабью болтовню, после которой на душе часто становилось лучше.

- Правильно мы сделали, что ушли подальше от греха, - обратилась я к Амуре.

Та, словно соглашаясь, затыкала.

- А то еще шеф подумает, что нам есть дело до его амурных походов.

Теперь голос подала Роза.

- Милые дворняжки, я лишь вам одним могу признаться, зная, что вы никогда не выдадите, этот прохвост Николай Владимирович так сильно когда-то обидел меня, да и до сих пор обижает. - Собаки промолчали, а я тяжело вздохнула и добавила: - Разве ему есть дело до того, что сейчас мне здесь сыро и холодно, что заледенели мои пальчики ног, что мне очень хочется спать, не говоря уже о чашке горячего чая?

Услышав его имя, собаки не согласились со мной и, громко залаяв, побежали прочь. Я всегда кормила их только пшеничной кашей, приготовленной в сторожке на электроплитке, шеф же часто угощал их с рук мясными косточками, и этим, видимо, завоевал их собачье доверие. Будучи всегда сытыми, они любили его за лакомства и внимание к себе.

Я посмотрела им вслед, тяжело вздохнула и возмутилась:

- Вот тебе и женская солидарность.

Сделав в одиночку обход, я собралась было возвратиться в вагончик, погреться, но услышала длительный сигнал машины, подъехавшей к проходной. Я поспешила туда и не напрасно. Водитель легковушки, желая немедленно попасть на базу, сигналил со всей дури.

Подбежав, я узнала вишневый «Форд» хозяйки. Анна Яковлевна иногда проводывала мужа на работе, и я даже однажды вечером видела их, целующихся возле машины шефа. Еще тогда я позавидовала ей. Почему так устроен мир, одним – все, другим – ничего? Это была красивая, статная брюнетка, лет на семь-восемь моложе своего мужа.

- Анна Яковлевна, вам ворота открыть или позвать Николая Владимировича? - спросила я.

- Сделай милость, открой немедленно, - сердито ответила она.

Понимая, что этим могу навредить хозяину, я все же побоялась послушаться и хозяйку. Распахнув ворота, я пробурчала:

- Проезжайте.

Она тронулась с места, быстро проехала мимо меня, затем выскочила из машины и скрылась в административном здании.

Мне недолго пришлось наблюдать за дверью конторы. Спустя двадцать минут обе женщины, злые как собаки, поочередно покинули базу, жена – на своей иномарке, любовница – на такси. Первой вылетела из здания конторы жена, матерясь, как сапожник. Я стояла возле ворот и размышляла, что компания на втором этаже собралась не подходящая для нее. Анна Яковлевна там долго не задержится. И оказалась права. Если бы не мои быстрые движения, то я бы вылетела на проезжую часть дороги вместе с воротами.

Любовница спустилась на улицу лишь тогда, когда к воротам подъехало такси. Она с шефом прошла мимо меня, всхлипывая и вытирая платочком слезы. Замерев, я стояла неподвижно и даже не смотрела в их сторону пока они не вышли за ворота базы. Николай Владимирович усадил подружку в салон подъехавшей машины и постоял возле проходной, пока такси не отъехало, а затем, подойдя ко мне, резко сказал:

- Подымись ко мне на второй этаж.

- Иду, - поспешила ответить я без лишних вопросов, видя его скверное настроение.

Кабинет шефа напоминал мне поле битвы, правда, трупы нигде не валялись. Похоже, обошлось без особых кровопролитий, если не брать во внимание физиономию Николая Владимировича, которую я только сейчас, при хорошем освещении, смогла рассмотреть.

Лицо было изрядно исцарапано. Одна из находящихся недавно тут женщин, все-таки отметилась на его холеном лице, и я сразу догадалась, кто эта смелая дамочка.

- Вы, конечно, ничего не видели и не слышали.

Я посмотрела на сидящего в кресле пострадавшего шефа и спокойно ответила:

- Разумеется.

Николай Владимирович достал из аптечки вату и спирт.

- Помогите мне.

Стоя возле шефа, я осторожно обрабатывала его поцарапанное лицо и вспоминала, сколько раз мне приходилось в институте оказывать ему, любителю потасовок, первую помощь.

Николай Владимирович героически молчал.

«Надо же! Руководит таким большим коллективом, а в своем курятнике не может разобраться», - скептически подумала я.

Выполнив просьбу хозяина, я, прежде чем уйти, посоветовала горе- рыцарю:

- Постарайтесь, как можно дольше не мочить лицо водой и остерегайтесь крутых дамочек. Хотя бы на время.

На мою смелую реплику он не разозлился.

- Постараюсь, серая мышка.

Когда я подошла к двери, шеф с крайним недовольством, больше себе, чем мне, сказал:

- Почему у меня из-за вас, женщин, в жизни одни проблемы? Почему?

Я посмотрела на него недобрый взглядом и не постеснялась сказать:

- Видимо, сами вы такой хороший.

- Да что ты понимаешь? У таких, как ты, серых и недалеких, возможно и души нет. Лишь некая оболочка, видимость человека.

Это был удар ниже пояса и я, не думая о последствиях, сорвалась:

- А у таких, как вы ловеласов, уважаемый Николай Владимирович, душа находится в штанах.

Ему нужно было на ком-то сорвать свою злость и рядом, как назло, оказалась только я.

- Что вы себе позволяете, несчастная сторожиха? - снова шеф перешел на «вы». - Подобие женщины.

У меня не было резона и дальше злить Николая Владимировича, я промолчала, но он уже и без того кипел:

- Да я в два счета вышвырну тебя, болтливую дуру, на улицу!

Я окаменела, чего не скажешь о моем языке.

- Вы уже вышвырнули меня один раз из своей жизни. - Испугавшись своих же слов, я тут же добавила: - Мне приходилось с вами работать.

Казалось, он впервые пристально посмотрел на меня:

- Где? Когда?

- Не скажу.

- Я сам все узнаю. Твое лицо мне уж больно знакомо.

Директор уехал только утром. Что он делал в кабинете, я не знаю, но мне после стычки с ним не сиделось на одном месте. Ругая себя за длинный язык, я бродила с собаками по территории базы до самого рассвета. Принять решение бросить службу и остаться в это трудное время без работы, у меня не хватало духа. Я решила меньше попадаться ему на глаза и всегда держать рот на замке.

Тем же вечером был праздник для всей нашей женской бригады «Ух». Юля во второй половине дня встречала своего иностранца, который, несмотря на все свои обещания, смог приехать только ранней весной. Подруга договорилась с женихом, что приведет нас, своих подруг, в ресторан познакомиться с ним, и теперь не только она ждала богача.

Все девчонки, как девчонки, сразу согласились развлечься после долгой утомительной зимы, одна я отказалась. Мне не было в чем идти.

- Обижайтесь, не обижайтесь, подружки. Никуда я не пойду.

- Еще чего придумала? Пойдешь, - строго сказала Юля.

- Нет, - заупрямилась я.

- Катя, мы же должны ей помочь, - вмешалась в разговор Даша.

- Да. Вот именно – помочь, как настоящие подружки, - донимала меня бригадирша.

Шура своим писклявым голосом тоже решила на меня повлиять:

- Я лично скажу мужу, что иду искать работу, которую ищу уже больше года. Но ты сама прекрасно понимаешь, какие могут быть поиски после семи часов вечера.

- У меня веская причина. Не пойду же я в ресторан в спортивном костюме младшего сына? Ни пальто, ни туфель, ни платье.

- Но допустим пальтишко, хоть какое-то, у тебя есть, - не согласилась со мной Даша.

- И туфли найдешь, - добавила Шура.

- Ладно, а где взять платье? Я их уже сто лет не ношу.

Юля озадаченно вздохнула, и по-деловому сказала:

- Девчонки вы по домам, а я с Катькой в «Детский мир».

Подруги захихикали.

- А что, это хорошая идея! - согласилась Даша.

- И дешево, и прилично, - поумничала Шурочка.

Конечно «Детский мир» был только для отвода глаз. Юля повела меня в бутик к своей землячке и там купила мне красивое платье. Когда я примеряла его, подруга хлопнула в ладоши и воскликнула:

- Как преображает человека одежда! Да ты в нем просто красавица.

- Так я тебе и поверила, - недоверчиво проворчала я.

Пообещав своей землячке в течение недели принести не достающуюся сумму, мы счастливые с покупкой в руках, вышли из магазина.

Она обняла меня и, глянув на часы, сказала:

- Так, жди звонка. Решу все свои вопросы, обзвоню вас.

- Есть, начальник.

- Будь красивее всех. Я и тебе обязательно заморского жениха найду.

- Такое придумала. Не нужен он мне.

- Много ты понимаешь, серая мышка, - поддразнила меня подруга.

- Вот и ты туда же.

Юля чмокнула меня в щечку и весело произнесла:

- Мне можно, я люблю.

В ресторан я, ужасная копуша, попала позже всех. Пока я нашла наш стол в плохо освещенном зале, прошло еще некоторое время, но это не помешало мне внимательно разглядеть жениха. Я остановилась, как вкопанная, перед столиком и долго не могла оторвать удивленного взгляда от испанца, который встал, чтобы на своем родном языке поприветствовать меня. Он, этот «заморский принц», оказался низеньким толстеньким плюгавеньким старичком. Ну, дедушка – дедушкой. Страх от увиденного парализовал меня, я стояла, хлопала ресницами и молчала.

- Катя, садись, хватит столбом стоять, - вернула меня к жизни Даша.

- Извините. Задумалась.

Я села, перевела взгляд от иностранца на миловидную подружку, и только было открыла рот, чтобы высказать свое мнение по поводу жениха, как услышала слова наблюдательной Юли:

- Не сле-па-я. Все вижу и в советах не нуждаюсь.

- Ясно. Как его зовут?

- Хавьер.

- Жених знает русский язык?

- Три слова.

- Какие?

- Хочу, могу, люблю.

- Очень важные слова. Так чего мы тогда здесь собрались, если ты и без нас разобралась, что к чему?

Даша с Шурой переглянулись. Их удивила моя наивность.

- Как почему? Пришли поесть за чужой счет. Мы и тебе уже все заказали. Потом потанцуем и по домам, - довольно ответила Даша.

- Ну, как тебе такой план? - поинтересовалась Шуручка.

Вертя головой по сторонам и стараясь увидеть хоть что-то в этом темном зале, я недовольно высказалась:

- Хотя это радует. И стоило из-за старикашки такие деньги на платье выбрасывать.

- Помолчи, безблагодарная, - пресекла меня Юля.

Обычно я отличалась добродушно-покладистым характером, но сегодня на меня словно что-то нашло, я тут же огрызнулась:

- И не подумаю. Ужасный старикашка, ужасный.

Девчонки переглянулись и захихикали.

Когда мой взгляд остановился на Николае Владимировиче, сидевшим за соседним столом, зал ресторана вдруг сразу показался мне слишком освещенным.

- Ой, бабоньки, я пропала. Дайте воды, а то умру.

Юля проследила за моим взглядом и с довольным видом закивала головой.

- Так говоришь, платьице не понадобилось? А, по-моему, что ни на есть, кстати. Пришло время приятно удивить своего шефа. Почему ты должна всегда выглядеть, как серая мышка?

- Я уже ничего не говорю. Слышите, домой хочу и немедленно, - скривилась я, чем снова сильно рассмешила подруг.

- Трусиха. Пусть шеф боится тебя, такую красавицу, а не ты его. Сейчас мы такие пляски устроим, что твоему шефу мало не покажется. Правильно, мои милые девчонки? - воодушевлено произнесла Юля. - Тем более нечего на моего дедулю обращать внимание, пусть сидит и молча наблюдает.

- С его-то знанием языка, разумеется, придется молчать, - за всех отозвалась я, прекрасно понимая, что меня для такого мероприятия, как танцы, со стула даже силой не подымешь.

Практически весь вечер я просидела, глядя только себе в тарелку. Рассматривать Хавьера мне строго-настрога запретила Юля.

- Хватит глазеть на чужого жениха. Ты в нем дырку уже просверлила.

- Извини.

- Пойди лучше с девчонками потанцуй.

- Не хочу и не могу, Юлечка. Ноги не держат.

- Зачем я тебе только такое дорогое платье купила?

Я виновато пожала плечами, чем еще больше рассмешила подругу.

- Чего ты так боишься своего босса? Он же не черт с рогами.

- Хуже.

- Да, и, в конце концов, ты же в ресторане. Все сюда приходят отдыхать.

- Мне кажется, Николай Владимирович все время смотрит в нашу сторону.

Юля усмехнулась и сказала:

- Не только смотрит, но уже идет сюда.

- Как сюда?

Я со страхом подняла глаза и увидела подошедшего к нам Николая Владимировича, моего шефа, моего тирана, мою студенческую неразделенную любовь.

- Можно пригласить вас на танец?

- Кого?

Он тыкнул в мою сторону указательным пальцем.

- Вас, конечно.

- Я не танцую.

Глядя на меня в упор, шеф продолжал стоять рядом и сверлить глазами.

- Охотно верю. Я тоже плохой танцор, но это не тот танец, где нужно особое мастерство.

Я проглотила подступивший комок к горлу и спросила:

- Почему вы не танцуете со своей любовницей?

Николай Владимирович громко рассмеялся.

- Вы же не слепые и не можете не видеть, что ее пригласил на танец мой друг. А вам что за дело, серая мышка? Ревнуете?

- С чего это вы взяли, серый волк?

- Да так, к слову. Так вы идете танцевать или вас со стулом в центр танцевальной площадки вынести?

Юля, с ухмылкой наблюдавшая за нами, ответила за меня:

- Что за разговор? Конечно, идет. Дайте ей собраться с силами.

Я сердито посмотрела на подругу, поднялась, поправила платье и, не имея другого выбора, покорно последовала за Николаем Владимировичем в центр зала.

Даша в мой выходной день пригласила к себе в гости. Я вышла на залитую солнцем улицу и, предчувствуя приятные минуты общения с подругой, весело зашагала к автобусной остановке. Яркое апрельское солнышко слепило глаза, заставляя часто прикрывать их.

Даша торговала на рынке куриными окорочками, и вторую половину дня всегда была свободна. Она, одна из нас четырех, жила на окраине города, и поэтому мы редко собирались у нее. Все предпочитали для встреч Юлину квартиру, в крайнем случае – мою. В Шурочкиной квартире мы вообще никогда бабьи посиделки не устраивали. Там жило два монстра мужского рода, старый и молодой, и встреча с ними была опасна для жизни. Я могла лишь, если она меня попросит, заскочить за ней, но дальше коврика в прихожей не проходила, боясь, что с какой-то из двух комнат в любой момент выползет тот или другой огнедышащий дракон и откроет на меня рот.

Приглашение Даши немного удивило, но я постеснялась узнать причину встречи тет-а-тет и лишь догадалась о ней, когда увидела в ее комнате за столом мужчину средних лет.

- Познакомься, мой сосед, Сан Саныч.

Я равнодушно подала руку мужчине, почему-то показавшимся мне знакомым, и представилась:

- Екатерина.

- Ой, какая красавица! - сказал, улыбаясь, мужчина и принялся бесцеремонно рассматривать меня.

Мужчина был маленький, щупленький, сухой как тарань, но аккуратно одетый. На нем был черный костюмчик и белая, правда, застиранная, но хорошо выглаженная рубашка.

Представив меня, Даша сбегала хлопотать на кухню. Я тоже, желая быть подальше от цепких, как у хищника, глаз мужчины следом за ней оставила комнату.

- Зачем он тут, этот неприятный тип?

- Почему неприятный? Мужичок даже очень ничего.

- Ой, Даша, это у тебя от недостатка витаминов зрение ухудшилось. Признавайся, ты надумала меня с ним познакомить?

Подруга удивленно захлопала ресницами.

- Просто пригласила в гости и все. Ты даже не представляешь себе, как наши соседки за ним бегают. Вдовец с квартирой да плюс хорошая зарплата. Такое сокровище само в руки идет. Зачем упускать?

- Да? Где же он работает, что у него все так хорошо?

- Тебе лучше не знать.

- Ну, а все же? - настояла на ответе я.

Даша ухмыльнулась и призналась:

- Ты только не пугайся. Ведь люди везде работают.

- А конкретней?

- В морге.

Я брезгливо скривилась, только гробовщиков мне для полного счастья не хватало.

- То-то я смотрю вид у него как у гиены, присматривается, чтобы наскочить и растерзать.

Подруга не разделяла моего мнения и искренне возмутилась:

- Что ты сочиняешь, Катя? В наше время такой мужик большая редкость.

- Какой, такой, высушенный и проспиртованный как мумия?

- Все одинокие соседки моего возраста по нему сохнут, видимо, есть на то причина.

- Я уже это слыхала.

Настроение и так последнее время трудно было удержать ровным, а тут еще придется сидеть возле такого неприятного типа. Подумав о нем, как о нежеланном ухажере, я скривилась. До чего бедные бабы из-за недостатка мужиков опускаются?

- По мне, уж лучше никакого, чем такой жених.

- Так, хватит лишнее болтать. Ты его совсем не знаешь. Все, что на столе – это он принес.

Мне, с утра не имевшей даже крошки хлеба во рту, показалось это очень убедительным, и я сдалась:

- Ладно, может, ты и права. Не стоит спешить делать выводы о едва знакомых людях.

Пока ты тут стряпаешь, зайду в комнату к твоей матери. Как там она?

- Помаленьку. Больше лежит.

Юлька закрыла глаза на все видимые и невидимые недостатки жениха и спокойно потратила его деньги. Она, как я предполагала раньше и как показала встреча с иностранцем, совсем не была создана для прозаической жизни с мужчиной. Ей хотелось сплошного нескончаемого праздника, а не ежедневных домашних хлопот.

Молодые договорись, что Юля поедет к жениху по туристической визе, имея на руках билет в оба конца, а там уже на месте разберется, выходить ей замуж за Хавьера или возвращаться обратно.

Мы с Дашей провожали Юлю. Будучи на две головы выше своего жениха, она, одетая во все новое, добротное больше походила на модель, чем на безработную девушку. Юля, выйдя из такси, гордой независимой походкой сразу рванула к вокзалу, забыв о своем «тугом кошельке». Бедная подруга, по всей видимости, стеснялась жениха-коротышку и ни разу даже не остановилась, чтобы перевести дух. Хавьер на своих коротких ножках, с двумя большущими чемоданами в руках, больше напоминал неуклюжего носильщика, чем миллионера. Он всю дорогу пытался догнать длинноногую невесту, но напрасно. Я с Дашей еле поспевала за ними.

Юля остановилась возле проводницы, и только затем, чтобы подождать Хавьера с билетами, после этого ловко проскочила в свое купе. Там она с облегчением вздохнула и просияла:

- Вот кросс дала.

- Ну, ты и летела, Юлька.

- Садитесь и расслабьтесь, девчонки, - обратилась она к нам.

Подруга подмигнула мне и весело произнесла:

- Надеюсь, меня никто из моих знакомых не видел?

Зная, кого она имеет в виду, я только пожала плечами.

Даша, рассматривая запыхавшуюся подругу, не постеснялась спросить:

- Зачем он тебе, если ты от него шарахаешься?

Бывшая бригадирша громко беззаботно засмеялась.

- Что ты понимаешь в жизни, Дашка? Это я в родном городе такая пугливая, а на первой же станции мне будет наплевать, какой у меня с виду жених.

Наконец-то в купе втиснулся с чемоданами Хавьер. Он был тепло одет и по его лицу градом катился пот.

Юля скептически посмотрела на несчастного коротышку.

- Пойдемте, подружки, я вас провожу, а то этот гном еще ненароком зашибет одну из нас.

Мы мило простились с иностранцем, который не знал куда деть свои огромные чемоданы, кстати, с обновками подруги, и вышли в тамбур.

- Девчонки, если через две недели меня не будет, значит, я добровольно сдалась неверным, - пошутила Юля.

- Настроение, как я посмотрю, у тебя хорошее, - покачала головой Даша. - Довольная, что уезжаешь?

- А что мне терять? Если что не, по-моему, будет, вернусь. Ты главное, Катюша, за моей квартирой хорошенько присматривай, цветочки поливай и золотых рыбок не обижай, своевременно корми, воду меняй.

- Мы уже обо всем этом давно договорились. Не переживай. Свободного времени у меня сейчас вдосталь.

Сегодня вместо Петровича я сменила незнакомого мне ранее мужчину. Как оказалось позже, Петровича уволили в течение одних суток за то, что он придремал на дежурстве. Нового работника звали Борис Борисович. Тучный, неповоротливый, рыжеватый, весь в веснушках мужчина особого впечатления на меня не произвел. Ему было на вид лет сорок - сорок пять. Мне достаточно было одного беглого взгляда, чтобы заметить все, что говорило не в его пользу. Нечищенные туфли, помятые брюки, давно не стираная рубашка и запах немытого тела не могли способствовать продвижению нашего только что начавшего знакомства.

Я невольно вспомнила мужа, который ходил у меня на работу всегда чистенький, выбритый, в свежих рубашках и тяжело вздохнула. Андрей любил носить только белые или голубые рубашки, не заботясь о том, что у меня не всегда было время их стирать и гладить. По этой причине на вешалке в гардеробе, как минимум, висело три-четыре чистых сорочки.

Новый сотрудник в это утро видимо никуда не спешил и старался подольше пообщаться со мной. Борис Борисович приехал к нам из соседнего города, где все оставил жене и дочери. Со слов мужчины он решил начать жизнь с нового листа, надеясь, что вторая ее часть будет гораздо удачливее первой. Он остановился у своего родного брата, который и помог ему с работой.

- Что вы сегодня вечером делаете? - как бы, между прочим, спросил Борис Борисович.

- Работаю, - усмехнулась я.

- Ах, да. А завтра?

- Еще не знаю.

- Может, встретимся?

- Не думаю, что это хорошая идея.

- Почему? Я вам не понравился?

Всегда сдержанная в выражениях, я и тут постаралась ответить, как можно мягче.

- Нет, что вы? Я этого не сказала.

- Скромничаете? Не надо. Меня, сколько я помню, никогда не жаловал женский пол.

- У меня просто нет времени, - стала оправдываться я. - Мне нужно постирать портьеры и сделать генеральную уборку.

Решив очаровать меня своей открытой улыбкой, новый сотрудник показал два ряда вставных белых зубов.

- Мне донесли, что вы холостячка и моя ровесница. Я тоже свободен и имею массу свободного времени.

Его доводы не могли повлиять на мое мнение о нем, как о неухоженном, неопрятном человеке и я спокойно сказала:

- Ну и что? Это еще не повод для встреч.

Мужчина нахмурился. В его планы не входил мой отказ.

- Я тут подумал... и ... Может как-нибудь в другой раз?

- Может, - согласилась я, желая поставить жирную точку в малоприятном для меня разговоре и выпроводить новенького сотрудника за территорию базы.

Время бежало неустанно, снова и снова подтверждая поговорку: «Горбатого могила исправит». Этой летней ночью шеф снова проведаль базу. С ним была прежняя длинноногая блондинка. Я видела ее в третий раз, и третий раз она мне показалась малоприятной надменной особой. Открыв им ворота и не дожидаясь, когда они проедут, я отошла к вагончику. Но машина не поехала к конторе, а остановилась сразу за воротами. Девушка не поленилась выйти и отчитать меня, как провинившуюся школьницу:

- У тебя, что совсем голова не варит? Надо же было до такого додуматься, открыть ворота ночью! И кому? Вот дура – душой.

Я хоть и боялась Николая Владимировича, но на этот раз не сдержалась:

- При чем здесь я?

- Но ты жепустила жену шефа?

- Что значитпустила? А вы на моем месте, как бы поступили?

Она с негодованием окинула меня взглядом ифыркнула:

- Такое сказала. На твоём месте я никогда не буду. В этом году я оканчиваю технологический институт.

Я набралась храбрости и язвительно спросила:

- А что вы тогда здесь делаете, институт ищите?

- Не твоё дело. Я – заочница.

У Николая Владимировича, видимо, лопнуло терпение, он приоткрыл дверь машины и настойчиво позвал девушку:

- Марина, не приставай к ней. Иди, садись.

- Подожди.

Оставшись недовольной нашим разговором, длинноногая любовница шефа немного постояла возле меня и затем, мотнув головой, тут же капризно заявила:

- Я не хочу ее больше здесь видеть. Уволь ее.

Мне стало не по себе. Вот так поворот событий. Я с замиранием сердца перевела взгляд на шефа. Вдруг он тут же исполнил просьбу этой капризной злопамятной куклы, но хозяин базы молчал, чтоб ему пусто было. Напрасно я искала в нем поддержку или на худой конец сострадание.

- Ты, почему молчишь? - снова подала голос разукрашенная девушка. - Уволь, сегодня же уволь.

Наконец Николай Владимирович посмотрел на меня, как на пустое место, перевел взгляд на свою пассию и раздраженно прикрикнул:

- Садись в машину, Марина. Придет время – уволю.

- Я сейчас хочу! Слышишь? - не успокаивалась заочница. - Сейчас.

- Садись. Кому сказал?

Наконец-то она послушалась шефа и, открыв дверцу машины, опустилась на кресло возле него. Хозяин плавно покатил иномарку к конторе, оставив меня в растрепанных чувствах.

Что за коварная штука жизнь? У меня намного больше прав находиться рядом с ним. Так нет же, полюбил, разлюбил, бросил и забыл. А ты делай со своими чувствами все, что пожелаешь: страдай, мучайся, умирай от тоски, но главное, стиснув зубы, молчи.

Мое плохое настроение второй день подряд имело свои причины, и дело было не только в постоянно гнетущей работе. Больше всего меня волновало второе. Сыновья отказались приезжать на летние каникулы, мотивируя тем, что они все лето проведут в Крыму, работая официантами в небольшом ресторанчике города Алушты. Владельцем заведения, куда они собирались направиться, был отец одного из их сокурсников. Он и пригласил их подзаработать.

Выслушав эту печальную новость по телефону из уст старшего сына, я схватилась за голову и с обидой произнесла:

- Зачем? Каникулы ведь для отдыха. Может не стоит этого делать?

- Все уже решено. В Крыму будет достаточно времени, чтобы и отдохнуть.

- А где вы будете там жить? Где питаться? Вас там никто не обидит? Может, все-таки передумаете? - засыпала я вопросами Владимира.

- За нас не волнуйся, мы уже взрослые мужчины и если надо, позаботимся о себе. Ты лучше скажи, что у тебя новенького?

- Все по-старому, все очень хорошо.

- Как отношения с отцом?

- Ровные. Никто никого не ущемляет.

- Ладно, мамочка, мы еще до отправления в Крым тебе позвоним.

Положив трубку, я при всей материнской тревоге порадовалась за своих детей. У меня не было с ними столько проблем, столько у Шуручки со своим сыном, который в свои двадцать четыре года все никак не хотел – ни работать, ни учиться. Дашина дочь была всего лишь старшеклассницей, но больно часто придиралась к матери, считая ее непрактичной, простоватой и даже недалекой.

Я же не могла нарадоваться на своих сыновей. В моей однотонной серой жизни лишь они одни были проблесками надежды. Я верила в них, и эта вера, согревая мою материнскую душу, помогала мне жить и выживать.

Заранее обещанное свидание с Сан Санычем немного тяготило меня. Мне мужчина совсем не понравился, да и показалось, что он любит выпить. У Даши на столе была хорошая закуска, под стать ей выпивка, и он с подружкой приложился ко всему этому с большим энтузиазмом. Я же выпила пару стопочек вина и больше не захотела. Разговор за столом не клеился, трудно было найти общую тему для беседы, а выслушивать забавные истории Сан Саныча с его далеко не веселой работы казалось мне просто кошунством. Сейчас же, собираясь на свидание, я жалела, что вообще тогда осталась на застолье у подружки.

Одно радовало – безразличие к жениху не утруждало с выбором одежды. В чем приду, в том и приду. Я по-прежнему ходила в старых, донельзя изношенных вещах, но ставшими за долгое время носки такими любимыми и привычными. Денег для обновок не хватало, как и раньше. Почти все приходилось отсылать сыновьям.

Я еще издали увидела Сан Саныча, который стоял, прислонившись плечом к колонне здания кинотеатра. В руке мужчина держал розу. Подойдя ближе, я догадалась, что он нетрезвый, и мне сразу захотелось развернуться и уйти. Но, пожалев горе-жениха, который мог долго еще так простоять в надежде на нашу встречу, я подошла и стала перед ним. Сан Саныч стоял с закрытыми глазами и, похоже, дремал.

- Здравствуйте.

Он разлепил глаза и заморгал ими.

- А? Здравствуйте, Катя-Катерина, нарисована картина.

- Очень хорошо, - скривилась я, посматривая по сторонам.

Какой позор! Еще не хватало, чтобы меня увидели знакомые с этим алкашом.

Сан Саныч откатнулся от колонны, протянул розу и, потеряв равновесие, рухнул мне под ноги.

- И до свиданья! - сказала я.

- М- минуточку.

Мужчина попытался подняться, но я, резко развернувшись, быстро зашагала прочь, ругая себя, что не сделала этого раньше. Пусть бы стоял и подпирал колонну или колона подпирала его.

Всю дорогу домой я, злясь на себя и Дашу, готовила своднице надлежащую речь, но, подойдя вечером к телефону, передумала. У нее и без меня хватает проблем, и не могла же подруга заранее знать, что Сан Саныч припрется на свидание пьяным.

Юлька ровно через месяц вернулась с Испании. Она сразу позвонила мне и веселым голоском доложила:

- Привет. Я дома.

Я не поверила своим ушам и ахнула:

- Как дома? Вот радость-то, какая! А я к тебе собираюсь, цветочки полить.

Она рассмеялась в трубку.

- Отлично. Позвони подружкам, и приходите все. Есть о чем поболтать и чем закусить.

- Хорошо.

Пока я с подругами добиралась до Юлиного дома, хозяйка успела накрыть стол и сразу усадила нас за него. Правда, сначала на радостях мы расцеловали подругу, а потом каждая заняла излюбленное место, которое давно считала «своим».

- Давай, лягушка-путешественница, выкладывай все на чистоту, - весело сказала я.

Ее рассказ о поездке в Испанию был длинным и сбивчивым. Хавьер и в самом деле оказался богатым человеком, имел огромный дом и два супермаркета в Барселоне, но когда они приехали на место, вел себя, не как любящий жених – обходительно и внимательно по отношению к невесте, а повелительно и властно, как к девице определенного назначения.

- Девчонки, представляете, он меня каждому встречному представлял своей «новой игрушкой» и при этом заставлял показывать, как я его горячо люблю.

- Как это показывать? - удивилась Даша.

- Практически не зная языка, я должна была уловить его требующий взгляд, броситься ему на шею и целовать в присутствии всех, изображая страстную любовь.

- Ничего себе.

- Однажды ночью после такой демонстрации я просто не впустила его в свою комнату. И что вы думаете? Он начал угрожать мне публичным домом!

Я была в шоке от ее чистосердечных признаний подруги. Какой-то фильм ужасников.

- Да ты что?

- Сказал, что ему ничего не стоит отдать меня туда и вернуть потраченные деньги.

Мы все одновременно ахнули.

- Какой ужас!

- Не может быть!

- Вот это наглость!

Юля обвела нас взглядом, покивала головой и продолжила:

- Благо, что обратный билет и паспорт был всегда при мне, и я вернулась.

- Да, тебе не позавидуешь. А как ты нашла дорогу в аэропорт?

- Там много русских, они и помогли.

Юля снова покачала головой и с сожалением произнесла:

- Девочки, но то, что я успела увидеть, поразило меня. У Хавьера большущий четырехэтажный дом, сад, два бассейна, теннисный корт и многочисленная прислуга.

Я возмущенно фыркнула:

- Но как я поняла, все это не про твою честь?

- Почему? Всем этим можно было пользоваться, но при этом нужно вести себя, как послушной девушке для утех.

Мы недоумевающе переглянулись.

- А как же обещанная женитьба? - спросила Шурочка.

Юля разочаровано махнула рукой.

- Да никто на мне не собирался жениться. Я у него пятая по счету. Об этом мне как-то сказала горничная, пожелавшая приструнить меня, поставить на место.

- Что значит «на место»? - удивилась я.

- Она, гадина, сразу невзлюбила меня и часто жаловалась хозяину, пока я не устроила ей в саду темную.

Я, ни секунды не сомневаясь в правдивости подружкиных слов. Кто-кто, а Юлька всегда могла за себя постоять.

- Молодец! Надо уметь не давать себя в обиду.

- Знаю и никогда не упускаю случая отомстить обидчику.

Юля поднялась, высоко потянулась и направилась в кухню.

- Эх, красатулички мои, бутылочку из холодильника достаем и начинаем угощаться!

Везде хорошо, а дома лучше.

Шурочка весело крикнула вдогонку хозяйке:

- А то, что вернулась, молодец! Встретишь ты еще своего принца!

- Само собой разумеется. Какие мои годы.

Даша словно была внештатным сотрудником ЦРУ и знала обо всех все. К ней по неизвестной нам причине стекалась информация о наших общих знакомых, бывших сотрудниках, ее соседях. Она одна имела привычку обзванивать всех девчонок не только нашего цеха, но и всей базы, поздравлять с днем рождения или с общепринятыми праздниками. Шура и я всегда удивлялись ее настырности. Это же надо иметь время дозвониться, поговорить, узнать как дела, пообещать перезвонить и сдержать свое слово. Бывшая бригадирша за эту страсть Дашу за глаза называла сплетницей.

Чуть позже, когда мы сидели у Юли и уже готовились кофейничать, Даша невзначай бросила фразу:

- Все ищут легкой жизни, а куда она может завести одному Богу известно.

Юля вспыхнула, как спичка.

- Это камушек в мой огород?

- Не только. На днях я узнала, чем наша тихоня Ольга на самом деле занимается.

Симпатичная голубоглазая молодая женщина, всего на год старше Юли, на самом деле была в цехе самой молчаливой. Ольга под стать мне была худенькой и маленького роста, но очень уж нелюдистой. Из нее порой за день слова не вытянешь, не говоря уже о какой-то шутке. Она жила очень бедно, имела комнатку в общежитии и сама воспитывала трехлетнюю дочь. За все годы, что Ольга проработала у нас, мы не смогли ни разу вытянуть ее, ни на одно мероприятие коллектива.

- И чем же она может заниматься? Наркотиками? Самогонварением? - закипела от возмущения бывшая бригадирша.

Ольга всегда вызывала у меня сострадание. Ребенка она родила после тридцати, слабенького и болезненного, и часто просиживала с ним на больничном. Женщина не всегда имела денег на проезд и в основном на работу ходила через весь город пешком. Я вспомнила нашу с ней последнюю встречу и задумалась. Было утром, и я сонная уставшая брела с дежурства по мосту через железную дорогу. Ольга тоже тогда имела не лучший вид. Темные круги под глазами и осунувшееся лицо выдавали ее хроническую усталость.

- Я ее как-то видела, и она мне сказала, что сторожит магазин.

Даша перевела взгляд на меня.

- Ага, а ты и поверила?

- Почему нет? Конечно, поверила.

Даша покачала головой и сказала:

- Недавно я разговаривала с ее кумой с той, которая работает где-то в ночном баре, и она призналась мне, что часто по телефону вызывает Ольгу к своим денежным клиентам.

- Зачем? - недоумевающе спросила я, но тут же догадавшись, ахнула: - Не может быть!

- Зачем ей врать?

- Вот это новость, - подала голос Шура, до этого слушавшая нас с открытым ртом. - Так она занимается проституцией?

Юля, которая до этого разговора пребывала в хорошем настроении и много смеялась, вдруг строго сказала:

- Ладно, сменим тему. Все это не от хорошей жизни.

- Светлана и Люся, все так же за границей работают? - вздыхая, спросила я, хотя прекрасно знала об этом.

- Да, и обе в Италии, - подала голос все та же осведомленная Даша.

Юля демонстративно поднялась и недовольно произнесла:

- Я устала с дороги. Пора расходиться. Будет желание вас видеть, позвоню, а нет, не обессудьте.

Никто никогда не видел Юлю такой раздраженной, особенно у себя дома. Мы тихонечко стали собираться, понимая, что настроение у хозяйки из-за Дашки испортилось надолго.

Мне с каждой сменой становилось все труднее и труднее сменять на работе Бориса Борисовича и всякий раз у меня создавалось такое ощущение, будто я стою возле мусорного бака и задыхаюсь от вони, не имея возможности отойти. После его ухода мне долго и тщательно приходилось проветривать вагончик.

Хуже того, Борис Борисович возмнил себя моим ухажером. Его предложения встретиться со мной вне работы были все более настойчивые и начали меня раздражать. Он, видимо, хорошо помнил поговорку «вода камень точит» и поэтому капал, капал на мои мозги до тех пор, пока я не согласилась.

Дождливая погода, несмотря на теплый летний день, не располагала к длительным прогулкам, и Борис Борисович напросился на чай. Еще с порога он стал рассматривать мою с мужем квартиру, да так, как будто к ней примерялся.

- Хорошая у вас квартирка и комнатка нравится.

- Что тут хорошего?

- Большая, светлая, правда, похожая на комнату в общежитии: две кровати, две тумбочки, два стула. Хорошо, что хоть один стол.

- Это – комната детей, а по соседству здравствует бывший муж.

Борис Борисович почесал затылок.

- Да? Так ее тогда разменять можно: и у вас, и у него будет отдельное жилье.

- Я как-то об этом не думала.

- А вы подумайте. Хороший район, хороший этаж.

- Вам-то, что с этого?

Он загадочно ухмыльнулся.

- Женщине одной плохо. Женщина всегда нуждается в спутнике жизни.

- Кто вам такое сказал?

- Так об этом каждый мужчина знает. Баба без мужика становится злой, раздраженной и быстро стареет. Может, и мы с вами найдем общий язык для нашего же блага?

Я независимо тряхнула челкой и безапелляционно отчеканила:

- Не думаю, что это хорошая идея. У меня аллергия на мужчин, больше, я вас всех ненавижу.

После этого разговора ситуация значительно улучшилась. Борис Борисович перестал напрашиваться в гости, но при малейшей возможности приглашал в кафе выпить с ним чая.

Вернувшись из-за границы, Юля не стала искать работу и жила на деньги родителей. Подруга засела за английский язык и целыми днями занималась зубрежкой. Наши встречи с ней стали перерывами между ее утомительными занятиями и моей работой. Когда я уходила на выходные, она с раннего утра вызванивала мне по телефону с просьбой навестить ее. Всегда зная, что Юля вкусно покормит, отвлечет от грустных мыслей и даже развеселит, я никогда не отказывала ей.

Как-то прядя к подруге, я снова столкнулась в дверях с Павлом Николаевичем. Не стесняясь меня, он чмокнул подругу в щечку и заторопился уйти. Я проводила его любопытным взглядом.

- По-моему я слишком часто сталкиваюсь с этим симпатягой? Кто он тебе?

- Я уже говорила, врач. Пришел по вызову. Хвораю, - засмеялась Юля.

- Как давно ты его знаешь?

- Это тот, из прошлой жизни.

Я округлила глаза и вытаращилась на подругу.

- Что? Школьная любовь?

- Да.

Мы прошли в комнату, и я удобно уселась на диван. Подруга примостилась рядом.

- Ты меня убила. Так это тот предатель?

- Да, Его жена думала, что от меня так легко отделаться. Увела любимого парня и решила, что этим дело кончилось.

Меня продолжало разбирать любопытство.

- И ты ни разу не встретила с ней, живя в одном городе?

- Было пару раз. После этого я подыскала себе работу на овощной базе, чтобы меня практически никто не видел.

- Понятно. А я всегда задавала себе вопрос, что эта красавица делает среди гор гнилого картофеля? И вот тебе ответ, оказывается, ты просто там пряталась. - Недовольно взглянув на подругу, я спросила: - Так и будешь прозябать на задворках его жизни?

Юля насупилась, и я пожалела, что затронула болезную для нее тему разговора.

- Нет, конечно. Устала я от таких отношений. Вечно все украдкой. Как надоела ворованная любовь! Павел Николаевич никогда не бросит жену, она умудрилась ему троих детей родить.

Я искренне удивилась. У нас не принято в стране рожать больше двух.

- О-го-го! В наше-то время? Смелая бабенка, эта училка.

- Она их за один раз выстрелила.

- Тройню родила?

- Да.

- Видать был хорош заряд.

Юля не оценила моей шутки и задумчиво произнесла:

- Снова хочу рвануть за границу, вот и английский язык учить начала. Вдруг повезет?

- Не боишься?

- Теперь буду более осмотрительна.

Имея большие сомнения на этот счет, я недоверчиво покачала головой.

- Мне кажется, что я бы никогда не смогла жить с иностранцем да еще за границей.

- Когда кажется, креститься надо. Ты ведь там даже ни разу не была, о чем с тобой можно говорить?

- А ты на один раз больше. Много знать стала?

- По крайней мере, я уже имею представление о той жизни.
- Я думаю, люди везде по-разному живут, что у нас, что за границей.

Юля фыркнула и вскочила с дивана.

- Это у тебя от недостатка информации. Речь идет о красивой обеспеченной жизни, и к ней теперь я буду стремиться, во чтобы то ни стало.

- Легко тебе болтать, когда за тебя все родители делают. Живешь, как вареник в масле. Подружка улыбнулась и помахала перед моим носом указательным пальцем.

- Завидуешь? О, Катюша, это на тебя совсем не похоже.

- Извини. На работе не ладится, дети домой не приехали...

- Перестань хныкать, вот устрою свою личную жизнь и за тебя возьмусь.

Я от души рассмеялась.

- Сначала покорми, чтобы силы были дожить.

Юля схватила за руку и потянула на кухню.

Даша по телефону пообещала на днях навестить меня. Она редко заходила ко мне в гости и то, в основном, тогда, когда ездила в центр за чем-нибудь особенным, чего не было у них на окраине. Сегодня ей захотелось меня позлить, и она привела с собой своего соседа.

- Я не одна. Со мной Сан Саныч, - заявила мне весело Даша, как только я открыла ей дверь.

Первое чего захотелось, это просто захлопнуть перед подругой дверь, но я с трудом взяла себя в руки и зашипела:

- Ты с ума сошла. Зачем он здесь?

- Тихо, услышит. Он поднимается сразу за мной.

- Ну и что?

Даша обиженно надула губы.

- Я же хотела, как лучше. Мужик по тебе сохнет.

- Никто его об этом не просил.

Подруга хмыкнула и с сожалением в голосе честно призналась:

- Лучше бы он на меня повнимательней посмотрел. Чем я хуже тебя?

Увидев поднимающегося по лестнице запыхавшегося от тяжелой ноши работника морга, я тяжело вздохнула и процедила сквозь зубы:

- Ну и удружила ты мне, Дашка. Проходите.

Сан Саныч, щедрый за чужой счет, оказался мастером на все руки. Пока он был у меня, то исправил дверцу в кухонном шкафу, прибил мне два гвоздя в ванной комнате для полочки и починил электрочайник, и за свои трудовые подвиги получил от меня заслуженную похвалу:

- Вы незаменимый мужчина в хозяйстве. Теперь я верю, что женщины воюют из-за вас.

Он в шутку поднял нос вверх.

- Я знаю. А если серьезно, то я привередливый жених и мне не каждая подойдет. Вот вы, например, такая маленькая и аккуратненькая....

- Не будем касаться этой темы, - перебила я гостя.

- Почему? Может вы решили, что я пьяница? Тогда, идя к вам на свидание, я для храбрости чуть-чуть больше положенного употребил.

- Я давно забыла тот инцидент. Нам вообще не стоило встречаться.

Он озадаченно почесал затылок и сказал:

- Ладно, хозяйюшка, загружайте дальше работой.

- Пойдемте в коридор, взгляните на вешалку, которая давно на ладан дышит.

Пока Даша готовила обед, Сан Саныч переделал столько всяких дел, сколько Андрей не смог сделать за всю нашу совместную жизнь. Бывший муж не только не умел, но и не хотел ничего делать. Наблюдая за гостем во время работы, я пришла к выводу, что в нем,

несомненно, есть нечто требующее уважения и уже не сомневалась в правдивости слов подруги, по поводу некоторых дам, желающих женить его на себе. Такой мужик находка для дома.

Заметив, что Даша из кухни с любопытством за нами наблюдает, я шепнула Сан Санычу на ухо:

- Обратите внимание на мою подругу, она души в вас не чает. Почти влюблена.

- Да? А как же вы?

- Я не люблю мужчин.

Сан Саныч настороженно посмотрел на меня.

- Как вас понимать?

Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.

- А как хотите, так и понимайте, главное – к подруге присмотритесь. Не пожалеете.

Душа-человек.

Новый жених Юли оказался нормальным мужиком. Он был родом из Великобритании, имел свой строительный бизнес и с первого взгляда, к моему большому удивлению, влюбился в подружку. Жених приехал не с пустыми руками, а с ценным подарком – с золотым колье. За время переписки с ним по интернету и длительных бесед по телефону, Юля продолжала упражняться в английском языке и теперь удивляла меня своим беглым, разговорным. Британец прилетел в Одессу, оттуда взял такси, которое подвезло его к самому порогу Юлиного дома.

Мы втроем сидели в квартире подруги и обедали. Она попросила меня быть в роли ее телохранительницы, так как не хотела оставаться наедине с женихом. Имевшая горький опыт общения с иностранцами Юля на этот раз решила вести себя строго и независимо. Она забронировала для гостя номер в гостинице «Интурист», чтобы в любой нежелательный момент выдворить его туда.

Ее опасения оказались напрасными. Даниэль, сокращенно Дан, так звали сорокалетнего мужчину, вел себя безупречно и вскоре успокоил хозяйку. Он очаровал нас манерами, показав нам, как виртуозно обращается вилок и ножом, даже кушая мелкую речную рыбу, а напоследок удивил музыкальными способностями. Не отрывая взгляда от моей подруги, Дан исполнил на своем родном языке песню о любви, чем совершенно пленил Юлю.

В течение обеда я успела внимательно рассмотреть жениха. Коренастый, среднего роста мужчина в молодости имел каштановые волосы, которые сейчас остались только на затылке, но его мужественное лицо от этого нисколько не пострадало. Карие выразительные глаза, крупный нос и в завершении красивой формы губы создавали довольно приятное впечатление, а когда он улыбался, то вообще превращался в красавца.

На улице был июль и, когда спала дневная жара, к которой бледнокожий Даниэль не привык, мы вышли прогуляться в парк.

Вокруг прохаживалось много людей разного возраста. Работали аттракционы, били на всю мощь фонтаны и то там, то здесь звучали приятные мелодии.

Мы немного прогулялись и, выбрав уютную летнюю площадку, сели за столик. Юля заказала нам шампанское, а Дану – пиво. Я слушала легкую музыку, доносившуюся из бара, и радовалась за подругу. В ожидании заказа, Юля с британцем мило беседовали, и по их лицам было видно, что им приятно это общение.

Когда официантка принесла заказ и расставляла закуски на столе, Юля наклонилась ко мне и шепнула:

- Я ему, видимо, понравилась.

- Скорее всего.

- Он сказал, что приедет в сентябре.

Мне показалось это очень хорошим знаком.

- Да? Наверняка влюбился.

Подруга просияла.

- Возможно. Потом в октябре.

- Опять? Этого я уже не могу понять.

- Чтобы жениться, если все пойдет как надо, - хихикнула подружка.

- Так сразу? - удивленно спросила я. - Подозрительно. Что, у них там невест нет?

- Дан сказал, что пока мы гуляли по парку, он увидел столько красивых женщин, сколько не видел за всю свою жизнь у себя на родине.

- Я как-то об этом даже не думала.

Мне часто приходилось слышать, что многие иностранцы предпочитают брать в жены наших девушек, и я думала, что это из-за практичности невест.

Подруга улыбнулась и шепнула на ухо, хотя это было совсем ни к чему, Дан совсем не знал русский язык.

- Еще он сказал, что ты тоже очень красивая.

- Но это уже – сущая ерунда, или у него слабое зрение, - застеснялась я, отведя взгляд в сторону.

Ночной визит шефа не удивил меня. Вообще-то, если честно, он давно переставал удивлять сотрудников базы. В этот раз Николай Владимирович был до такой степени пьяный, что еле вылез из машины. Пошатнувшись, он поманил меня рукой, а когда я подошла, протянул мне связку ключей и повис на моих плечах.

- Помоги мне добраться до дивана, серая мышка.

Я посмотрела на шефа и поразились, как в таком состоянии можно было, вообще, водить машину. Мне невольно вспомнились студенческие годы. Еще тогда Николай пил редко, но, добравшись до рюмки, не знал меры. Он превращался в куклу-невалашку, и приходилось, надрываясь тащить его до кровати. Видимо годы застольных тренировок сделали свое дело, и Николай Владимирович, не способный стоять на ногах, виртуозно управлял машиной.

- Зачем же так нажираться? - недовольно спросила я, таща шефа на своих хрупких плечах.

Николай Владимирович вяло махнул рукой и честно ответил:

- Ай! Была на то веская причина. Жена после той злосчастной ночи, обзвав меня редкостным ничтожеством, ушла. Сегодня оформили развод. И ты представляешь? Обобрала меня как липку, одну только эту базу оставила и пару магазинчиков в придачу.

- Правильно сделала, - еле слышно сказала я.

Он пьяно ухмыльнулся и сделал немалую попытку с моей помощью взобраться на второй этаж.

- Зато я теперь, серая мышка, свободен, - оповестил меня Николай Владимирович уже в длинном коридоре второго этажа.

«Ну и что? Подумаешь, большая радость?» - промелькнуло у меня в голове.

Когда «ценный груз» был доставлен по назначению и определен на диван, я решила вернуться к своим прямым обязанностям, но шеф остановил меня.

- Ты куда? Сейчас твоя главная задача сторожить мой сон. Вот и сиди здесь, и не рыпайся.

- Ладно.

Я послушно присела на стул возле дивана и уставилась на Николая Владимировича, ожидая дальнейших указаний.

- Расскажи мне сказку, серый мышонок.

Удивившись странному желанию великовозрастного дядьки, я пожала плечами и устало поинтересовалась:

- О чем?

- О любви, конечно. О той, которой не существует.

Взглянув на сонного, со слипающимися глазами шефа и я невесело начала:

- Жила-была малышка, которая очень любила своего парня-верзилу...

В этот момент Николай Владимирович захрапел, и я, облегченно вздохнув, закончила фразу:

- Да и до сих пор любит.

Тихонько поднявшись, я покинула кабинет верзилы и пошла к своему вагончику, в котором только в эту пору было комфортно. Летом металлический вагончик накалялся до такой степени, что в нем невозможно было дышать, зимой же от печки-буржуйки стояла дымовая завеса, и тоже трудно было дышать.

В воскресенье меня нежданно-негаданно навестил Борис Борисович. Нужно отметить, что мужчина стал следить за своим внешним видом. Это был не первый внезапный визит сменщика ко мне домой. Последнее время он мог в свой выходной день утром подойти к проходной базы и, подождав пока я сдам смену, проводить, а мог и вовсе без предупреждения нарисоваться у моих дверей.

Я завела гостя в комнату и, размышляя о его невероятной назойливости, вышла поставить чайник на газовую плиту. Приготовив чашки, чай и сахар, я вернулась обратно и села на одну из кроватей. Борис Борисович, раскинувшись на стуле, сосредоточенно читал газету. Он не обратил внимания на мой приход, пока не прочитал статью.

- Интересно пишут. Вы читаете газеты?

- Нет.

Борис Борисович отрывисто закивал головой и ухмыльнулся.

- Так можно и буквы забыть.

Я промолчала, рассматривая человека, к которому ничего не испытывала, кроме неприязни.

- Нравится мне у вас, Катерина, - потянувшись, признался гость. - Чистенько, уютненько, цветы на подоконниках радуют глаз. Не хотите завести личную охрану?

Поняв намек Бориса Борисовича, я тут же ошетибилась.

- О какой охране может идти речь? Себя нечем кормить. Да и двоим сыновьям, неизвестно сколько нужно будет помогать.

- Уже взрослые, сами о себе позаботятся. Я в шестнадцать лет ушел из дома и, как видите, до сих пор жив и здоров.

- Других детей государство воспитывает, но это не значит, что и мы своих должны в интернаты сдавать.

Услышав свист чайника, я поспешно вышла на кухню. Затронутая тема разговора окончательно испортила настроение и в дальнейшем совсем не располагала к общению. Поставив на поднос чашки, мед и печенье, мне ничего другого не оставалось, как снова вернуться к гостю.

- Катерина, не подумайте ничего плохого. Просто вас жалко, вы ведь еще такая молодая интересная дамочка. Вам мужчина нужен, как каждой нормальной женщине.

Я промолчала, делая вид, что занята исключительно чаепитием.

Гость не однозначно посмотрел на меня и для пущей важности подмигнул.

- Подумайте над этим. Лично я – готов.

Зачем, собственно говоря, я должна выслушивать в своей квартире эти нелепые разговоры? Подождав, когда гость допьет чай, я поднялась и сдержанно сказала:

- Извините, у меня много дел.

- Вы обиделись? Катерина, вы обиделись, но за что? Я же ничего лишнего не сказал, - изумился Борис Борисович, не ожидая такого поворота событий.

Я молча направилась к входной двери, размышляя о том, какой неприятной обузой оказался для меня новый работник продуктовой базы.

- Почему вы молчите? Вы обиделись? - недовольно засеменил за мной гость.

- Нет, не обиделась, просто мне некогда.

Выпроводив Бориса Борисовича, я решила, что если одинокий сменщик, который не знает, куда деть свое свободное время, будет и впредь доносить меня, придется с ним серьезно поговорить.

Жених Юли был последовательным человеком. Он, как и обещал, приехал сначала в сентябре, затем в октябре. Каждый раз Даниэль приезжал ненадолго, но это время помогло двум людям разобраться в своих чувствах.

На удивление теплым безветренным октябрьским днем Юля выходила замуж. Когда мы с невестой на белом лимузине подъехали к ЗАГСу, там уже находился черный «Кадиллак» с женихом и ожидающие нас приглашенные. На подруге было роскошное свадебное платье кремового цвета, вышитое бисером, и белая воздушная шаль. В ее ушах блестели крупные бриллианты – подарок жениха.

- Выходим, - скомандовала я на правах дружки.

Красавица-невеста, сидящая рядом со мной на заднем сидении, изрядно волновалась. Она то и дело теребила носовой платочек.

- Подожди. А ну-ка выгляни в окошко. Там никого постороннего нет? Ты знаешь, о ком идет речь.

Приоткрыв окно, я выглянула из машины. В трех шагах от нас стоял с большим букетом роз Павел Николаевич.

- Выходим, никого подозрительного не вижу, - сказала я, с трудом сдерживая беспокойство.

Юля открыла свою дверцу и вышла к стоящему рядом с машиной жениху. Взгляд Даниэля был полон восхищения. Он наклонился и, шепнув что-то невесте на ухо, поцеловал в щечку.

На правах шафера Даниэля сопровождал Сан Саныч, к этому времени ставший женихом Даши. Они собирались пожениться под Новый год.

Приглашенные стали подтягиваться к нам, один Павел Николаевич не двигался с места. Он заворожено смотрел на Юлю, не догадываясь, что теряет свою первую любовь навсегда. На лице одноклассника отражались терзающие душу переживания. Юля тоже несколько раз бросала взгляд в его сторону и вздыхала.

Только сейчас я увидела, как много у подружки родственников и знакомых односельчан. Каждый радовался за Юлю, тридцатисемилетнюю невесту, впервые вышедшую замуж. Все подходило и от чистого сердца поздравляли молодых. Лишь один одноклассник, стоявший в стороне, не испытывал всеобщего веселья. Я не сводила с него взгляда, боясь, что он все же сделает какой-нибудь опрометчивый шаг. Павел Николаевич еще долго сжимал в руках цветы, но так и не набрался смелости подойти и поздравить невесту. Он подошел ко мне и попросил передать невесте букет. Когда все прошли в здание ЗАГСа, мужчина незаметно исчез, сделав этим большое одолжение невесте.

Так получилось, что за столом мне пришлось сидеть возле Юлиной бабушки, той, которую бригадирша на работе часто ставила нам в пример. Баба Нина увидела, что я пришла одна и, решив, что буду ей неплохой собеседницей, обрадовалась.

- Ты, наверное, ее лучшая подруга, раз она тебя в дружки взяла?

- Получается.

Старушка лет под восемьдесят в белом батистовом платочке мило улыбнулась и пододвинула свой стул ближе к моему.

- Я так рада за свою внученьку Юленьку. Может, хоть она мир увидит? А что я видела в деревне в свои молодые годы? Ничего. Сплошная пахота, да и только.

Понимая, что старушке не терпится с кем-нибудь поделиться своими воспоминаниями, поощрила ее:

- Я наслышана о вашей жизни.

Юлины неоднократные примеры из героической трудовой жизни бабушки это – одно дело, но сейчас мне выпала возможность сделать приятное старушке и послушать все заново, как говорится, из первых уст.

- Может, расскажите, бабушка?

- Вот за здоровье жениха и невесты выпью и начну.

Я обвела взглядом всех многочисленных родственников Юли и представила, как они радуются сейчас за нее. Бабушка этим временем опорожнила рюмочку, закусила холодцом и тронула меня за локоть.

- Слушай правду, родимая, о которой ты вряд ли где-то прочтешь. Я в свои пятнадцать лет зимой наравне с мужиками лес рубила. И не просто рубила, а норму выполняла. Как сейчас помню, попался нашей подростковой бригаде на участке дуб вековой, и как мы с ним не мучались, не могли совладать, и все тут. Стоим и плачем, а мороз никого не жалеет, лютует. Некоторые бригады давно закончили работу, домой возвращаются, а мы все мучаемся с этим дубом.

- И не помогли?

- Как не помогли? Помогли, если бы не они – ночевать нам в лесу.

- Ну, а летом чем занимались?

- Лен убирала, коней запрягали, все делали, что нам приказывали. А ягод, а орехов кругом в лесу видимо-невидимо, но собирать некогда.

- Вот это детство!

- Какое детство? Каторга. Что не так, пропесочат тебя в стенгазете, мало не покажется, а самое страшное никуда ни сбежать, ни уехать – документа нет. Бесхозные мы.

К нам подошла Юля, обняла бабушку и, чмокнув в щечку, беззаботно сказала:

- Заберу я от тебя Катюшу. Она мне сейчас нужна. Пока вы тут беседовали, у меня туфельку утащили.

- Как украли?

- Молча, - засмеялась подружка и подмигнула мне.

От монотонного стука дождя за окном я проснулась и почувствовала, что не одна нахожусь в комнате. Привыкнув к темноте, я увидела стоящего рядом с кроватью мужа и подхватила.

- Что случилось? Что-то с сыновьями?

Он отрицательно махнул головой.

- Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

Сон как рукой сняло.

- Зачем тебе это?

Андрей сел на краешек кровати и вздохнул.

- Мне плохо без тебя. Я только теперь понял, что ты значила в моей жизни.

- И что же?

- Все. Душевное спокойствие, понимание, уверенность в завтрашнем дне.

Я села рядом, обмотав себя одеялом.

- Ты ведь никогда меня не ценил. Ты мог в дождливый день зайти в обуви прямо в комнату, пройтись по коврам и разуться только возле кровати. Мог разбросать грязное белье по комнате или ванной, зная, что есть кому убрать. Порой даже ленился спрятать оставленную для тебя еду в холодильник. Это в глазах мужчины может казаться пустяком, а для уставшей от подобных мелочей женщины – бесконечной пыткой.

Он помолчал.

- Я буду другим.

- А эти твои похождения через дорогу? Это же просто омерзительно.

Упрек вырвался почти автоматически.

- Я изменюсь.

Покачивая головой, я печально произнесла:

- У тебя ничего не получится.
- Что мне нужно сделать, чтобы ты поверила?
- Не знаю. Может, это покажется кощунством, но мне без тебя хорошо.
- Не верю.

Мы были на опасном расстоянии друг от друга. Андрей протянул руку и прикоснулся к моим распущенным волосам.

- Дай мне шанс.
- От него исходило еле удерживаемое желание.
- Дождливая ночь на дворе. Спать нужно. Чего ты хочешь?
 - Остаться с тобой до утра.

Андрей наклонился и попытался впиться в мои губы. Я оттолкнула его и процедила сквозь зубы:

- Уходи. Немедленно уходи.
- После этой ночи, я попросила соседа сделать мне на дверях щеколду.

Это был один из самых скверных дней моей жизни – Юля покидала нашу страну. Даже видя то, что она счастлива с этим иностранцем, я, законченная эгоистка, не хотела отпускать ее от себя. Столько лет она выручала меня, ничего не требуя взамен. И речь шла не только о деньгах, которые она вечно совала мне на работе и врала при этом, что это заслуженная премия от руководства базы или делилась продуктами, пытаясь внушить мне, что ей столько не съесть, и они непременно пропадут. Ее оптимизму, заряду энергии, силе характера могла позавидовать каждая из моих подруг, и поэтому мы тянулись к ней, как цыплята к наседке. Сейчас мы сидели вчетвером в спальном вагоне скорого поезда, держащего путь в столицу, и распивали шампанское. У меня в этот дождливый, и без того тоскливый вечер, глаза были на мокром месте, но это только потешало моих подружек.

- Чего ревешь, не маму же родную провожаешь? - затронула меня Даша.
- Завидует, - болтнула Шурочка первое, что пришло в голову.

Юля, сидевшая на одной полке со мной, обняла меня.

- Катюша, прекращай. Пей лучше. Кто вам еще нальет, когда меня не будет, такое дорогое шампанское.

- Не хочу пить, хочу, чтобы ты не уезжала.
- Но это уже чересчур, - пробурчала Даша.

- А я могу понять Катерину. Она же совершенно одна остается, - заступилась за меня Шурочка.

- Кто ей виноват, что она перебирает? Я лично, могу ей только спасибо сказать за Сан Саныча.

Юля, никогда не церемонилась в выражениях, и тут нашлась, что ответить Дашке:

- Зачем он ей нужен, этот гробовщик? Я ей такого жениха найду, полгорода завидовать будет. Я буду не я, если у меня не получится Катюшу за иностранца замуж выдать.

Шура с Дашей переглянулись.

- Ты всегда ее больше нас любила, - пропищала Шурочка.
- Я тоже это замечала, - не сдержалась Даша.

Вытерев платочком слезы и не обращая внимания на подруг, они всегда любили почесать языки, я скорбно вздохнула, понимая, что некому помочь моему большому горю.

Юля укоризненно посмотрела на Дашу с Шурой.

- Девчонки, наша Катюша – добрейшей души человек и очень хорошая. Вы видели, чтобы она когда-нибудь плакала, роптала, если не считать сегодняшнего вечера? Нет.

В знак поддержки, я невесело улыбнулась Юле. Она была единственным человеком на всем белом свете, чьим мнением я очень дорожила.

- Берегите ее, девчонки. Мы теперь все с вами при мужиках, как говорится при защитниках, крепком плече, чего не скажешь о ней.

- Ладно, не переживай, - махнула рукой Дашка. - Подсобим ей, если что.

В купе вошел Даниэль и что-то по-английски сказал Юле.

- Любимые мои, допивайте благородный напиток и выпрыгивайте из вагона. Через пять минут – отправление. Люблю. Целую. Буду скучать.

Не замечая наступившей ночи, мелкого противного дождя, я брела от вокзала домой, и снова плакала, понимая, что больше у меня никогда не будет такой настоящей подруги, как Юля. Она увезла с собой самое ценное, чего мне всегда не хватало – атмосферу оптимизма, задора и веселья. В ее присутствие у нас всегда было хорошее настроение. Сейчас я осталась одна, и меня одолевало ощущение брошенного, никому не нужного ребенка, а то и хуже – бездомного щенка.

«Только с Божьей помощью встречаются на жизненном пути такие богатые душой люди, как Юлька», - думала я, вытирая от слез свои опухшие глаза.

Уезжая за границу, она оставила мне квартиру, и все, что было в ней.

- Живи, сколько хочешь. Она мне не скоро понадобится. И разберись с моими тряпками. Все что понравится – твое, все равно пока я приеду, вещи выйдут из моды.

- Ну, что ты?

- Сказала, бери!

- Нет. Мне ничего твоего не надо, а за квартирой, естественно, присмотрю, родственники-то далеко.

Свернув на свою улицу, я увидела впереди неспешно гуляющую парочку. Обрадовавшись, что не одна разгуливаю по ночному городу, решила сократить между нами расстояние и ускорила шаг. Подойдя ближе, я присмотрелась к походке мужчины и узнала в нем бывшего мужа, а затем и ботаничку.

Теперь же, наоборот, я желала быть, как можно дальше от них. Я остановилась и задумалась.

«Что же было той дождливой ночью, неделю назад? Животное желание согреться? Убедиться, что дорога ко мне всегда свободна?»

Оставшуюся дорогу домой я медленно, держа расстояние, брела за обнимающейся беззаботной парой и ругала себя, на чем свет стоит. Снова предательство и уже не первое в моей жизни!

- Когда же все это кончится?

Вскоре они свернули к дому ботанички, а я – в другую сторону. Долгие годы жизни я многое простила Андрею, но сейчас во мне все взбунтовалось.

- Чем же мне, такой невезучей, утереть нос обидчикам? Что – одному, что – второму.

После того, что я увидела, переступить порог собственного дома было настоящей мукой, а жить под одной крышей с Андреем самой изощренной пыткой.

Какое же это было ужасное начало дня! Добираясь утром пешком на работу, я старалась припомнить хотя бы один такой сильный ураган за всю свою жизнь, как сегодня, но не могла вспомнить. Ветер поднимал высоко над землей мусор, пыль, песок и с большущей скоростью кружил в воздухе. По пустынным улицам носились обломки рекламных щитов, битое стекло и множество мелких и крупных веток. Гнуло к земле даже могучие деревья. Некоторых из них выворачивало прямо с корнями. Песок и пыль, носящиеся в воздухе, попадали в рот, нос, глаза. Я передвигалась, прикрыв глаза ладонью, почти наугад и с большим опозданием пришла на работу.

Приняв смену у Бориса Борисовича, я позавидовала ему, что в такой ужасный день, да еще в воскресенье, он будет дома в тепле и безопасности.

Сторож словно прочитал мои мысли и сочувственно покачал головой.

- Да, Катя, погода не радует. Ну, счастливо тебе отдежурить.

- Спасибо.

- Не испытывай судьбу, больше сиди в вагончике.

- Постараюсь.

- Звони, если что.

В воскресенье на базе был выходной день, и казалось даже шеф, всегда любивший нагрять невзначай, залег где-то в безопасном месте. За весь день он ни разу не показался здесь. Я тоже боялась попасть в досадную ситуацию и созерцала проходную базы в основном из окна вагончика.

К вечеру, к моей большой досаде, ураган не утих. Выйдя во двор, чтобы накормить дворняжек – своих сторожевых четвероногих подруг, я услышала где-то в конце базы собачий визг и поспешила на помощь.

- Бегу, бегу, подождите маленько, - подбодрила я себя. - Сейчас выручу.

Когда я подошла к складам поближе, то увидела, что за день натворил ураган. Вся территория базы была усыпана обломками ветхих пристроек, битым стеклом и шифером. Весь этот, уже теперь, мусор то и дело перемещался по территории базы мощными порывами ветра. Глотая пыль, я осторожно добралась до дальнего склада, с которого обезумевший ветер снес часть шифера. Несколько слетевших листов шифера придавили Розу, и та жалобно визжала. Я приблизилась к ней, попыталась освободить ее от завала битого шифера и тут же получила удар по голове.

Придя в сознание, я лишь об одном единственном жалела, что сыновья собираются приехать домой на зимние каникулы, а меня угораздило так глупо попасть в переделку.

До больницы я практически ничего не помнила, кроме взволнованного лица Николая Владимировича. Именно он нашел меня и привез сюда.

Когда я осознала, где нахожусь, было уже ранее утро. Болела голова, ныло тело. Я окинула взглядом больничную палату и поняла, что нахожусь в ней одна. Затем осмотрела себя в зеркало, размещенное над умывальником и немного успокоилась. Видимых ран не было, если не считать большой шишки на голове.

Вошедшая в это время медсестра застала меня с влажными глазами.

- Вас что-то беспокоит?

- Что со мной?

- Пустяки. Сотрясение мозга. Почему вы плачете?

- Это личное.

Она удивленно посмотрела на меня.

- Что вас может волновать? У вас такой милый и заботливый муж.

Я смахнула слезу и устала на нее.

- Какой муж? У меня нет мужа. Я в разводе.

- Нету! - с недоверием протянула сестричка. - А кто же тогда тот мужчина, который доставил вас? Родственник? Знакомый? Любовник?

От таких слов меня невольно передернуло.

- Такое скажете. Это мой начальник. Видимо страх за свою шкуру заставил его быть добрее обычного.

Медсестра естественно не поверила мне и осуждающе покачала головой.

- Не думаю, что то, как он себя здесь вел, можно назвать проявлением страха. Это больше походило на заботу о любимом человеке.

Я скептически хмыкнула.

- Мне все равно, как Николай Владимирович, мой шеф, здесь себя вел. Лучше скажите правду, что со мной?

- Сотрясение мозга и это чистейшая правда.

Не было причин не доверять медсестре, но голова страшно раскалывалась и, скривившись, я поинтересовалась:

- Это опасно?

Сестричка улыбнулась.

- Жить будете, но полежать в больнице и пройти курс лечения придется.

Сыновья приехали домой только на десятый день моего пребывания в больнице. Их встречал Андрей. Узнав, что со мной, они в тот же день пришли меня проведать. Им позволили войти в палату, и теперь они сидели на стульях возле кровати, засыпая вопросами. Я была безмерно рада видеть своих мальчишек и не сводила с них глаз, любуясь каждой черточкой родных лиц. Как я любила своих сыновей, своих соколят, казалось порой, даже больше жизни. Они выглядели возмужавшими и излишне серьезными.

- Мамочка, ты так похудела, - сказал младший, более наблюдательный и внимательный по натуре.

- Не выдумывай. Питаюсь я очень хорошо, - солгала я детям, чтобы успокоить их. - У меня есть все, что я пожелаю.

- Когда ты будешь дома?

- Завтра. Если не выпишут – сама убегу.

- Нельзя этого делать, - строго сказал старший сын и даже пригрозил указательным пальцем.

Я улыбнулась, ну и законника вырастила.

- Ай, Володя, не горячись. Я же хочу побыть вместе с вами, хоть немножко, а то уедете, и когда мы еще увидимся. Болеть можно и дома.

Старший сын, не сводя с меня взгляда, продолжал настаивать на своем:

- Ты будешь дома только с разрешения врача.

Покачав головой и почти смирившись со своей участью, я расстроено сказала:

- Ну и характерец.

Младший сын, более мягкий и покладистый, стал на мою сторону.

- Володя, мамочка отпросится. Правда, мамочка?

- Безусловно, - кивнула я, хотя никто не собирался отпрашиваться.

Рассматривая своих ненаглядных сыновей, я заметила, что они еще больше вытянулись и, к моему большому огорчению, похудели.

- Вы, наверное, плохо питаетесь? Нет времени готовить? Или нет денег?

Сыновья переглянулись, и умело в один голос солгали:

- С чего ты взяла? У нас все отлично. Мы без денег не сидим.

- Это хорошо, - сказала я и на время замолчала, не желая больше врать, и заставляя их говорить неправду.

- Как учеба? - вскоре поинтересовалась я.

- Мамочка, я сессию сдал без единой троечки, - сказал Виталий.

- У меня всего лишь две четверки, а остальные пятерки, - отчитался Владимир.

- Молодцы. Дома постарайтесь отоспаться. Надеюсь, что долго в больнице не задержусь.

Дверь без стука стала медленно открываться, и первым делом я подумала, что это медсестра пожаловала с очередной процедурой.

- Наверное, укольчики прибыли, - скривилась я.

Но вместо сестрички в палату втиснулись Татьяна Васильевна и Николай Владимирович. Я замерла от скверного предчувствия.

Дети при появлении старших поднялись и отошли от стульев.

- Присаживайтесь.

Усевшись на стул, кадровичка окинула взглядом моих сыновей один раз, второй и протяжно произнесла:

- Здравствуйте. Ваши?

- Ну, а чьи же?

- Вот это орлы – так орлы! А почему они такие разные?

Татьяна Васильевна перевела удивленный взгляд на шефа, на мальчишек, на меня и обратно в той же последовательности. Похоже, инспекторша по кадрам уловила сходство Николая Владимировича со старшим сыном, но не до конца все переосмыслив, задумчиво изрекла:

- Ваш старший сын кого-то мне сильно напоминает.

- Да, он копия своего отца. Зато младший – весь в меня.

Неожиданно шеф, так и не успевший сесть на стул, засуетился:

- Ой, кажется, мы не вовремя.

- Ничего страшного. Пришли, значит присаживайтесь и ...

- Как зовут ваших сыновей? - перебил Николай Владимирович меня.

- Владимир и Виталий.

Татьяна Васильевна повернулась к шефу и озадаченно произнесла:

- Если бы мне сказали, что старший сын – ваш, Николай Владимирович, я бы ни на секунду не усомнилась.

Я мгновенно отреагировала:

- В мире столько похожих людей, не считая двойников.

Она пожала плечами и откровенно уставилась на шефа.

- Да, бывают случаи удивительного сходства, - немного помолчала Татьяна Васильевна и добавила: - Но я думаю, здесь нечто другое.

Николай Владимирович как будто не слышал наш диалог с начальницей отдела кадров или искусно делал вид, что ему не интересен наш разговор. Он впился пронзительным взглядом в старшего сына, словно хотел найти ответы на свои, и только свои, мысленные вопросы.

Дурное предчувствие сжало мое материнское сердце, и я решила быстрее выпроводить непрошенных посетителей.

- Вам не кажется, что сейчас не время для подобных посещений. У меня – дети.

Татьяна Васильевна тронула шефа за локоть.

- Может, в другой раз придем?

- Извините, мы действительно пришли не вовремя, - сказал шеф, и немного помолчав, задумчиво добавил. - А может, наоборот, вовремя.

Сыновья все это время стояли возле моей кровати и, не отрывая взгляда от Николая Владимировича, изучали его.

- До свидания! - сказала я, глядя в упор на шефа. - Спасибо, что нашли время провести.

- До свидания, - задумчиво ответил он, совершенно не собираясь уходить.

Кадровичка вспомнила о передаче, которую все это время держала в руке и положила ее на тумбочку.

- Это вам, от всего нашего коллектива. Выздоровливайте.

Потянув за локоть изумленного Николая Владимировича, она громче обычного сказала:

- Мы уходим.

Взглянув на меня своим прищуренным напряженным взглядом, шеф нехотя согласился:

- Да, уходим. Пора.

Наконец-то они соизволили освободить палату, оставив нас втроем. Страх, что дети тут же забросают меня вопросами, не оправдался. Они завели разговор об институте, столичных подружках и начавшихся зимних каникулах.

Пока я болела, на мое место взяли человека. Эту страшную новость мне совершенно безразличным голосом сообщил по домашнему телефону Борис Борисович. На этот беспредел я даже не смогла возмутиться, разреветься, дома находились дети, и мне не хотелось их расстраивать. Я не стала искать встречи с «добросердечным» шефом, чтобы

высказать все, что о нем думала, а решила в один из дней, после отъезда сыновей, просто прийти на базу и забрать свои вещи. Одни за ненадобностью выбросить в мусорный бак, другие – притащить домой. А вдруг пригодятся.

Утром я подошла к окну кухни, сдвинула в одну сторону занавеску и посмотрела во двор, весь укутанный белым покрывалом. Легкие хлопья снега плавно кружились в воздухе и нежно ложились на землю. Вот и пришла настоящая зима. Долгая, холодная и злая.

Выбрав морозный январский день, когда на улицах было мало народа, я совершила поход на прежнее место работы. Борис Борисович встретил меня излишне холодно. Он сел посреди вагончика на старый стул, который заскрипел под его весом, и стал демонстративно ждать, когда я уберусь теперь уже только из его территории.

В то время, которое мне пришлось находиться на базе, мои руки дрожали от гнева, а язык так пытался наговорить всякой гадости и, причем, всем без разбора. Я еле сдержалась и уже через несколько минут навьюченная, как верблюд, покинула давно опротивевшую работу. В одной руке я держала большой пакет со своими вещами, в другой – ведро с половой тряпкой, веник, совок и швабру. Это был мой домашний инвентарь, пусть шеф раскошелится на его приобретение, если уж так любит чистоту.

Только выйдя за ворота базы, где держалась изо всех сил, я почувствовала себя жалкой неудачницей, поникла и начала всхлипывать.

Кто и где меня в данный момент ждет? Кому я нужна?

Именно сейчас я остро ощущала свою ненужность. Жизнь для меня давно потеряла всякий смысл, но жить надо было ради детей.

Я с обидой посмотрела на редких прохожих, обходивших меня стороной, и еще сильнее падала духом. Больше, чем когда-либо я почувствовала безысходность своего тяжелого положения. Некому даже поплакаться. Ох, Юля, Юля, почему ты меня бросила?

Мне катастрофически не доставало подруги. Выслушав меня, Юля могла долго рассказывать о смысле жизни, о неизбежности испытаний, выпавших на долю каждого, о великом терпении себе же во благо и, на худой конец, о Божьей каре за излишнее, не всегда оправданное, роптание. От ее путанных, часто непонятных слов у меня кругом шла голова, но на душе становилось легче.

Сбросив весь принесенный хлам в углу коридора своей квартиры, я не пожелала проходить дальше, а просто захлопнула входную дверь и ушла. День близился к ночи, и пребывание в пустом доме последнее время становилось невыносимым, ну а после случившейся беды меня не заманить в свою квартиру даже калачами. Плохо мне в собственном доме и точка.

Заглянув в кошелек, я убедилась, что там есть немного денег и поплелась в магазин, по дороге прикидывая, как ими лучше распорядиться. Я купила двести граммов хамсы, двести граммов салата из морской капусты, плавленый сырок и полбуханки ржаного хлеба. Он дешевле белого. С таким «приличным» набором продуктов я отправилась к Дашке на окраину города в надежде, что она, налив мне сто грамм водки собственного приготовления, ненадолго приютит.

Когда-то глоток водки мне здорово помогал, но тогда была рядом Юля, девчонки и дома ждали сыновья.

На улице было холоднее обычного. За окнами монотонно лил холодный бездушный дождь февраля, навевая несносную хандру. Когда в дверь позвонили, первой мыслью было вообще не открывать. Не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Хотелось, просто молча лежать, не двигаться, пока душа, уставшая от собачьей жизни, сама пожелает в рай. Не было никакого желания продолжать тянуть жалкое существование и тешить себя несбыточными надеждами. Я потерела пуховое одеяло, то сжимая, то разжимая пальцы в ожидании, пока прекратятся душераздирающие стуки в дверь. Но кто-то настойчиво продолжал колотить, словно наверняка знал, что я в такую рань нахожусь дома. Пришлось

подняться с постели, где я последнее время проводила большую часть дня, набросить халат и направиться к двери.

За порогом разодетый, словно франт, стоял Николай Владимирович. На нем было все добротное: меховая шапка, дубленка, ботинки, что даже злость взяла. И не жалко в такую слякотную погоду вещи гробить?

- Добрый день, пропажа.

Я умышленно не ответила. О каком добром дне может идти речь, если я не помню, когда последний раз ела.

- Почему к телефону не подходишь? - грозно спросил шеф, что еще больше разозлило меня.

Терять мне было нечего. Все, что можно было потерять, давно утеряно. Сейчас я даже детям не могла помочь, не говоря уже о себе. Глядя на его холеную сытую физиономию и вспоминая, что по его милости пришлось расстаться с далеко не женской работой, я непроизвольно сжала кулаки.

- Не ваше дело! Не хочу и не подхожу.

Он ехидно ухмыльнулся.

- Не хаами старшим, вредно для здоровья.

У меня возникло чувство, что он просто издевается надо мной, и я зло отпарировала:

- У вас учусь.

Разглядывая меня, шеф недовольно покачал головой.

- В кого ты только превратилась? На кого ты похожа?

- Ну, ясное дело не на ваших многочисленных любовниц.

Ему не понравилась моя реплика и его черные глаза стали метать молнии.

- Когда ты последний раз смотрела на себя в зеркало?

Я почувствовала, как закипаю от ярости и, в полном смысле этого слова, заорала:

- Что я там не видела?

- Не ори. Свое обрюзглое невымытое лицо.

Мое терпение лопнуло. Толкнув его в грудь, я со злостью выкрикнула:

- Убирайтесь! Вас сюда никто не звал!

Закрывать дверь мне помешал его огромный ботинок. Николай Владимирович стоял неподвижно как столетний дуб и сверлил меня злыми глазами.

- Приведи себя в порядок и приходи сегодня на базу после обеда. Понятно?

Что он тут командует? Кто он такой? Как бы мне хотелось его проглотить раз и навсегда, чтобы уже никогда больше не видеть.

- На каких правах вы, Николай Владимирович, здесь мне указываете?

Бывший шеф ехидно усмехнулся.

- На правах твоего работодателя. Да, вот что еще.

Он достал из портмоне два червонца и сунул мне в карман халата.

- Обязательно пообедай.

Николай Владимирович развернулся и ушел, а я еще долго стояла в полной растерянности возле открытой двери и глазела на высунутые из кармана деньги.

Юг Украины зимой это чередование слякотных и морозных дней. Каким холодным и промозглым был день, когда меня жизнь заставила идти на поклон к шефу! Я решила на это только через три дня, истратив последнюю мелочь из кошелька. Меня мутило лишь от одной мысли снова видеть довольную физиономию Николая Владимировича.

Когда я пришла, хозяин базы был занят с какими-то важными персонами, и мне пришлось проторчать в коридоре битых два часа. За это долгое время мысль на все плюнуть и уйти посещала меня не один раз. Наконец шеф освободился и пригласил к себе в кабинет.

- Проходи, садись.

Мне страшно хотелось зайти к нему, нагрубить и тут же уйти. Но куда? Даже Юльки и той не было, чтобы дать мне тарелку супа, а к матери в очередной раз идти было стыдно. Я выгребла у нее все, что могла, когда дети после каникул уезжали в столицу, именно поэтому молча прошла и села на предложенное кресло.

Шеф оторвался от бумаг и принялся с интересом рассматривать мое обрюзглое лицо.

- Что вы на меня так смотрите? На мне узоров нет, - проворчала я старую избитую фразу.

- Соскучился.

Николай Владимирович перевел взгляд на деловые бумаги, лежавшие горкой на столе, и стал что-то сосредоточенно читать.

- Работать хочешь? - спросил бывший шеф, не поднимая головы.

- Не хочу, но надо. Голод – не тетка.

Я наблюдала за его действиями. Он прочитал один документ, второй и, наконец, поднял голову.

- Вакансий сторожей нет.

- И это все, что вы хотели мне сказать? - стала раздражаться я. - Издеваетесь.

Николай Владимирович покачал головой и сделал успокаивающее движение рукой.

- Нет, не все. Будешь работать в конторе.

- Полы мыть? - скривилась я.

Ему вдруг стало весело, и он расхохотался.

- А ты что ничего другого не умеешь делать?

Еле сдерживая себя, я промолчала.

- Лично для тебя ввел в штатное расписание новую должность заведующей канцелярией. Пойдешь? - спросил Николай Владимирович и посмотрел на меня так, словно от того, что я скажу, зависела его жизнь.

Новость была действительно ошарашивающая, и я на какой-то момент опешила.

- Зачем? Мне не нужны ваши подачки.

Шеф ухмыльнулся, взял в руки очередной документ, но не стал его читать.

- Нужны. Хочешь, чтобы твои сыновья бросили институт? - Он резко потрянул головой.

- Остались недоучками, как ты?

Вот изверг! Самый больной вопрос для меня так небрежно, с ухмылкой затронул. Человек совсем без стыда и совести. Вспомнив о детях, я пошла на попятную и еле слышно ответила:

- Не хочу. Очень не хочу.

У него был такой вид, словно с его плеч свалилась гора, но надменность взяла верх над другими чувствами и он в резкой форме сказал:

- Вот и помалкивай, горе-мамаша.

Я сделала глубокий вдох, чтобы достойно ответить на обидное «горе-мамаша», но вдруг передумала и смолчала. С такими людьми, как Николай Владимирович, спорить, себе же в убыток. В конце концов, я пришла к выводу, что нужно немного потерпеть своего беспардонного хозяина, пока не подвернется подходящая работа или хотя бы закончится зима.

Молча поднявшись, я вышла из кабинета, спустилась на первый этаж и открыла входную дверь. Порыв злого холодного ветра тут же налетел на меня и напомнил о лютой зиме, суровых обстоятельствах жизни и о много другом, что нам не подвластно.

Заведующей канцелярией я была лишь на бумаге, но у меня был свой письменный стол, который мне шеф разрешил поставить в маленьком помещении без окон, где на стеллажах хранилось старое, списанное имущество базы: папки с бумагами, телефоны, мониторы и другое. За столом приходилось сидеть редко, зато рабочая неделя была пятидневная, как у всех нормальных людей. В мои обязанности входила работа секретарши, которой у шефа никогда не было, работа завхоза, которую до этого

выполняла инспекторша отдела кадров Татьяна Васильевна и работа уборщицы, так как баба Нюра была уволена в первый день моего выхода в новой должности. Но работа мне все равно нравилась, это было намного интересней, чем чистить картофель или охранять базу.

Как по мне, с меня получилась отличная работница. Я была аккуратной, добросовестной и пунктуальной. Мне не составляло большого труда справляться со своими обязанностями, но были минуты, когда я совершенно терялась. Николай Владимирович заставлял меня готовить кофе для его частых гостей. Для таких целей с первой, довольно неплохой зарплатой, мне пришлось потратиться на дешевенький серый костюмчик.

В очередной понедельник я, как обычно, пришла к семи часам утра, переделалась, убрала все помещения конторы, включая туалетные комнаты, полила цветы в кабинете, и, снова надев костюм, приготовилась к основному рабочему дню, а вернее к исполнению сотен просьб шефа, к тому же всегда срочных и важных.

Николай Владимирович появился только к десяти часам.

- Вы разобрали вчерашнюю почту? - спросил он меня по телефону.

- Да.

- Есть что-то неотложное?

- Думаю, нет.

- У меня гости. Сделайте две чашки кофе.

«Лучше бы я вскопала две сотки огорода», - подумала я, спеша выполнять указание шефа.

Я тихонечко зашла в кабинет и, не обращая внимания на сидящего спиной к двери мужчину, прошла к столику с электрочайником. Быстро сделав кофе и подав его, я только сейчас обратила внимание на мрачный вид шефа. Гадать на кофейной гуще о причине плохого настроения Николая Владимировича, мне было некогда, и я поспешила удалиться.

- Задержитесь на минуточку.

Слова шефа догнали меня у двери.

Я остановилась и удивленно спросила:

- Зачем?

- Пройдите сюда.

Мне пришлось вернуться.

- Познакомьтесь, мой друг из столицы.

- Зачем?

Николай Владимирович поднял на меня сердитый взгляд.

- Что вы сегодня как попугай? Зачем? Зачем? Нужно.

Я перевела взгляд с шефа на мужчину и присмотрелась.

- Может, вам уже знаком этот человек? Может, вы его уже знаете?

- По-моему, нет. А должна знать? - недоумевая, спросила я.

Николай Владимирович ехидно ухмыльнулся.

- Не смешите меня, Екатерина Михайловна. Как же не знаете? Вы последний курс обучения спали с ним в институте.

- Кто? Я?

- Да.

Я изумленно посмотрела на мужчину, который не отводил от меня взгляда, и не поверила своим глазам. Надо же, как могут меняться люди! Это был наш однокурсник Сашка Петров.

- Что вы несете? Единственный человек в институте, который был в моей постели, это были вы – Николай Владимирович.

Он откинулся на спинку кресла и зловеще протянул:

- А-а, так вы, оказывается, давно узнали меня, серая мышка? Поэтому старались не привлекать к себе внимания.

- Что вас узнавать? Вы совершенно не изменились. Над некоторыми людьми время просто не властно. Чего нельзя сказать о вашем друге. Такие типы людей, как он, стареют прямо на глазах.

Шеф перевел взгляд на гостя.

- Что скажешь на это, Саня?

На рано постаревшем лице однокурсника выступил пот. Он достал носовой платок и стал нервно промокать лицо. Его явно что-то страшное беспокоило, и он сидел словно на иголках.

- Так-то ж была шутка, Николай. Как ты мог в такое поверить? Конечно, я не спал с твоей Катюшей. Как ты мог поду...

Я ошеломленно посмотрела на шефа, на однокурсника Сашку Петрова, пытаюсь понять смысл сказанных и недосказанных слов.

В это время натренированная еще в молодости рука шефа попала в цель, и институтский товарищ вместе со стулом грохнулся на пол.

Поступок Николая Владимировича привел меня в чувство. За доли секунды я поняла, что здесь произошло, и бросилась к двери.

- Катя, ты куда?

Убегая, я в сердцах выкрикнула шефу:

- Ты не лучше его, если поверил ему.

- Подожди.

- Пошел ты!

- Катя!

Я лежала на своей кровати и не первый раз за долгие годы жизни дала волю слезам. Время шло и мне стало казаться, что я реву целую вечность. Но если бы меня кто-то спросил, отчего плачу, я бы не смогла ответить. Нет такого человека, который знал бы себя до конца.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ СЛОВНО В ДРУГОМ МИРЕ

Когда самолет взлетел высоко над облаками, я вжалась в кресло и со страхом подумала: «Куда меня нечистая сила несет?», но менять что-то было поздно. Если полет окажется успешным, а иного не должно быть, то через четыре часа я крепко обниму свою подругу Юльку. Заранее решив записывать все увиденное, я запаслась общей тетрадью в девяносто шесть листов и тремя шариковыми ручками.

Набрав нужную высоту, самолет плавно полетел. Окинув взглядом спокойно сидящих рядом людей, я почувствовала себя более комфортно. Минут через двадцать пять пассажиры отбросили столики и приготовились к приему пищи. Их действия повторила и я.

Юля уже полгода жила за границей. Она находилась вдали от родных и близких ей людей и первое время очень скучала по дому, по общению, поэтому часто плакалась мне в трубку. Порой мне казалась, что начавшаяся у нее депрессия с того момента, как она покинула Украину, никогда не закончится. Будучи замужем за состоятельным британцем, Юля могла себе позволить пригласить меня, свою подругу, в гости, чтобы хоть на время поднять настроение.

Месяц назад, уступая просьбам подруги, я приняла ее приглашение, еще не зная тогда, каких усилий мне будет стоить оказаться на борту настоящего лайнера. Визу в Британском посольстве, за которой пришлось ехать в Киев, я смогла получить только с третьего раза, а билет купить со второго.

Мне, прожившей затворницей овощной базы шестнадцать лет, не верилось, что я сейчас, паря высоко в небе, пересекаю всю Европу. Юля финансировала каждый мой шаг, еще не зная того, что я осталась без работы.

Да и при моей зарплате, разве бы я имела возможность провести ее? А оставшись без работы – тем более.

Кроме того, что подружка очень скучала, она спала и видела меня замужем за британцем, живущую неподалеку от нее, и поэтому никакие затраты не брались в расчет.

Снова засветилось табло «пристегнуть ремни», и самолет пошел на снижение. Я постаралась вспомнить все советы подруги по поводу заполнения анкеты, прохождения таможенной службы, получения багажа и остальное, вплоть до выхода в зал для встречающих, но в самый нужный момент память дала сбой. Даже несколько заученных фраз о помощи вылетели из головы. Оставалась только надежда на саму себя, и я решила все повторять за другими пассажирами, надеясь, что это поможет мне.

Я напрасно себя успокаивала. Пассажиры нашего рейса оказались в основном жителями Великобритании и быстро прошли к паспортному контролю, а затем и вовсе исчезли из виду. Оставшись одна в огромном помещении, я с трудом нашла тумбочку с анкетами для гостей страны. Испортив несколько из них, я наконец-то написала свое имя, фамилию и еще пару слов и побрела к офицеру таможенной службы. Протянув женщине средних лет свой заграничный паспорт, заполненную наполовину анкету, я замерла. Разговор был в одни ворота, слабо продвигался и заставил меня изрядно поволноваться. Я перевела дух лишь тогда, когда услышала стук штампа в паспорте.

Ходить по длинным, плохо освещенным коридорам аэропорта, занятие не из приятных. Увидев пожилого мужчину с веником и совком в руках, в униформе работника аэропорта, я крикнула:

- Хелп ми!

Он остановился и внимательно посмотрел на меня, но я молчала, так и не вспомнив вторую зазубренную фразу. Мне ничего не оставалось делать, как вытянуть из карманов куртки руки и показать ему правой рукой два шагающих пальчика на ладошке левой. Мужчина долго думал, а я стояла и надеялась на его сообразительность. В конце концов, он понял мой жест, кивнул головой и указал на лестницу вниз, которая была практически рядом.

- Сенкью.

Я слетела по лестнице и среди массы встречающих людей увидела подругу. Подобной радости я не испытывала тысячу лет.

- Юля, я прилетела! Юля, я это сделала! - заорала я, не стесняясь взглядов чопорных британцев.

Сначала машина Даниэля мчалась по освещенной трассе, затем въехала в какой-то населенный пункт. Судя по обилию огней, это был достаточно большой городок. По обе стороны дороги виднелись аккуратные одноэтажные и двухэтажные домики. Возле одного из них машина остановилась.

- Приехали. Выходим.

Я вышла и замерла. Двухэтажный дом, в окнах которого горел яркий свет, возник предо мною как фильм на экране.

- Это твой дом? Такой большой?

Даниэль вопросительно посмотрел на Юлю, и она тут же перевела мужу мой вопрос. Он весело засмеялся.

- По их меркам это средний дом.

- Не может быть!

Я обратила внимание, что на заасфальтированном дворике, куда мы заехали, стояло еще две машины.

- Зачем столько машин?

- Две мужа и одна моя, - улыбнулась подруга.

Я округлила глаза.

- Ты водишь машину? А молчала.

- Хотела тебя удивить.

- И это у тебя получилось. А какая твоя?

- Красная.

- Ух, ты! Красавица.

- Знаю.

За это время Даниэль открыл парадную дверь, повернулся к нам лицом и, поклонившись, сказал на ломаном русском языке:

- Добро пожаловать!

Я ахнула.

- Твоя школа?

- Да, хотела тебе сделать приятное. Проходи и запасись терпением, я покажу тебе весь наш дом.

Я вошла в белоснежную прихожую, в которой стояла такого же цвета вешалка и шкафчик для обуви. Последовав за хозяйками, я разулась и сняла куртку. По левую сторону прихожей находилась массивная, деревянная, окрашенная в белый цвет лестница, ведущая на второй этаж. Цвет лестницы можно было узнать только по перилам, так как ступеньки полностью прикрывались пестрой ковровой дорожкой.

- Дан, ты можешь подняться в свой кабинет и поработать, - обратилась Юля к мужу. - Мы тут с подружкой поболтаем.

- А он не обидится?

- Чего вдруг? Семье деньги нужны. Начинаем экскурсию.

Она открыла первую белую дверь по правую сторону от входа.

- Малая гостиная. Мы практически здесь не находимся, только в тех случаях, когда вкусы на телепередачи не совпадают.

Я окинула взглядом комнату. Большой камин, кожаный кремового цвета диван, стеклянный столик у дивана и тумбочка с телевизором.

- Красиво! А почему малая гостиная? Здесь вся моя мебель может поместиться.

Юля снисходительно улыбалась.

- Потом все поймешь.

- Камин действующий?

- Естественно.

Она подошла к нему и одним движением руки заставила угли загореться.

- Он на газе, - пояснила она.

Я восхитилась.

- Смотрится шикарно.

- Знаю. Не будем долго здесь останавливаться, а то так и до утра не успеешь все осмотреть.

Мы вернулись в прихожую. Юля открыла вторую белую дверь, находящуюся напротив парадных дверей.

- Сейчас самое главное увидишь.

Мы попали в маленькое помещение по размерам примерно моей кухни, посреди которого стоял круглый небольшой стол, застеленный голубой льняной скатертью и с живыми цветами на нем. Это был огромный букет. Необычная краска некоторых цветов удивила меня. Наряду с темно-синими гвоздиками и салатными хризантемами были желтые розы, красные гвоздики и белые лилии.

- Тут не интересно. Малая столовая, чтобы покушать одному, двоим в крайнем случае, в абсолютной тишине.

- Мне нравится.

- Вот сейчас начнется самое главное, закрой глаза.

Я улыбнулась и зажмурилась.

Она открыла следующую дверь и, взяв меня за руку, завела в следующее помещение.

- Вот теперь смотри и радуйся за подругу.

Я открыла глаза, окинула все взглядом и ахнула.

- Не может быть! Это сон!

Огромная кухня размером в две мои комнаты предстала предо мной. По периметру она была обставлена белой мебелью, и только по отдельным ее предметам можно было догадаться, что здесь готовят пищу.

Хозяйка начала хвастаться обстановкой кухни. Она открыла два ближайших шкафа.

- Холодильник, морозильная камера.

- Никогда бы не догадалась.

Затем открыла третий шкаф.

- Посудомоечная машина.

- Вот это чудо техники. Большая такая.

За четвертой дверцей находилась стиральная машина, за пятой – сушильная машина. За шестой... Кто бы мог подумать? Спал в корзинке маленький щенок.

- Это девочка. Изи.

- Какая прелесть. Я буду ее выгуливать.

Подружка улыбнулась.

- В этом нет необходимости. Ну, может, если просто захотим прогуляться перед сном.

Вот смотри.

Она открыла стеклянную дверь, находившуюся напротив первой, деревянной в которую зашли, и мы вышли на задний дворик. На асфальтированной части, сразу за домом стоял под зонтом деревянный стол со стульями. Вторая половина двора была засажена мелкой травкой.

- Это территория Изи, - подруга показала на озелененный участок. - А это, как ты догадалась – наша.

Дворик с трех сторон был огражден высоким деревянным забором.

- Заходим и дальше продолжим экскурсию.

Мы вернулись в кухню.

- Так и ночи не хватит.

- Мы только сюда заглянем.

Она открыла третью дверь, ведущую из кухни.

- Большой зал.

Да, это действительно была большая комната, можно сказать огромная. Под стать размерам помещения здесь находился кожаный диван и стеклянный стол по длине дивана.

- На стене экран, как в кинотеатре, - удивилась я.

- Он так и называется – домашний кинотеатр.

Открыв еще одну дверь, подруга с гордостью промолвила:

- Праздничная столовая.

Я переступила порог и поразились:

- Ничего себе! Сколько же человек за этим столом помещается?

- По количеству стульев – десять.

Я вздохнула.

- Да, красотища-то, какая! Мраморный камин чего только стоит?

- На сегодня достаточно. Ты кушать хочешь?

- Нет, нас в самолете сытно кормили. Я бы кое-куда сходила.

- Так чего же ты молчишь? В доме четыре туалета, один на первом этаже, остальные – наверху.

- А зачем так много?

- Чтобы очередь не создавать, - рассмеялась подруга.

Мы поднялись на второй этаж, прошли мимо двух первых помещений и Юля, кивнув в их сторону, объяснила:

- Владения Даниэля, его кабинет и его спальня.

Мы зашли в комнату за третьей дверью. Здесь стояла белая изысканная мебель, отделанная позолотой. Количество больших зеркал, отражающих белизну мебели и самих стен, поразило меня.

- Зачем столько зеркал?

- Село! Любоваться собой!

- Какая большущая кровать. Зачем такая?

Юля пожала плечами.

- Чтобы удобно было спать. Это комната в твоём распоряжении. Моя напротив.

- Какая прелесть.

Юля прошла на середину комнаты. Махнув правой рукой, подруга заботливо сказала:

- Эта дверь ведет в ванную, можешь проверить работу сантехники.

Когда я вышла оттуда, она продолжила:

- А эта дверь ведет на балкон.

Подруга посмотрела на часы, стоящие на тумбочке возле кровати.

- Двенадцать часов. Это значит, что у нас на родине два часа ночи. Пора спать.

- Да, малость устала с дороги.

- Я тебе уже постелила.

- Вижу.

Я провела рукой по выпуклому рисунку атласного пододеяльника и удивленно сказала:

- Никогда не знала, что постельное белье вышивают бисером.

- Тебе многое здесь еще предстоит узнать.

Подруга зевнула.

- Ложимся. Завтра с утра у меня уроки английского языка.

- Где, дома?

- Нет, в колледже. Занятия начинаются в десять утра.

- Выспимся. Можно заглянуть в твою комнату?

- Что за вопросы? Вперед.

Спальня подруги была таких же размеров как моя и не менее изысканно обставлена. Здесь окраска мебели напоминала цвет кофе с молоком. Кровать же была украшена мягкими игрушками.

- А зачем столько игрушек?

Она усмехнулась.

- Своеобразные талисманы. На удачу.

Догадавшись, о чем идет речь, я перевела тему.

- Я в восторге от дома.

И это было правдой. Обходя весь дом снизу доверху, мне не раз приходилось восхищаться им. Я хорошо понимала, что это только начало моего визита в эту страну. Данная поездка непременно изменит мое мировоззрение и больше мне уже не быть прежней серой пугливой мышкой. Это одновременно радовало и пугало.

Возвратившись в свою комнату, я еще некоторое время побродила по спальне, не веря тому, что так могут жить не богачи, а обычные люди. Живя долгое время с мужем и детьми в квартире общей площадью сорок два квадратных метра, я чувствовала себя по сравнению с другими настоящей барыней. А тут такие хоромы!

Несмотря на позднее время, спать совершенно не хотелось. Перед глазами вновь и вновь вставали картины прошедшего дня. Сознывая превосходство Юлиной личной жизни над своей, я ничуть не завидовала подруге, просто было обидно за себя. Жизнь-то не стоит на месте.

Юля разбудила меня, крикнув из своей комнаты:

- Подъем! Принимай душ, одевайся и спускайся вниз.

Я открыла глаза. Было восемь часов утра. Ярко светило солнце и освещало комнату сквозь оранжевые шелковые шторы, на которых были вышиты объемные, такого же цвета, маленькие веселые солнышки. Я улыбнулась новому дню.

«Даже и в мою жизнь иногда заглядывает солнышко, множество солнышек».

- Хорошо. Встаю, - отозвалась я.

Она заглянула в мою комнату с широкой улыбкой на лице.

- Не задерживайся. Жду внизу. За это время я вскипачу воду для чая и покормлю Изи.

Поднявшись, я подошла к своей небольшой сумке и вытянула оттуда легкий свитерок. Весь мой гардероб состоял из двух свитеров и одних брюк, в которых я и приехала.

Сбежав по лестнице, я с трудом нашла кухню. Подруги там не оказалось, но она услышала мои шаги и отозвалась:

- Я в большой гостиной! Пью чай!

- Ясно.

Юля сидела на кожаном светлом диване и, попивая чай, смотрела телевизор. Второй стакан стоял на стеклянной подставке чуть дальше.

- Присаживайся. Вот твой.

Она указала рукой на стакан с бледно-зеленой жидкостью.

- Что это? - спросила я и скривилась.

- Зеленый чай. Я утром пью только зеленый чай.

- Ладно. Пусть будет зеленый.

Подруга улыбнулась.

- Пей. Очень полезно и слушай меня внимательно. Выполняй все мои указания, много не умничай и о деньгах не заботься. Понятно?

- Хорошо, - спокойно ответила я, зная, что в карманах у меня ни гроша.

- Самая главная задача – найти тебе жениха.

- Ты думаешь, он мне нужен?

- Непременно. Мы съездим к одной, другой моей подруге, и ты увидишь, как здесь наши соотечественницы живут.

- Я уже увидела.

- Этого недостаточно. План на сегодняшний день очень напряженный. Так что – в путь, - нетерпеливо сказала Юля.

- А ты что, мужу завтрак не будешь готовить?

- Такое придумала. Он, что без рук? У меня уважительная причина – гостья издалека приехала.

- Тоже правильно.

Мы допили чай, и я поинтересовалась:

- Как ты вообще расцениваешь свое положение здесь?

- Спокойная размеренная жизнь, которая рано или поздно может надоест.

- Ты серьезно?

- Мы там у себя на родине привыкли к другой жизни. Каждый наш шаг является борьбой за выживание, много не знаем.

- Согласна.

- Здесь изо дня в день одно и то же. Скукотище!

Когда я отодвинула от себя стакан, подруга протянула мне актимель.

- Выпивай, и уходим.

Необыкновенная свежесть Туманного Альбиона постоянно изумляла меня. Воздух, казалось, состоял из чистейшего кислородного коктейля. Приятное впечатление о начавшемся дне дополняли картины огромного количества зеленых насаждений. У нас на

родине в это время года большая часть деревьев стоит обнаженная, серая, и потому создает неприветливую картину.

Юля прекрасно водила машину. У нее была спортивная машина «Ягуар». Я сидела рядом с ней и глазела по сторонам, любуясь красотой незнакомого городка.

- Ночью был дождь, но день обещает быть солнечным. Правда, тут в течение дня дождь может идти несколько раз.

Она припарковала машину на платной стоянке и мы, прогулявшись по мокрому гравию вечнозеленого парка, вышли к центральной части городка, по которой движение автомобилей было запрещено.

- Здесь машины не ездят, это пешеходная часть. Кругом магазины и места отдыха.

Мы зашли в уютное кафе «НЕРО». Приятно пахло какао, корицей и ванилью. Зал был заполнен больше, чем наполовину. Посетители, не спеша, пили горячие напитки со свежей ароматной выпечкой и общались между собой. Многие из них читали газеты и журналы.

- Я тут всегда завтракаю, когда хожу в колледж. Займи столик у окна.

Подруга указала рукой на свободные столики и сама стала в очередь из двух человек. Я села в удобное кресло и принялась рассматривать зал, картины на стенах, посетителей. Несмотря на первую декаду марта в моей душе цвела настоящая весна, которая давно не посещала меня. Радостно было и за себя, и за подругу.

Какое-то особое спокойствие людей в зале передавалось и мне. Отсутствовала малейшая суета, присущая многим моим соотечественникам. Мы вечно куда-то спешим, не успеваем, сердимся. Народ вокруг меня был одет просто, как у нас выражаются, по-спортивному, и мой незамысловатый наряд не выделялся на общем фоне. В своем городе я в такой одежде постеснялась бы зайти в кафе, чувствуя себя скованной условностями.

Юля принесла на разносе две огромных чашки горячего шоколада со сливками и две слоеные булочки с корицей и, указав на выпечку, сказала:

- Мои любимые.

Она наклонилась ко мне и чмокнула в щечку.

- Эта поездка – мой тебе подарок на день рождения. Правда, он был в феврале, но это неважно.

- Спасибо. Это так романтично.

От переполнения эмоций, я почувствовала, что заливаюсь краской. Подружка мило улыбнулась.

- Отдыхай. Хочу, чтобы тебе здесь понравилось.

Я вздохнула с чувством огромного удовлетворения и ответила:

- Да мне уже нравится.

- Ты еще, красатуличка, ничего не видела, так что не спеши с выводами. Я оставлю тебя на часок. Вон видишь, часы на башне? Сиди и не волнуйся, тебя здесь никто не потревожит.

Подруга убежала, оставив меня со своими мыслями. Время от времени я посматривала в окно, удивлялась, как много гуляет людей преклонного возраста, и грешным делом думала, им куда легче, они не ущемлены ни свободным временем, ни деньгами и могут себе позволить наслаждаться пригожим деньком, посещая кафе или заходя то в один, то в другой магазин.

Подруга вернулась на пять минут раньше обещанного часа. Она снова заказала по чашке горячего шоколада с взбитыми сливками, но уже меньших размеров.

- Отпросилась у преподавателя. Сказала, что у меня гости.

Обняв Юлю, я улыбнулась. Меня просто распирало от счастья быть рядом с ней и созерцать этот прекрасный несуетливый мир.

- Как там подружки поживают? - поинтересовалась она.

- Особо хвастаться нечем.

- Что так?

- Дашина дочка не воспринимает Сан Саныча. Даже поставила ультиматум матери: или она или он.

Юля покачала головой.

- Вот и воспитывай детей.

- Но они до сих пор встречаются.

- А что Шурочка?

- Муж у нее серьезно болен. Она себе места не находит.

- Бедная подружка. Шурочка за ним всю жизнь дрожала.

- Правда. Даже когда обижалась на него, все равно домой летела.

- Любовь!

На какой-то момент мы обе загрустили. Я вспомнила свою единственную любовь – Николая, нашу последнюю встречу, его испуганный взгляд и тяжело вздохнула.

- Пойдем? - оторвала я подругу от раздумий.

- Да, прогуляемся по магазинам. Хочу тебя приодеть.

Я энергично замахала руками.

- Ой, но это уже лишнее.

Юля погрозила указательным пальцем и цыкнула.

- Ты обещала быть послушной. Мне тебя, красатуличку, замуж надо здесь выдать, а значит и женихам показывать. Пара приличных вещей тебе не помешает.

Это было совсем ни к чему, и я продолжила упираться:

- Какие женихи? Да я и языка не знаю, в школе и в институте учила немецкий.

- Вечерами займемся и этим.

В результате двухчасового похода по магазинам мне были куплены джинсы, кроссовки и две блузки, не считая нижнего белья.

Я тщательно выбирала себе обувь. Припомнился случай, когда мы младшему сыну купили относительно дорогие кроссовки, а те на второй день разлезлись. В расстроенных чувствах я подошла на вид к милой продавщице и показала купленный у нее товар. Я не особо надеялась на ее великодушный поступок – обмен бракованной обуви, просто нужно было кому-то поплакаться. Приятное ухоженное лицо женщины на глазах от гнева исказилось, и на меня посыпались как из мусорного ведра грязные оскорбительные слова. Я даже не попыталась защититься, а развернулась и молча ушла.

- Сколько можно крутить кроссовки в руках? Ты еще их на зуб попробуй, - заворчала Юля.

- Боюсь, чтобы бракованные не попали.

Подруга пожала плечами.

- Ты же собираешься здесь в них ходить. Что не так – вернешь.

- А можно?

- Что за вопрос? Извиняться и обменяют. Это же тебе не наш рынок, где могут подсунуть всякую дрянь и ничего потом не докажешь.

- Тогда берем.

Когда мы вышли на улицу, Юля спросила:

- Как насчет завтрака?

- А что мы делали в кафе?

- То был лишь первый завтрак, а будет второй – брекфест.

- Можно, если ты хочешь.

- Тогда вперед к машине. Сейчас заедем в супермаркет за продуктами домой и там же позавтракаем на втором этаже.

Мы так и поступили. Посадив меня за столик, Юля спросила:

- Что ты будешь?

- То, что и ты.

- Я ем исключительно английский завтрак. Привыкаю.

- Пусть будет английский.

Когда она принесла на разное еду, я с любопытством заглянула в ту тарелку, что была ближе ко мне и внимательно рассмотрела содержимое. Яичница из одного яйца, тоненький кусочек жареного мяса, фасоль в томатном соусе и грибы. Отдельно на разное в тарелке лежало два кусочка поджаренного хлеба, масло и джем к чаю.

- Британцы это любят кушать на завтрак.

Я улыбнулась.

- Вот так со временем и к лягушатам привыкают.

- Согласна с тобой. У меня тут, кстати, своя слабость появилась – вяленая красная рыба и мясо креветок.

- Губа не дура.

Я посмотрела на настенные часы, находившиеся в зале кафе, и вздохнула.

- Прошло только полдня, а такое впечатление, что прожито несколько дней.

Позавтракав, Юля потянулась за сумочкой и по-деловому сказала:

- Сейчас мы скупимся, забросим продукты домой, оставим во дворе машину и пойдем гулять в ближайший парк.

- Далеко от дома?

- Пять минут ходу.

- Отлично.

Парк превзошел все мои ожидания. Со слов подруги он был небольших размеров и его, при желании, можно было обойти за час, полтора. Но какой это был благодатный уголок земли. Мы постояли немного на окраине, любясь видом со стороны. Каменная изгородь парка была покрыта с северной стороны ковром мягкого малахитового мха. Затем пошли по тропинке через поляну к озеру, которое просматривалось издалека. В парке мирно уживались различные виды растительного мира, одни деревья стояли окутанные в пышные зеленые наряды, другие же, сбросив осенью свою листву, были нагие. Панорама смешанной растительности, лиственных и хвойных деревьев, не придавала парку унылого мрачного вида.

Здесь, по всей вероятности, круглый год царила жизнеутверждающая атмосфера.

В этот полуденный час то там, то здесь встречались редкие прохожие. Одни гуляли с маленькими детьми, другие выгуливали собак, третьи же, как и мы, просто наслаждались пешей прогулкой.

Юля держала в руках булку хлеба.

- Для дела пригодится, - загадочно сказала она, когда мы выходили из дома.

Пройдя несколько метров, я заметила, что на ближнем от нас дереве, перепрыгивая с ветки на ветку, носятся белки. Их было несколько.

- Тихо, замри, - дернула меня за рукав подруга, тоже увидевшая пушистых хвостатых зверьков.

Мы остановились. Одна белочка, не испугавшись нас, спустилась по стволу дерева вниз. За ней отважилась вторая и третья. Первая белочка, самая смелая из своих сородичей подошла еще ближе. Это было расстояние вытянутой руки. Мы рассматривали ее, а она нас. Юля разорвала упаковку на свежем хлебе, достала кусочек и, отщипнув немного от него, бросила хвостатой. Белочка схватила кусочек и отбежала в сторонку, но ненадолго. Съев его, она вернулась за другим. Юля, не дождавшись приближения ее несмелых подружек, стала бросать хлебешек в их сторону. Получив угощение, они тут же взобрались на дерево.

С веток слетели две сороки и важной походкой направились к нам. Остановившись на безопасном от нас расстоянии, они тоже стали дожидаться угощения.

Юля и им стала бросать хлеб.

Таких чудес я еще никогда не видела. Со стороны озера строго по курсу к нам одна за другой переваливаясь, с боку на бок, чинно шагали утки. Я шепнула подруге:

- Мы что, в сказочном парке?

Утки, наделав много шума, окружили нас. Я вытянула из пакета ломоть хлеба и тоже принялась угощать пернатых.

Когда хлеба осталось меньше половины, Юля громко сказала:

- Уходим. На них не напасешься. Хлеб я брала для других целей.

Мы подошли к озеру, на котором плавала уйма разнообразной птицы: лебеди, гуси, утки, чайки, и масса тех, названия, которых я не знала. Заприметив нас на берегу, вся эта водоплавающая многочисленная компания устремилось к нам.

- Бери, помогай. Старайся бросать лебедям, а то эти чайки-воровки, хватая пищу на лету, больше имеют, чем другие птицы.

- Я никогда не видела такой разной окраски у лебедей, всегда думала, что существуют только белые.

- Ты видишь, Катюша, сколько здесь всякой птицы, особенно уток? У нас бы их давно на вертеле поджарили.

- Я думаю и не только уток.

Мы разделили хлеб и принялись за дело. Через три минуты кормежка больше прирученных, чем диких птиц, была окончена.

- Ну, как тебе прогулка?

Я была благодарна Юле за эту дивное гулянье по чудесному парку и воскликнула:

- Просто какая-то чудо-страна.

- Еще прогуляемся?

- С удовольствием.

Юля махнула рукой.

- Значит, обойдем озеро, и я тебе покажу свое любимое дерево.

- Я тоже себе выберу молчаливого друга, к примеру, дуб. Говорят, деревья могут передавать нам свою силу.

Подруга обняла меня и весело сказала:

- Вот сочинительница.

Грусть по многому тому, чего я была лишена все годы, давала о себе знать. Я везде бродила с раскрытым ртом и всему по-детски удивлялась.

В пятницу у Юли с утра по расписанию было посещение фитнес клуба. Она собиралась взять меня с собой, но не в тренажерный зал, а просто посидеть в кафе и подождать ее. После того планировалась поездка в океанариум «Голубая планета» и ланч в пабе. Вечер же мы собирались посвятить английскому языку и прогулке с Изи.

Проделав обычные утренние дела, мы с Юлей выскочили из дому. Было такое же ясное тихое утро, но немного холодней предыдущего.

- Тебе с погодой пока везет, подружка. Когда я только приехала, частые дожди и сырость меня просто убивали, а потом привыкла.

Мы сели в машину.

- Знаешь, что в такой дождливой погоде замечательно?

- Что?

- Не нужно никаких мудреных причесок.

- Это верно.

Юля вела «Ягуар» и философствовала:

- Здесь никогда не определишь по человеку, сколько у него денег в банке. У нас же, некоторые весь гардероб умудряются сразу на себя одеть и, обвешавшись массивными цепями, кулонами, серьгами, ходят как павлины, демонстрируя свое богатство.

В этом подруга была права. Я и сама иногда удивлялась, видя в октябре на улице даму в длинной норковой шубе или в кожаном пальто с большущей чернобуркой.

Сидя возле подружки, я снова рассматривала в окно миленькие ухоженные домики и небольшие зеленые палисадники. Живая изгородь вдоль палисадников была аккуратно и своевременно пострижена.

- Ой, а что у вас есть такая служба, что моет окна снаружи? - удивилась я, увидев, как парень переносит лестницу от одного дома к другому.

- Да. Я тоже самостоятельно этого не делаю. А зачем? Лучше, чем они, все равно не вымою.

- Столько ты платишь за такую работу?

- Да, наверное, столько, сколько ты получаешь за полмесяца, работая на своей базе.

Не желая больше отмалчиваться, я призналась:

- У меня нет никакой работы.

Подруга удивленно посмотрела на меня.

- Давно?

- Нет, - успокоила я Юлю.

- То-то я удивилась, что ты согласилась приехать. Вообще-то ты скрытная, Катюша.

На какие деньги все это время жила?

- Мать помогала. Куда же мы бежим, когда нам плохо? Теперь у меня все хорошо.

Однако Юлю трудно было провести.

- С чего вдруг? Но ничего, мы что-то придумаем. Я поговорю с мужем.

- Не надо.

Она снова взглянула на меня и укоризненно сказала:

- А еще здесь замуж не хочешь выходить.

- «У кожного своя доля и свий шлях широкий», - процитировала я украинского поэта Тараса Шевченко.

- Катюша, человек сам кузнец своего счастья.

- Ага, расскажешь ты мне. А то я не пыталась столько раз вырваться из замкнутого круга. И что у меня получалось? Ничего.

- Согласна, на все нужна удача.

- Ой, не знаю, что нужно, - сказав это, я тяжело вздохнула.

- Все, приехали. Выходим.

Когда мы вошли в здание фитнес клуба, Юля провела меня в кафе, купила сока, пирожного и приказала:

- Сидеть и ждать. Ровно через час буду.

И снова я осталась наедине со своими невеселыми мыслями. Прошел не один день с той злосчастной встречи с нашим однокурсником, лишившей меня куска хлеба. Перетащив из дома на барахолку все, что можно было продать и, сдав свою комнату студентам, я переселилась в Юлину квартиру. Попытки Николая разыскать меня, усложняли мою и без этого нелегкую жизнь. Расспросами обо мне он надоел матери, бывшему мужу и соседям, но я по-прежнему не хотела его видеть. Одно радовало, сыновья отказались от моих денежных переводов, ссылаясь на то, что благодаря земляку, они нашли хорошую почасовую работу. Даже если они сочинили эту небылицу, чтобы как-то успокоить меня, я была рада в нее верить.

После посещения нами «Голубой планеты», где я увидела вживую разнообразие обитателей водного мира, включая аквариум с кровожадными акулами, в который опускались некоторые любители острых ощущений за очередной дозой адреналина, Даниэль повез нас обедать в его любимый паб, находившейся за чертой города. Сидя в машине, я не отрывала взгляда от окон. По одну и другую сторону дороги раскинулись просторные пастбища, на которых паслись овцы. Чуть дальше пастбищ виднелись сочно зеленые холмы, небольшие рощицы, строения.

Когда наша машина въехала во двор и остановилась возле подстриженного газона перед одноэтажным, неприглядным с виду старым зданием, мы вышли.

В зале со стенами, задрапированными коричневой тканью были расставлены черные полированные столы. Паб был украшен старинной медной и фарфоровой посудой. Здесь даже на одной из полок была забавная коллекция медных колокольчиков – барышень в пышных юбках. Посетителей внутри паба оказалось много, но свободный столик для нас нашелся.

Даниэль вопросительно глянул на жену.

- Что он хочет? Присаживаемся или нет?

- Может, выйдем на свежий воздух? - предложила Юля и, кивнув головой на открытую дверь, добавила. - Иди, ищи стол, я возьму меню и догоню.

Выйдя на летнюю площадку, если ее так можно было назвать, я изумилась. Несколько деревянных некрашенных столов с лавками стояли посреди лужайки под открытым небом, огражденные живой изгородью от действующего пастбища. Кое-где между ветвями изгороди алели уцелевшие до этого времени ягоды боярышника и шиповника. На пастбище бродил скот: черно-белые коровы и овцы. Небольшая речушка, со своей журчащей мелодией, разделяла пастбище на две части и вмещала на своей поверхности огромное количество различной водоплавающей птицы.

Здесь, на свежем воздухе тоже был свободен только один, причем самый дальний стол. Когда мы присели за него, у меня появилась возможность наблюдать за животными. Овцы паслись сами по себе, а к коровам были приставлены пастухи. Похлестывая плетью в воздухе, они не разрешали подолгу оставаться буренкам на одном месте. На моих глазах коровы подошли к речке, напились воды, и пастухи их погнали дальше. Легкие дуновения ветерка доносили звуки и запахи от пастбища.

На душе было удивительно спокойно. Мартовское солнышко приятно пригревало плечи. Слушая строгие команды пастухов, мычание коров, крик непуганой птицы, я забывала, где нахожусь. Вся земля казалась мне единым целым, не имея границ и национальных различий.

Дождавшись выполнения заказа – запеченную баранину с картофелем, мы приступили к еде. Кроме мяса и картофеля на огромной тарелке лежал салат из капусты, помидоров и мелкой зелени, с неизвестным мне названием.

- Какая вкуснятина! Мясо такое мягкое, что можно губами есть, - воскликнула я.

- Мне тоже нравится, как здесь готовят мясо.

- А вот эта травка напоминает мне результат прополки в огороде, - ткнула я вилкой в свою тарелку, показывая мелкую зелень с корешками.

- Согласна. Но ее все здесь едят, и мы будем.

Я посмотрела на пастбище и блаженно вздохнула.

- Место-то, какое золотое!

Юля усмехнулась.

- Сидим, как на колхозной земле. Вокруг мычание, ворчание, криканье.

- А мне нравится.

Подруга время от времени вертела головой по сторонам. Ее что-то волновало. Вдруг она наклонилась ко мне и шепнула:

- За тем столиком, где обедают только одни мужчины, тот, в сером пуловере и белой рубашке, глаз с тебя не сводит.

Такие речи были не по мне, и я нахмурилась.

- Ну и что?

- Как что? Мне тебя в люди послезавтра выводить, и очень интересно знать, какой категории мужчин ты сможешь понравиться.

- Ну и какой же?

- Как я поняла – интеллигентной. Он явно юрист или госслужащий.

- Ну и чушь ты, Юлька, городишь.

Когда от зубрежки английского языка я стала усиленно икать, Юля пожалела меня. Она то и дело смеялась над моим ужасным произношением, нагружая все новыми и новыми словами. Способность к английскому языку, как я поняла, у меня была нулевая, но уступая просьбам подруги, старалась изо всех сил.

- Ладно. На сегодня достаточно. Пойдем, прогуляемся.

- С удовольствием.

- Изи, - позвала Юля, спящую в корзинке собачку, держа в руке поводок.

Изи подняла голову, увидела поводок и через несколько секунд была уже у входной двери.

Мы выгуливали Изи и любовались живописной местностью. Вскоре я обратила внимание, что за какие-то семь-десять минут мы проходим вдоль третьего футбольного поля.

- Тут, что так любят играть в футбол?

- Это национальный вид спорта. Здесь в футбол играют с пеленок. К твоему сведенью родина футбола – Великобритания.

- Тогда немудрено, что у них такие сильные команды.

Подружка улыбнулась и с гордостью сказала:

- Они во многом сильны.

- Согласна.

Некоторое время мы шли молча, затем я набралась смелости и попросила подругу:

- Юля, давай оставим тему знакомства до лучших времен?

- Почему?

- Мне никто не нужен.

- Это я уже слышала. Катюша, мне почему-то кажется, что у тебя душа не на месте.

Правда?

Я ничего не ответила.

- Подружка, что все время гнетет твою душу?

Я тяжело вздохнула.

- Старые грехи.

- Какое имя носит твой грех?

- Не важно.

- Я все обо всех знала в цехе, кроме тебя. Живешь, в самом деле, в тени других, как пугливая мышка.

Я продолжала упорно молчать. Она снова вопросительно посмотрела на меня.

- Значит и сейчас намерена таиться?

- Юля, иногда ошибки молодости преследуют и отравляют всю оставшуюся жизнь.

- А подробнее можно?

- Хорошо. Дай только собраться с мыслями.

По мере того, что я говорила, лицо подруги все больше и больше выражало озабоченность. Рассказывая историю своей любви, я не смогла удержаться от слез. Были они результатом до сих пор не умершего чувства или только итогом душевной боли, мне трудно было судить. Когда я закончила, Юля пробормотала:

- Бедняжка.

- Стемнело, пойдем домой.

Вечерняя прогулка на пользу не пошла. Я крутилась в своей огромной кровати и не могла уснуть. Все было так замечательно, все было так прекрасно, пока я не вспомнила Николая. Мысли, связанные с ним, словно яд змеи распространялся по всему организму, заставляя меня содрогаться от невыносимых мук. Начавшийся после полуночи монотонный дождь убаюкал меня, как ребенка.

Дождливую ночь сменило тихое утро. Солнышко заглянуло в окошко и обрадовало меня. Оно одно не изменяло мне. Сегодня, на третий день моего пребывания в Британии,

Даниэль пообещал свозить нас в боулинг-клуб. Мы с подружкой съездили в колледж на урок английского языка, выпили по чашке горячего шоколада в «НЕРО» и вернулись домой.

- У меня есть идея, - воскликнула подруга, когда мы сели в большой гостиной у телевизора.

- Выкладывай.

- Чтобы на кухне долго не возиться, сейчас попросим Даниэля смотаться в кафе за жареной рыбой и картофелем фри, а сами в это время поставим фильм «Джейн Эйр».

- Я его уже несколько раз смотрела. Правда, это было очень давно, в молодости.

- Фильм, который я собираюсь тебе показать, ты еще не видела. Это новая экранизация романа Шарлотты Бронте, четыре серии.

Подруга поднялась с дивана и пошла к мужу наверх. Он, как обычно, работал в своем кабинете, решая большую часть деловых вопросов по телефону.

Роман «Джейн Эйр» когда-то был моим любимым. Будучи студенткой, я перечитала его несколько раз, радуясь, что у меня ровесницы – сиротки Джейн, судьба сложилась намного счастливей. И что из этого вышло? Она, в конце концов, обрела любовь. А я?

Вернувшись в гостиную, Юля подошла к полке с дисками и весело промолвила:

- Отлично, вопрос с обедом решен. Ну что, ставим фильм?

- А на каком он языке?

- На китайском, - улыбнулась подруга.

- На английском, что ли?

- Естественно. Ты где находишься?

- Ладно, включай, я все равно хорошо помню содержание книги.

Начало книги, а вернее описание детства Джейн меня всегда очень расстраивало и, немного подумав, я попросила Юлю:

- Уж больно гнетущее начало. Давай начнем с того места, когда главная героиня приезжает работать гувернанткой в усадьбу Торнфильд.

Подруга не возразила, даже, по-моему, обрадовалась.

- Нет проблем. Сразу ставлю вторую серию.

Независимо оттого, что я не уловила ни единого знакомого слова, фильм произвел на меня большее впечатление. Я любовалась природой страны, в которой сейчас находилась, удачным подбором актеров и, конечно, игрой жестов и взглядов. Зная содержание книги, я наслаждалась отдельными эпизодами, то огорчалась, то радовалась за главную героиню, но больше всего, если быть честной, завидовала Джейн с первых минут ее встречи со своей любовью.

Мы даже не прервались на обед, пока не досмотрели фильм. Только когда был выключен телевизор, Юля принесла на разное две пустые тарелки и два бумажных свертка.

- Подкрепимся и убегаем. Сейчас посмотришь, какая это вкуснятина.

Она развернула бумагу.

- Как пахнет! - сказала я, смотря на большой кусок жареной рыбы в кляре и горку картофеля фри.

- Приятного аппетита, подружка.

- Спасибо, - ответила я, приступив к еде.

Некоторое время мы молчали, наслаждаясь едой, затем подруга, пристально посмотрела на меня и осторожно спросила:

- Катюша, а что ты намерена делать со своей любовью?

- Я никого не люблю, - ответила я, накладывая себе в тарелку еще картофеля.

- Ну да, а ревела, как дуреха почти весь фильм.

Подружка под села ближе ко мне, обняла и поцеловала.

- Может быть его нужно простить?

- И не подумаю.

- Не будь жестокой, ведь его предал друг.

Набрав полную грудь воздуха, я безапелляционно ответила:

- Ну, а я тут причем? Пусть с другом и разбирается. Друзей, как и любимых, мы же сами выбираем.

Юля не отступала.

- Я думаю, если Николай тебя любил, то не меньше твоего страдал. У вас обоих сейчас равные шансы быть счастливыми.

- Мне это не интересно. Меня это не греет. Он не ищачил в своей жизни столько, сколько мне пришлось. Он не просыпался с горечью полыни во рту, живя с нелюбимым человеком. Только благодаря Николаю, я превратилась в безропотную рабыню обстоятельств.

- Откуда тебе знать, как ему жилось? Катюша, тебе только сорок один. Нельзя всю оставшуюся жизнь потратить на жалость к себе. Затаенная обида, прежде всего, изводит тебя. Ты ведь совсем одна осталась. А по твоим разговорам Николай не такой уж и плохой.

- У меня есть сыновья.

- Ну да, за все время учебы смогли приехать всего лишь один раз на две недели. А теперь, когда у них появилась хорошая работа, ты их вообще не увидишь.

Я посмотрела на подругу и ужаснулась от своих догадок.

- А вдруг тот земляк и есть Николай Владимирович? Ведь доброжелатель нарисовался на горизонте сразу же, как только сыновья вернулись с зимних каникул.

- Вот и хорошо! Парням еще учиться и учиться, а какая из тебя помощница? Себе помочь не в состоянии.

Высказывания Юли были справедливыми, и я не нашлась, что ответить на ее беспощадный выпад. Она оказалась намного мудрее меня.

- Милая, ведь это так прекрасно – любимый муж и дети! Я бы, Катюша, теперь многое отдала, чтобы у меня был ребенок от Павла. Дану дети совсем не нужны, у него двое от первого брака. - На ее ресницах задрожали скупые слезинки. Она смахнула их и продолжила: - А ведь была возможность и не одна. Теперь возраст не тот, да и желание не то.

Мы давно съели рыбу с картофелем, но все сидели и сидели. Каждый видимо думал о странностях житейских перипетий, о судьбе, которую не обойдешь и не объедешь и о годах, которые ни за какие деньги не вернешь. Мне было жалко Юлю, которая не познала счастья материнства, ей же, по всей видимости, меня, много натерпевшейся с нелюбимым мужем.

Вечером, выйдя на задний дворик, чтобы поседеть на свежем воздухе Юля устроила мне целый концерт. Я смотрела на звездное небо и слушала грустные романсы о любви. Песен было много, и каждая из них приумножала мою печаль.

Посещение боулинг-клуба доставило мне массу удовольствий. Громадный зал, где отдыхали десятки семей, поразил меня своими масштабами. Возле касс невозможно было не протолкнуться, и мы выстояли внушительную очередь. Когда наконец-то мы подошли к выделенной нам для игры дорожке и сели за столик, я получила определенное облегчение и осмотрелась. Кругом было масса детей разного возраста. Я вертела головой на все стороны и удивлялась, что у каждой пары родителей имеется по двое, а то и по трое ребятешек. Дети наравне с взрослыми веселились, участвовали в игре и ели с бумажных стаканчиков картофельное фри, запивая его Кока-колой.

- А почему вокруг так много детей?

- Здесь принято отдыхать с семьями, а не с любовницами, - улыбнулась Юля.

Грустно вздохнув, я не согласилась с подругой.

- В нашей стране не все напропалую гуляют. Просто здесь у людей есть, за что водить тех же самых детей по различным мероприятиям.

- Не возражаю. Это тоже неоспоримый факт.

Первое время я часто интересовалась у Юли, во сколько обойдется ее мужу та или иная наша «вылазка в люди», но она всегда жестко пресекала мои расспросы, и я перестала это делать.

- Даниэль идет в бар. Что тебе принести пить колу или пиво? - спросила меня подруга.

- Пусть будет кола. Тут все что-то грызут или пьют.

Когда Даниэль ввел на монитор наши имена, мы приступили к состязаниям. Я хваталась то за один, то за другой цветной шар, пока не определила для себя самый удачливый. Конечно, при всех моих стараниях первым по количеству сбитых кеглей был Дан. Он сразу оторвался от нас. Мы же с Юлей на протяжении всей игры напряженно сражались за обладания вторым местом. Победила дружба. Два раза выиграла я, два раза – подруга.

Снова весь вечер я штудировала английский, хорошо понимая, что делаю это больше для Юли, чем для себя. За такой короткий срок можно только, как попугай, заучить несколько несложных фраз. Чтобы понять, что говорят вокруг люди на чужом для тебя языке, нужен не один год общения.

В субботний вечер хозяева ждали в гости партнеров Даниэля по бизнесу. Стол накрывал сам хозяин дома. Мне разрешили присутствовать на кухне во время приготовления фирменных блюд их семьи. Дан, как искусный кулинар, за час испек два десятка слоеных булочек, приготовил баранину с овощами и сделал пару легких овощных салатов. Все остальное было просто вынуто из упаковок и разложено на тарелки.

Когда стол был накрыт, я преднамеренно поднялась наверх и увидела в окно, что ровно к назначенному времени прибыли на машинах три семейных пары и один холостяк моего возраста. Охваченная каким-то необъяснимым волнением, я долго не могла спуститься вниз. Что-то в этом всем меня настораживало, выводило из душевного равновесия.

Юля поднялась ко мне в комнату и буквально за руку притянула на первый этаж, успев отчитать по пути:

- Ты ведешь себя, как ребенок. Что о тебе люди подумают?

Я несмело пробормотала:

- Не знаю, но мне страшно.

- Чего? Ты ведь даже не сможешь догадаться, о чем они говорят, - нравоучительным тоном сказала подруга.

- Ну и что? Все равно страшно.

Юля представила меня всем без исключения гостям и пошла к мужу, который находился на кухне.

Сев на диван и увидев, что ко мне никто не проявляет интереса, я облегченно вздохнула, успокоилась и с любопытством стала рассматривать приглашенных. Вскоре рядом со мной оказалась Юля.

- Высокий и худой – это Пол, друг детства. Учился с Даном в одном классе. С ними училась его жена Аманда, низенькая блондинка в джинсах.

- Школьная любовь?

- Да, но он женился на ней только после нашей с Даном свадьбы. К этому времени у нее уже было двое взрослых детей.

- А он был женат?

- Нет, но она классная бабенка, можешь мне поверить.

Никто из гостей не садился за стол, как это принято у нас. Каждый подходил, брал одну из пустых тарелок, стоящих стопкой на углу стола, клал в нее все, что считал нужным, и отходил в сторону. Гостей, в основном, развлекал хозяин дома.

Юля принесла мне и себе тарелки с едой и по бокалу Хереса.

- Продолжим дальше, - сказала подруга, снова садясь рядом.

- Давай сначала перекусим? Все так аппетитно выглядит, что аж слюнки текут.
- Одно другому не мешает, говорю я, а ты только слушаешь. Уши-то свободны? Видишь толстую брюнетку? Ее зовут Клер. Это тоже одноклассница Даниэля, его первая любовь.

- Да ты что?

- Представь себе, она недавно вышла замуж. За партнера моего мужа и при том, с подачи Дана.

- Да? Как интересно.

- А ты думала? Тут такие же сложности найти свою половинку, как и у нас.

- Никогда бы не подумала.

- Последняя пара – это родная сестра Пола с мужем. Живут вместе давно. У них свое ранчо, любят собак, разводят лошадей, но детей нет. Каролина по профессии парикмахер. Я всегда пользуюсь ее услугами.

- Мне нравится твоя стрижка, а вот у твоей подружки...

Веснушчатое лицо Каролины было ярко окрашено, а укладка волос больше напоминала стог сена, чем прическу. Все это я сочла слишком экстравагантным, но промолчала.

- Через час у тебя будет точно такая же, как у меня. Я уже с ней договорилась, - оторвала разговором мой взгляд от Каролины Юля.

- Неужели я так плохо выгляжу? - Я в смятении поднесла руку к своей голове и пригладила волосы. - Ты думаешь это хорошая идея сделать мне стрижку?

- Конечно. С новой прически начнешь новую жизнь. И волосы сейчас перекрасим.

Это было уже слишком, и я тут же запротестовала:

- Зачем? Не хочу.

Юля словно не слышала меня.

- Тебе подойдет цвет жемчуга, хватит, как старухе краситься в цвет красного дерева.

Чудеса, да и только. Не так давно Юля восхищалась моим цветом волос, а теперь вот берет и открыто критикует. Неужто я и в самом деле выгляжу ужасно или это все лишь хитрый маневр подружки?

- Что это за цвет, который ты мне предлагаешь?

- Очень модный. Наберись терпения и сама все увидишь, - строго сказала подруга, дав понять, что она давно за меня все решила. Мое дело помалкивать и ждать.

Все же через пару минут я поинтересовалась:

- А прилично ли уходить от гостей? Как они вообще развлекаются?

- Никак. Будут сидеть у телевизора, и болтать, а мы этим временем делом займемся.

- Они не танцуют на вечеринках?

- Нет. Последний наш гость – Джордж. Как он тебе?

Это был лысый, высокий, крепкого телосложения мужчина с широкими плечами, крупным носом и выпуклыми карими глазами.

- Никак.

- Женат не был. И если честно сказать, думаю, и не женится, но подружек систематически меняет.

- Ясно. Нам такое барахло не надо.

- Зато богатенький.

- Плевать.

- Тогда за дело, - сказала Юля и, поднявшись с дивана, подошла к Каролине.

Я доела бутерброд с красной рыбой и последовала за предприимчивой подругой.

Воскресное утро прошло как обычно: душ, зеленый чай, актимель. В такие дни по давно заведенным обычаям семья Юли обедала в ближайшем, от их дома, пабе. Заведение открывалось по местному времени в двенадцать часов дня. Несмотря на то, что паб

действительно был расположен в двух шагах от дома, и была прекрасная погода, мы к нему подъехали на машине Даниэля.

Паб мне напомнил наши совдеповские столовые, в которых люди взяв разносы, медленно продвигались в очереди. Когда я подошла к раздаче, то увидела большие куски запеченной баранины, телятины и свинины. Посетители заказывали определенный вид мяса, и повар отрезал от него несколько ломтиков и клал в тарелку, добавляя к нему, по желанию клиента, отварные овощи: толченую картофель, цветную капусту, морковь, бобы. Все это обильно поливалось соусом «греви».

К обеду мы взяли по бокалу пива. Британцы любят пиво. Они предпочитают его вину. Я сделала этот вывод, еще на вчерашней вечеринке, где мужчины пили только пиво.

Одолев с подругой по гигантской порции сытного обеда, мы решили пройтись по парку. Дан вернулся домой в гордом одиночестве. Прогулки на природе всегда благотворно влияла на меня, а если учесть тот факт, что погода в Великобритании сопутствовала моему отдыху, то я была в прекрасном расположении духа постоянно. Меня поразил еще и тот факт, что при встрече совсем незнакомые люди, с улыбкой на лицах приветствовали нас с подругой.

Я невольно вспомнила наш городок, где можно столкнуться лицом к лицу с давним знакомым, а он сделает вид, что тебя не заметил и пройдет мимо. Порой трудно понять, почему так происходит: от недостатка воспитания, от большого самомнения или от плохого зрения.

Мы долго гуляли по парку, наблюдая за белками, играющими в догонялки, за сороками, преследующими нас, в надежде получить кусочек хлебушка и воркующими голубями. Многие люди выгуливали собак, которых здесь любили независимо от породы. На мой взгляд, большая часть из них были обычными невзрачными дворняжками.

Мы подошли к рыбаку и заглянули к нему в ведро. Там было всего две живые рыбки, но мужчина был доволен уловом. Он что-то дружелюбно сказал нам и Юля, улыбнувшись, ответила ему, а затем перевела мне:

- Еще одну рыбку поймает и отпустит всех обратно в озеро.

- А зачем он это делает?

- Своеобразное хобби.

Я вздохнула.

- Хорошо тут у вас, душа отдыхает.

- Катюша, а мне рядом с тобой легко и спокойно. Так не хочется, чтобы ты уезжала. Может, останешься подольше? Билет поменяем на другое число.

- Нет, меня будут встречать сыновья. Да и что-то нужно делать со своей жизнью, ведь вечно гостить невозможно.

Вспомнив свое тяжелое материальное положение, я слегка загрустила, но от зоркого взгляда подруги ничто не могло укрыться.

Чтобы поднять мне настроение, Юля нежно спросила:

- Не расстраивайся, вот увидишь, все наладиться. Хочешь, пойдём в один паб, он тут неподалеку?

- Но мы же не голодные.

- Там можно поиграть в бильярд и выпить пива.

- Немного ли развлечений на один день?

Подруга обняла меня, и на душе сразу же стало легко.

- Ай, Катюша, гулять, так гулять. Может, кто их холостяков нам дорогу перейдет?

- Ой, только не это, - рассмеялась я.

С разрешения мужа Юля в воскресный вечер устроила девичник. После обеда в пабе, она позвала меня в свою комнату, достала из гардероба вещи и стала сортировать.

- Вот эту блузу забирай и вот эту. Они мне перенравились.

- Не может быть!

- Ну, или не с чем носить. Бери, пригодится. Вот смотри, какая красивая? Сегодня можешь ее одеть.

- Ой, прелесть. Она же новая. Вот и этикетка.

- Вот и хорошо.

- Может не стоит разбрасываться вещами?

- Бери, село. Тут новую тряпку купить не проблема.

Юля пригласила жен приятелей Даниэля, которых я уже знала и трех русскоговорящих подружек, с которыми Юля познакомилась в колледже на уроках английского языка. Все гости пришли ровно в семь и на некоторое время завладели моим вниманием. Одну из них звали Леночкой, она была из Петербурга, другую из Киева – Людмилой, третью, одесситку – Софией. Всем троим, было в пределах сорок пяти – сорок восьми лет.

Лена, высокая костлявая блондинка, имела маловыразительное бледное лицо, которое еще больше портили бесцветные водянистые глаза. Она говорила мало, и даже те редкие слова, которые я слышала, цедила сквозь зубы. Лена жила здесь уже десять лет и работала библиотекарем. Майкл, так звали ее мужа, привез супругу к Юле на машине. Не отпуская жену с нами на дискотеку, он разрешил Леночке пообщаться с подругами в доме Юли, но не более двух часов. Этот высокий, донельзя худой мужчина практически не умел улыбаться. Его манера сухо держаться в компании и смотреть сквозь собеседника мне сильно не понравилась. К моему большому удивлению, переговорив с Юлей, я узнала, что Лена очень счастлива со своим мужем и решила, что при отсутствии внешних симпатий, Майкл обладает скрытыми для посторонних глаз более ценными качествами, чем общительность.

Полной противоположностью Лены была Люда. Эта низенькая пухленькая брюнетка с большой бесформенной грудью много говорила и без особых причин смеялась. Ее лицо с резкими чертами не произвело на меня никакого впечатления. Мужик в юбке, да и только. Тумбообразная фигура брюнетки сильно содрогалась при громком смехе. В манере Людмилы держаться на людях было что-то простецкое, деревенское и даже панибратское. За пять лет пребывания в Британии, она успела разойтись с мужем, который и сейчас оставался для нее хорошим другом, и стала жить с дочерью четырнадцати лет в арендуемом доме. По некоторым фразам, небрежно брошенным в разговоре с подружками, чувствовалось, что мысли киевлянки были заняты исключительно охотой на представителей сильного пола.

София, крашенная шатенка, в молодости была настоящей красавицей. Даже сейчас платье плотно облегалo стройное с высокой грудью тело. Миловидное ухоженное лицо с крупными голубыми глазами так и притягивало к себе мой взгляд. Со слов Юли женщина приехала сюда с двухлетней дочерью и была уже семь лет замужем за преуспевающим бизнесменом. Ее муж и двое его сыновей имели мебельную фабрику, изделия которой пользовались спросом по всему Уэльсу. Весь вечер София была грустная и малоразговорчивая. К ее редкой тихой речи приходилось прислушиваться.

В общей сложности нас было восемь человек с хозяйкой. Сначала для настроения мы распили бутылочку вина и съели ананас, затем полакомились мороженым. Все девчонки, как и вчера друзья Дана, сидели в большой гостиной.

Подогретая спиртным Людмила через время снова начала разговор о женихах и, устремив взгляд в потолок, пробасила:

- Надеюсь, что хоть сегодня познакомлюсь с классным мужичком.

Я покосилась на Юлю.

- А что это проблема?

- С хорошим – да!

- Я мечтаю о человеке, который наконец-то сделает меня счастливой, и будет лелеять как какую-то принцессу, - снова проговорила Людмила.

Юля обратилась на английском языке к Аманде. Они некоторое время общались только между собой. Киевлянка слушала их внимательно и лишь довольно кивала головой.

- Сегодня без жениха никто из дискотеки не уйдет, - улыбаясь мне, сказала Юля.

- Почему?

- За это дело берется сама Аманда, она всех холостяков в городе знает.

- Почему?

- Работает в отделе мужской парфюмерии, да и очень долгое время была холостячкой.

- Понятно. Любую консультацию значит, сможет дать?

Юля, подмигнув Людмиле, скомандовала:

- Ну что, красатулилки, вызываем такси? А то лучших женихов разберут.

Все дружно поднялись, вынесли свои тарелки на кухню и поспешили в прихожую обуваться.

Огромный зал дискотеки ошеломил меня. Здесь были люди разного возраста от восемнадцати до шестидесяти и старше. От количества мужчин рябило в глазах. Создавалось такое впечатление, что на одну даму приходилось шесть-восемь мужчин. За что британкам такое счастье? Живут в богатой красивой стране, да еще мужиков хоть пруд пруди.

Бармены за дискотечным баром не успевали обслуживать клиентов. На дискотеке существовало правило, когда ты заказываешь один бутылочку слабоалкогольного напитка, тебе бесплатно вручают вторую и это хорошо срабатывало.

Если бы мне кто-то сказал, что я смогу пойти на дискотеку в чужой стране и познакомиться с мужчиной, я бы ни за что не поверила. Его звали Ферос. Он был родом из Сирии и знаком с Людмилой по колледжу. Они долгое время еще до появления Юли в этом городе ходили в одну группу на занятия по английскому языку и мало-помалу сдружились.

Мужчина оказался моим одногодком. Высокий блондин с голубыми глазами и очень милой подкупающей улыбкой был скорее привлекательным, чем красивым. Он жил в Британии уже десять лет. К моему большому удивлению Ферос неплохо знал русский, так как в молодости учился в Одессе. Когда Людмила познакомила его со мной и Юлей, мы разговорились на русском языке, найдя несколько общих тем. Моя предприимчивая подруга Юлька разглядев сирийца, тут же взяла его в оборот, желая как можно больше узнать о нем.

- Где ты живешь?

- Снимаю квартиру.

- Где работаешь?

- На заводе.

- У тебя есть машина?

- Купил недавно за триста фунтов стерлингов.

- Понятно, какую-то рухлядь.

Ферос несколько раз приглашал меня на танец и как только мы возвращались, Юля, оперев руки в бока, продолжала засыпать его вопросами.

- Ты собираешься семью завести?

- Конечно, но чуть позже.

- Ясно. Через лет сто?

- Ну почему же? Раньше.

- А средства на это имеешь?

- Найдутся.

Я стояла, удивлялась нетактичности подруги и готова была провалиться сквозь землю, но Юлю это нисколько не волновало. Разузнав интересующую ее информацию, она потянула меня за руку.

- Уходим. Нам такие женихи ни к чему. Даниэль уже должен быть на стоянке.

- А как же Людмила? Остальные девчонки давно разошлись.

- Ты что не видишь? Она нарасхват.

Людмила ни секунды не стояла на месте. Она танцевала даже тогда, когда не звучала музыка. Это привлекало всеобщее внимание и, может, поэтому несколько мужчин в течение вечера составляли ей компанию.

Простившись с сирийцем, мы вышли на улицу, и Юля тут же деловито сказала:

- Чтобы такое счастье найти, как этот тип, не нужно ехать в Великобританию.

Я вздохнула. Как я не старалась, не могла вообразить себе будущее, которое должно быть связано с Британией. Казалось невероятным, что я смогу жить в каком-либо другом месте, кроме своей Родины, и тем более вести жизнь, не похожую на ту, которую вела до посещения Туманного Альбиона.

- Может мне вообще в этой жизни отказано в счастье?

- Чушь городишь, подружка. У тебя еще все впереди.

- Ага, а еще больше сзади.

После массы впечатлений прошедшего дня мне снова не спалось. Я вспомнила дом, родных. Захотелось обнять сыновей, приласкаться к матери, поболтать с Дашкой. С тех пор, как я приехала, прошло немного времени, а я уже скучала и по всем сразу. Видимо, в родную сторонку, где бы ты ни был, и как тебе ни хорошо, все равно тянет.

Пятый день моего визита на Туманный Альбион мы решили провести возле океана. Была тихая солнечная погода, и, выйдя на балкон, я почти не ощутила легкого дуновения ветерка. Нас было четверо, так как к нам с большим удовольствием присоединился Ферос. Он раздобыл у Людмилы номер Юлиного телефона и уже на следующее утро позвонил.

Дорога, ведущая к океану, то поднималась в гору, то опускалась. Постепенно погода стала портиться. Небо затянули тяжелые темные тучи, и стал моросить дождь.

- Возвращаемся обратно или поедем дальше? - спросила Юля меня.

- Поедем.

Дождь, желая нас напугать, не затихал всю оставшуюся дорогу.

- Это тебе Катюша расплата за все дни хорошей погоды. Сегодня день, когда погода должна быть самой лучшей, а она взяла и подвела.

- Может, еще наладится?

Какое-то время мы ехали вдоль океана, пока не появилась стоянка для машин.

- Ну, кто самый смелый? Выходите, - скомандовала Юля.

Я оказалась самой смелой и вышла первой.

Несмотря на непогожий день, меня охватывал какой-то дивный восторг оттого, что я нахожусь возле океана. Мощный прилив энергии наполнил меня, и мне как ребенку захотелось резвиться. Я брала камушки и, не обращая внимания на сильные порывы ветра, дождь и большие наступающие на берег волны, с задором бросала их подальше в воду. Я повторяла это снова и снова. Необъятность и мощь океана привели меня к мысли, как мы невероятно малы и уязвимы перед этой неуправляемой стихией.

Подошел Ферос и тоже стал бросать камушки, которые летели намного дальше моих.

- Ты вся промокла.

- Ну и что? Здесь так здорово! Глядя на бушующий океан, я чувствую себя маленькой беззащитной песчинкой, пытающейся бороться с невзгодами жизни. Именно сейчас и здесь я понимаю, какой меня ждет итог в этой неравной схватке.

Ферос удивленно посмотрел на меня.

- Ой, какие грустные мысли находятся в этой красивой головке. А разве нельзя думать о чем-то приятном?

- Не получается, но все равно я рада, что приехала сюда. Мне с детьми несколько раз приходилось бывать летом на море, но там были совершенно другие ощущения. Здесь же я слышу в шуме этих свирепствующих волн только мелодию битвы не на жизнь, а на смерть.

Ферос покачал головой.

- Ну и фантазии у тебя. Может, пойдем?

Мы немного прогулялись вдоль океана, и пока я полностью не промокла, не согласилась сесть в машину, из которой Даниэль и Юля даже не вышли.

- Здесь неподалеку есть очень хороший паб. Там готовят отменную лазанью. Мы засядем в нем до лучших времен, - весело сказала подруга, встречая меня.

- Отлично. Мне кажется я сейчас быка съем.

Когда мы возвращались обратно, день уже клонился к вечеру. На светлом после дождя небе появилась радуга. Я приняла это явление природы за добрый знак. Так и у меня получится, после всех сложностей и перипетий жизнь заиграет яркими красками.

Юля имела удивительную способность радоваться обычным вещам и по утрам часто удивляла меня.

- Я так счастлива, так счастлива!

- С чего бы это?

- Просто так.

Однажды спозаранку она залетела ко мне, размахивая руками, как бабочка крыльшками, и оживленно сказала:

- Какое замечательное утро! Давай сегодня устроим какой праздник, к примеру, день лени?

Я приподнялась, потянулась и ответила:

- По-моему, такой праздник у нас каждый день.

- Это не то. Давай, вообще ничего не делать? Валяться в постели и объедаться шоколадом и мороженым?

- Не прельщает. Я так часто отказывала себе в этих продуктах, что со временем перестала их любить.

- Да, мамочка, понимаю – все лучшее детям. У нас ты можешь кушать все, что пожелаешь. Чего бы тебе хотелось?

Я подумала и честно сказала:

- Картошки в мундире и квашеной капусты.

Юля поморщилась.

- Село! Никакой романтики. Может тебе еще борща наварить?

- Не мешало бы.

- Не дожدهшься! Сейчас получишь сэндвич с курицей, затем поездка в гольф-клуб, по дороге обратно заедем в паб, а ужинать будем у родителей Даниэля. Так что тут нигде борщом не пахнет.

- А жаль.

Юля с мужем давно запланировали визит к его родителям, но все как-то не получалось.

- Да, кстати тебе вчера вечером звонил Ферос, и я ему сказала, чтобы он тебя больше не беспокоил.

Я равнодушно пожала плечами.

- Сказала, да и сказала.

Сначала мы заехали к другу Даниэля, чтобы взять рюкзак с клюшками для гольфа и затем помчались из города, если так можно выразиться при их постоянных ограничениях скорости.

Та же панорама огромных сочно-зеленых пастбищ с пасущимися отарами овец предстала передо мной, но она мне не могла надоесть. Наоборот, в этом всем было что-то средневековое и магические.

- Такое впечатление, что нас окружают серые бастионы.

- Так оно и есть. Британцы любят мясо овец.

Вскоре машина въехала в какой-то просторный двор и остановилась на стоянке.

- Выходим.

Я десятки раз видела по телевизору, как играют разодетые богачи в эту диковинную для меня игру, и вот теперь самой предстояло в нее сыграть.

Даниэль достал из багажника рюкзак с клюшками и, сказав что-то Юле, пошел к одноэтажному небольшому зданию.

- Сейчас оплатит, и начнем сражения, - весело сказала подруга.

- Ты мне сначала расскажи правила игры, - попросила я.

- Они довольно простые. Бьешь по мячику, чтобы он летел как можно дальше, а затем по приближению к лунке бьешь по нему, как можно легче и точнее, чтобы он быстрее попал в лунку. Тот выиграл, у кого получилось меньше ударов по мячу до попадания в лунку.

- Ясно. Я даже знаю, кто выиграет.

Засмеявшись, Юля обняла меня.

- Для меня это тоже не секрет. Главное – получить удовольствие от игры.

Она указала на огромную зеленую территорию за оврагом по правую сторону от нас.

- Здесь, на свежем воздухе, но не с сапкой в руках, мы проведем полдня. За это время ты почувствуешь себя настоящей любимицей судьбы.

Я покачала головой.

- Да уж. Как же после всего этого будет трудно возвращаться к прежней жизни и чувствовать себя полнейшим изгоем.

Лицо Юли выражало истинное сочувствие.

- Не думай об этом.

- Не получается.

Вернулся Даниэль, роздал нам «орудия труда», поставил в первую лунку красный флажок и затем махнул нам рукой, показав в какую сторону направлять свой мячик.

- Ого, как далеко, - поразились я.

- Я буду вести счет. У меня все приготовлено для этого, - предупредила подруга, доставая из кармана куртки карандаш и листок. - Ну что, вперед!

Вечер у родителей Даниэля был проведен на чисто английский манер. Мать Даниэля – миниатюрная рыжеволосая блондинка имела властный характер, хотя и все время улыбалась нам. Ей было шестьдесят, но на свои шестьдесят она никак не выглядела. Ее волосы изрядно тронула седина, но кожа лица по-прежнему оставалась гладкой, практически без морщин.

Сначала хозяйка дома похвасталась нам своим зимним садом. Да, там было, чем гордиться. В помещении, сооруженном из прозрачного стекла, немного напоминающем наши теплицы, только высотой с дом и общей площадью почти двадцать пять квадратных метров, находилось обилие цветов и каких-то экзотических растений. Благодаря пестрому обильному цветению сад радовал глаз. По левую сторону возле стены стояли два кожаных кресла и тумбочка между ними, по правую, напротив кресел, находился телевизор. Корзинка со спицами и клубочками белых ниток, стоящая на тумбочке, говорила о том, что здесь, в уютном зимнем саду, хозяйка любит проводить время за вязанием. Подтверждением этому служила незаконченная салфетка, лежащая на одном из кресел.

Постояв немножко здесь, мы прошли в гостиную, где в это время находились Даниэль, его отец и его дед. Мужчины пили пиво и при включенном телевизоре что-то громко обсуждали.

- О чем у них спор?

Юля улыбнулась и беззаботно ответила:

- Внутренней политикой страны не довольны.

- Ты шутишь?

- Честно.

Не нужно обладать большой проницательностью, чтобы видеть, настолько богаты обычные жители Великобритании.

- Ну, тогда им надо хотя бы немножко пожить в нашей стране. Я увидела во дворе родителей Дана тоже три машины.

- Правильно. Их же трое, каждому по одной, - с иронией объяснила Юля.

Подруга подошла к бару, взяла на свое усмотрение одну бутылку вина и, открыв ее, налила мне и себе. Там было, по меньшей мере, бутылок десять разного наименования.

Я поморщилась.

- Не хочу, оно для меня слишком кислое.

- Пей, тут другого нет. За стол сядем не раньше восьми вечера.

- Но кто на ночь наедается?

- Тут так заведено и... - Юля запнулась, словно пыталась подобрать нужные слова. - Да ну их. Не будем менять общепринятых правил, хотя и не всегда понятных для нас. Если ты голодна, я что-то с кухни приволоку.

- Нет-нет.

Несмотря на прекрасно проведенный день, в голове роилось слишком много назойливых мыслей, что ночью сладко спокойно спать.

В среду с утра мы решили посетить старинный замок. До этого представление о таких замках я имела лишь по сказкам и детским фильмам. Наслаждаясь живописной местностью из окон машины, мы за два часа преодолели расстояние от нашего городка до ближайшего замка. Большое количество машин на стоянке еще раз подтвердило мой вывод, что здешний народ любит отдыхать.

Припарковав машину, мы стали в очередь за билетами. Рядышком с кассой Даниэль купил иллюстрированный буклет с видами замка и, улыбаясь Юле, что-то сказал.

Подруга тут же передала покупку мне.

- Так как ты сейчас ни единого слова сказанного экскурсоводом не поймешь, то при желании считаешь о замке дома.

- Хорошо. Правда, для этого нужен суший пустяк – выучить английский язык.

Во время просмотра мы медленно переходили из одного зала в другой и рассматривали всю роскошь, которая находилась там: картины, мебель, скульптуры и многое другое. Экскурсия растянулась на два часа.

Начался мелкий дождик, но это не помешало нам побродить по парку, окружающему замок. Разбивка живописного парка: аллеи, скамеечки, беседки, сделанные мастерами того времени, навеяли на меня атмосферу средневековья. Мы заняли одну из скамеечек, откуда просматривалась часть усадьбы, и стали беззаботно болтать.

- Как тебе замок? - улыбаясь, спросила подруга.

- Великолепен. Даже представляю себе разодетых молодых вельмож гуляющих по аллеям этого парка. Вокруг праздность и веселье.

- Ты бы хотела жить в то время?

Я засмеялась.

- Да, только родиться дочерью принца.

- И потом полюбить сына принца?

Я махнула игриво челкой.

- А почему бы и нет.

- И затем стать королевой? - не отставала Юля.

- Ну, это уже как получится, - рассмеялась я. - Могу даже попробовать править страной, если хорошо попросят.

На сегодняшний день, несмотря на все мои отговорки, Юля записала меня в косметический кабинет. Перед посещением косметического салона мы втроем успели

выпить по чашечке горячего шоколада в «Неро», и ровно в десять утра Даниэль на своей машине привез меня и Юлю на место.

Мы зашли в салон красоты, где нас, улыбаясь, встретили две сестрички-близняшки, которым и принадлежал этот уголок женских грез.

Юля любезно перекинулась с ними парой-тройкой фраз. Одна из худеньких блондинок взяла меня за руку и повела в свой кабинет. Она жестом показала мне, где раздеться до пояса и лечь. Посредине помещения стояла кушетка, застеленная несколькими махровыми простынями. Косметолог отбросила первую простыню в сторону, помогла мне взобраться и затем накрыла ею. Она включила легкую музыку и принялась сначала за мое лицо. Поочередно наносились какие-то ароматные кремы, затем снимались тампоном, потом снова наносились. Громко работающий аппарат разглаживал несколько раз кожу моего лица.

Окончив процедуры с моим лицом, косметолог попросила меня перевернуться и принялась за массаж спины. Это было сверх удовольствия. Приятное тепло расходилось по моему телу, заставив меня сначала расслабиться, а затем даже вздремнуть. После массажа я вовсе не желала вставать с кушетки. Так бы тут и провела остаток жизни.

Наконец-то, все происходящее со мной в Великобритании, задело меня за живое. Понимая, что в нашей стране есть похожие салоны, бутики, места отдыха, мне захотелось иметь возможность пользоваться ими. В моей душе возник протест. Почему одни имеют туда доступ, а другим даже такое не снилось? Не желая того сама, я чувствовала, что чем меньше остается времени прибывать в этой стране, тем тоскливей становилось на душе. Это было, как в детстве: побаловали новой игрушкой, а затем отобрали и положили на верхнюю полку шкафа, к которой невозможно дотянуться.

- Ну, как ты чувствуешь себя, Катюша? - первое, что спросила подруга, когда мы вышли из салона.

- Лучше не бывает. Ты тоже закончила?

- Да, я делала себе только лифтинг.

- Почему не все?

- В другой раз.

Когда мы вышли на улицу, машина Даниэля уже ждала нас. Мы собирались посетить еще один паб, который тоже находился за чертой города. Я села в машину и тут же поймала себя на мысли, что мне нравится такая беззаботная жизнь. Машины, пабы, развлечения. И не устыдилась. Совсем не хотелось возвращаться к тому беспросветному прозябанию, которое меня ожидало дома. Сыновья, мама, подруги это другое дело. По ним я скучала, чего не скажешь обо всем остальном.

Подъехав к одноэтажному, ничем не примечательному с виду пабу, мы вошли вовнутрь, и только тогда я увидела, что часть паба свисает над рекой. Через открытые форточки окон со всех трех сторон зала, впереди и по бокам, слышался шум клокочущей воды. Стены паба были украшены сетями, удочками, поплавками и даже крючками. Из отдельных картин за нами наблюдала хищная рыба.

- Ничего себе местечко.

- Паб называется «Зерновая мельница». Здесь и вправду когда-то была мельница, - поспешила удовлетворить мое любопытство Юля.

- Очень красиво.

Людей в нем было немного, но кормили здесь вкусно, как впрочем, и везде. Когда мы закончили обедать и собирались уходить, в зал вошли София с мужем и дочерью на вид лет семи-восьми, которая показалась мне уж больно бледной и худющей. Поприветствовав нас, они сели за соседний столик. Дан, желая пообщаться с ними, взял еще пива себе и Юле. Мужчины сразу нашли какую-то общую тему и стали активно ее обсуждать.

Вскоре за их стол принесли заказ, и разговор утих. За время обеда семьи Софии, ее муж несколько раз прикрикнул на падчерицу. После каждого замечания девочка готова была расплакаться, но видимо боялась этим еще больше разозлить отчима.

Мне досадно было смотреть за соседний стол. Вот сукин сын обижает же девчущку, а мать боится неприятностей и молчит.

- Юля, я не хочу идти к Софии в гости.

- Почему?

- Этой маленькой девочке там плохо, она никому не нужна. Я это чувствую. Посмотри, что они ей взяли на обед? Какой-то легкий салатик, а сами уплетают баранину с гарниром.

- Хочешь, я сегодня возьму Танечку к себе? Она иногда бывает у меня.

Я не припомнила случая, когда последний раз так искренне радовалась и тут же послала воздушный поцелуй Юле. Она действительно имела доброе отзывчивое сердце.

- Да, хочу, и устроим день сладкоежки.

- Только не вздумай лезть к ней с расспросами, - строго предупредила Юля. - Не надо.

- Нет, конечно. Ей от этого не станет легче.

С утра Юля вытянула меня посмотреть несколько домов Дана. Первый дом, недавно купленный им, стоял пустой, во втором строители меняли паркет, в третий, уже отремонтированный, заносилась новая кухонная мебель. Здесь принято продавать дома частично с мебелью.

- Столько у него таких домов?

- Несколько десятков.

- Ого!

В этот же день киевлянка Людмила позвала нас к себе в гости, и мы очень обрадовались ее приглашению. Нам обеим доставляло радость слушать здесь родную речь и общаться с земляками. Люда жила в деревне в двадцати минутах езды от нашего городка. К семи часам вечера нас к ней привез Даниэль и, договорившись с Юлей о времени, когда он должен приехать за нами, вернулся обратно.

Хлебосольная хозяйка уже ждала нас. Здесь все напоминало мне украинское застолье. На столе стояла водка, сало, домашняя колбаса, соленые огурцы и жареный с луком картофель. При нас Людмила выставила ароматную свинину, запеченную в духовке.

- Бабоньки, бегом к столу!

Я наотрез отказалась пить водку, но это не помешало мне наслаждаться привычной едой.

Решение пойти в местный паб на караоке было единогласно. Паб находился в другой стороне деревни, улицы которой совсем не освещались. Пробираясь темными улицами к пабу я обратила внимание, что совершенно ничего не боюсь. Людмила весело общалась с редко попадавшимися навстречу односельчанами и представляла нас. По ее словам, за годы пребывания здесь она знала в деревне практически всех. Я всю дорогу молчала, боясь на незнакомых неровных улицах сломать себе ноги.

Когда мы вошли в паб, Людмила невесело сказала:

- По-моему мы слишком рано пришли.

- Ну и что? - пожала плечами Юля.

- Да уже ничего. За барной стойкой сегодня стоит сама хозяйка.

В пабе было занято только два столика. За одним сидели две женщины преклонного возраста, за другим – мужчина лет пятидесяти. Увидев нас, он поднялся, подошел к нам и, поцеловав Людмилу в щеку, пригласил за свой стол.

- Мой сосед. Холостяк. Бывший военный.

Мужчина представился, его звали Хайденом и, показав на бар, что-то сказал девчонкам. Они отрицательно замахали руками. Людмила кокетливо отказалась от выпивки предложенной мужчиной и повела нас к его столу. Не понимая, о чем они стали говорить, я села за большой прямоугольный стол и принялась рассматривать паб. Его

интерьер от других пабов отличался большим количеством фотографий футбольных команд и отдельных футболистов, а также символикой на футбольные темы. Было здесь и много различных кубков. Мне стало любопытно. До этого заведения я знала, что британцы в основном свои пабы украшают картинами с изображением живописных уголков природы и фотографиями каких-то исторических событий. На стенах могли быть фотографии людей живших в домах, которые со временем стали пабами.

- Люда, а тут что, все любят футбол?

Киевлянка улыбнулась.

- Посмотри на того мужчину возле бара в черной рубаше, это муж хозяйки, он долгое время играл в футбол за Ливерпуль. Вон в той стороне зала находятся все его почетные грамоты и кубки. Это была его идея так оформить паб.

- Надо же, как интересно.

Я с любопытством стала рассматривать супружескую чету. Их возраст был немного за пятьдесят.

Зал постепенно стал наполняться посетителями, каждый из которых считал необходимостью подойти и поприветствовать хозяев этого уютного местечка.

Девчонки купили бутылку красного вина, и мы, наполнив бокалы, выпили за такой прекрасный вечер. Хайден сидел возле меня и пытался со мной общаться. К моему удивлению я немножко понимала его речь и даже рассказала ему кое-что о себе. Это было всего несколько простеньких предложений, но как они порадовали меня. Не напрасно Юля меня муштровала.

Объявили начало вечера, и первые любители пения потянулись к сцене. Хайден все время им подпевал, это делали Юля с Людой и другие. Удачно установленные экраны караоке давали возможность всем видеть текст. Через некоторое время в зале свободных мест не осталось, некоторым приходилось просто стоять у бара и общаться. Как и везде, тут в основном пили пиво. Самодеятельные певцы сменяли друг друга, а публика, не умеющая петь, принялась танцевать. Хайден пригласил меня на танец, и я с удовольствием согласилась. На душе было по-настоящему празднично. Обстановка в пабе располагала к веселью и общению. Людмила нас представляла то одним, то другим своим знакомым, и все, приятно улыбаясь, пожимали нам руки. Снова девчонки заказали вино, снова Хайден пошел к бару за пивом, и снова мы с ним танцевали.

Часы на стене показывали полночь, но все веселились, ожидая объявления о закрытии паба от самой хозяйки паба. К нашему столу подходило все больше мужчин, желающих с нами познакомиться. Юля слушала их разговоры с Хайденом и только улыбалась.

Я любопытствовала:

- Что-то не так?

- Он всем говорит, что ты замужем.

- Зачем?

- А догадайся.

Ровно в час ночи, хозяйка пожелала всем спокойной ночи и объявила, что паб через десять минут закрывается.

К моему большому удивлению к нашему столику подошел и муж хозяйки. Глядя на меня, он, улыбаясь, что-то сказал. Юля тут же перевела:

- Он говорит, что ты очень красивая и приглашает тебя в следующую субботу.

- Сенкью.

Подружка объяснила ему, что к этому времени меня уже здесь не будет. На что мужчина ответил: «жаль».

Только когда мы вышли из паба, Юля открыла мобильный телефон и увидела, что муж пытался связаться с ней около десяти раз. Она тут же перезвонила ему.

- Представляешь, приезжал за нами к Людмиле и не дождался нас. Я сказала ему, чтобы он беспокоился, мы доедем домой на такси.

Так как Хайден был соседом Людмилы, мы возвращались все вместе. Бывший военный всю дорогу расспрашивал Юлю обо мне, подруга отвечала ему и тут же переводила.

- Ты ему очень понравилась. Он удивляется, как такая молодая и красивая женщина может быть одна?

- Я не считаю себя ни той, ни другой.

- Он предлагает зайти к нему на чай, - снова перевела подруга.

- А прилично ли это после часа ночи?

- Он будет очень счастлив, если мы его уважим.

- Хорошо.

Его дом, стоящий по другую сторону дороги от Людиново, был небольшой по величине. Когда мы вошли в него, я удивилась чистоте жилища старого холостяка. В гостиной стояла мягкая мебель в темно-зеленых тонах. Мы сели в удобные кресла, и я принялась рассматривать комнату, а вернее портреты на стенах. Хозяин включил телевизор, возле которого стоял спортивный тренажер и ушел на кухню.

- Юля, может надо пойти помочь, а то как-то неприлично сидеть? Столько дам, а он один на кухне.

Юля кивнула и пошла сама к нему.

Людмила со своей тумбообразной фигурой полезла на тренажер, и тут же хохоча, свалилась на пол. Она попыталась встать, но у нее ничего не получилось, похоже выпитое за вечер спиртное начало оказывать на нее свое действие. Я с трудом помогла ей подняться и подвела к креслу.

- Садись и больше не позорься.

Похоже, Людмила не испытывала ни малейшего смущения и снова взобралась на тренажер.

- Чай готов! - крикнула из кухни Юля.

К чаю хозяин подал молоко и креккерное печенье. На столе до этого уже стояли коробка конфет и фрукты.

Мы пили чай и беседовали. Моя переводчица объяснила, что он хочет со мной еще встретиться.

- Можно, но только вместе с тобой. Ты ему объясни, пожалуйста, что у меня свободных только два вечера, завтрашний, вернее уже сегодняшний, и перед отъездом.

- А почему так? - поинтересовалась Люда.

- Мы едем на три дня в Лондон.

- На чем, на машине? Возьмите меня с собой.

- Нет, на поезде.

Когда мы допили чай, и Юля договорилась о моем свидании с Хайденом, было уже три часа ночи.

- Пора такси вызывать, - подытожила подруга.

Я долго ворочалась в постели. Снова одолевали невеселые думы. Почему меня перестали посещать приятные белокрылые мечты, как раньше? Почему они ушли вместе с детством? Почему сейчас все труднее и труднее вообразить себя счастливой и беззаботной?

Вечером мы собирались с подругой на свидание к Хайдену. Юля ехала со мной в роли переводчицы и, конечно, в роли личного водителя.

Я втянулась в праздную жизнь и, окунувшись в нее, получала массу удовольствий. Мне хотелось иметь максимум впечатлений, чтобы потом надолго растянуть приятные воспоминания.

Когда мы подъехали к пабу по дороге в Людмилину деревню, в котором было назначено свидание, я попросила подругу:

- Сфотографируй меня на фоне своего «Ягуара». Похваляюсь дома девчонкам.

Она усмехнулась, фотоаппарат всегда находился в ее машине.

- Не вопрос. Пусть позавидуют.

Я достала из сумочки косметичку и подкрасила губы.

- Готова.

Мы вышли. Я оперлась о машину, и Юля щелкнула фотоаппаратом. Затем мы прошли по узкой тропе, выложенной булыжниками, к входу здания, но заходить не торопились. Что-то меня тревожило.

- При разговоре с ним бери бразды правления в свои руки - сказала я подруге.

Она задумчиво спросила:

- Естественно. Какой с тебя толк? А ты бы могла выйти за него замуж?

Я пожала плечами.

- Возможно, но не сразу. Такого бурного романа, как у вас с Даном, у меня не получится.

- Конечно. У тебя же сердце снежной королевы, тем более не свободное.

Я покосилась на подругу.

- А у тебя оно было свободным, когда ты встретила Даниэля?

Подруга хмыкнула. Ее лицо не выражало никаких эмоций.

- Это другое дело. Скажу тебе по секрету: иногда я думаю, что во мне умерла талантливейшая актриса.

- Не ты одна так считаешь. Я тоже все время больше играла, чем жила.

Время шло, а мы все стояли на улице и чего-то ждали.

- Ну, так о чем мы будем вести беседу с твоим женихом? К чему его склонять?

Я немного подумала, не говорить же подруге, что мне глубоко наплевать на это свидание. Но зачем вести себя как ханжа?

- Меня устраивают дружеские отношения с перспективой на будущее.

Юля покачала головой.

- Подумай, что говоришь. У него уже не тот возраст, чтобы загадывать на сто лет вперед, - нравоучительным тоном сказала подруга.

- Ну, хотя бы спроси, сможет он приехать с нашу страну или нет?

Подруга пожала плечами.

- Ему нужно очень захотеть. Он же пенсионер и особых доходов у него, как у Дана, нет.

Я вспомнила улыбку Хайдена, он казался мне добрым и отзывчивым человеком и вздохнула.

- Ладно, заходим в паб, а то мы и так сильно опоздали.

Утро, когда мы отправлялись в Лондон, выдалось пасмурным. Чувство непередаваемой радости, что я смогу воочию увидеть этот старинный красивый город, переполняло меня. Одно слово «Лондон» приводило меня в необычайный восторг. Название столицы одного из могучих европейских государств в моем сознании никак не сочеталось со словом неудачница, которым я себя часто называла. Я снова приняла это за добрый знак и вздохнула полной грудью. Все дни пребывания в Великобритании я словно находилась в глубоком добром сне, в котором одно событие сменялось другим и очень не хотелось просыпаться. Если быть до конца честной, мне казалось непомерным счастьем жить в этой благодатной стране, где все устроено на благо людей.

Скорый поезд отправлялся в десять утра, что дало нам возможность, не спеша собраться, позавтракать и выйти к такси, которое вызвал Дан. Через два часа мы были уже в Лондоне, а еще через двадцать минут в номере гостиницы.

У меня был одноместный номер. Его убранство сравнивать было не с чем, ну разве что с комнаткой, где нам гадала Сарра. Я обвела взглядом широченную кровать, шкаф, стол с телевизором, электрочайник на отдельном столике с набором различных видов кофе, чая, сахара и улыбнулась. Ванная комната с набором мыла, шампуня, бальзама,

электрического фена, горкой полотенец и приспособлением для их сушки показалась мне большой роскошью.

Распаковав вещи, мы пообедали в одном из ближайших пабов и пошли на экскурсию в знаменитый музей восковых фигур «Мадам Тюссо». Мне приходилось однажды с детьми бывать на передвижной выставке восковых фигур «Династия Романовых», где все экспонаты поместились в одном небольшом помещении городской картинной галереи. Здесь же само огромное многоэтажное здание музея уже впечатляло. Масса туристов со всего мира, толпившихся вокруг восковых фигур, поразила меня, но еще больше удивило количество детей разного цвета кожи, которых, казалось, было не меньше взрослых. Всюду стояли во всей своей красе знаменитости мирового масштаба. Это были фигуры людей живущих в наше время, и, конечно выдающихся исторических личностей. Повсюду вспыхивали огоньки фотокамер и слышались громкие возгласы оживленных людей. Даниэль тоже взял свой фотоаппарат.

- С кем ты хочешь сфотографироваться? - спросила Юля.

- Ну, с кем-нибудь могущественным. На удачу.

Мы прошли мимо кинозвезд и артистов эстрады. Здесь было большое количество молодых людей, желающих запечатлеть себя на фоне счастливых шоу-бизнеса. Больше всего я поразила сходству знаменитой голливудской пары – Питера Бреда и Анжелины Джоли.

- Хочешь стать между ними?

- Нет, что ты? Бесполезно, - засмеялась я.

Дальше по залу гордо стояли политики всего мира, но почему-то Владимира Путина и Буша-младшего поставили рядом.

- Похожи, очень похожи! - согласилась я, глядя на двух невысоких по росту глав государств.

- Еще бы! Здесь над экспонатами работает целый институт. Так с кем ты хочешь сфотографироваться? - снова спросила Юля.

- Ни с кем. Я в политику не лезу. Слишком скромной родилась для этого дела.

- Да-а, там зубастые нужны. Я иногда в Интернете интересуюсь заседаниями вашей Верховной Рады и поражаюсь...

- Давай не будем. Я на отдыхе. У нас на Украине везде только и говорят о политике.

Мы с Юлей прошли дальше. За нами, не отставая, шел Даниэль.

Спортсмены, ученые, писатели, члены королевской семьи и сама величественная королева Великобритании Елизавета. Здесь было на кого смотреть и кем восхищаться.

Юля подвела меня к восковой фигуре невысокого мужчины.

- Я знаю, с кем тебя запечатлеть для истории.

Хорошенько присмотревшись, я закивала головой.

- Мне приходилось несколько раз видеть этого человека по телевизору. Что-то связано с Тибетом. Да?

- Молодец! Это – Далай Лама. Он духовный лидер.

- Ты хочешь напомнить мне о моих грехах? - засмеялась я.

- Да, нет же! Он может сделать любое чудо. А вдруг он принесет тебе счастье?

- Ну, давай.

Я осторожно стала возле святого, боясь к нему прикоснуться. Мало ли что? Вдруг увидит издалека, что его притесняют?

Дальше было все интересней и интересней. Мы прошли через зал, где познакомились с бытом старинной Великобритании. Оказывается, в этой стране люди жили не всегда так богато. Но ведь сумели жизнь каждого британца поднять на высокий уровень!

Посетили комнату страха, где мне пришлось почти все время идти с закрытыми глазами: среди восковых фигур находились живые страшилки. Они протягивали к нам руки сквозь решетки тюремных камер, выскакивали из-за поворотов и висели над головой. Когда мы немного устали, нам предложили двухместное такси музея Мадам Тюссо,

которое двигались по рельсам одно за другим. Юля предпочла сесть рядом со мной. Прокатившись в нем по многочисленным помещениям музея, мы еще больше обогатили свои знания по истории Великобритании.

Проснувшись, я поднялась с постели и выглянула в окошко. Утро радовало тихой ясной погодой. О ночном дожде напоминала только мокрая тротуарная плитка. Взглянув на часы, я ахнула. Вот это спала, так спала! Через двадцать минут в гостинице заканчивался завтрак. Я выскочила из номера прямо в махровом халате и постучала в соседнюю дверь.

- Юля! Ты спишь?

- Да. Ой, нет, уже не сплю, ты разбудила - слышалось за дверью.

- На завтрак нужно бежать, а то опоздаем.

- Сейчас выскакиваем. Дан, подъем!

Само сознания того, что я завтракаю в одной из гостиниц Лондона, льстило мне. Почти весь зал был заполнен людьми. Тот же английский завтрак, как и везде – молоко с хлопьями, бекон с бобами и поджаренные кусочки хлеба – тосты с маслом. По желанию на стол ставили кофейник или чайник. Я смотрела и поражалась, с какой грациозностью употребляли эту простую еду находящиеся здесь люди.

Букингемский дворец, резиденцию королевы, мы увидели только снаружи, находясь за металлическим забором, ограждавшим грандиозное сооружение. Желających просто понаблюдать за частой сменой караула и вереницей подъезжающих машин с приглашенными персонами на аудиенцию к королеве собралось много. Мы простояли больше часа, рассматривая роскошное здание, группы любопытных туристов, толпящихся вдоль ограды, и осмотр полицейскими подъезжающих машин.

Прогулка по городскому парку приятно удивила меня. Он был до такой степени огромным, что занимал, казалось, не один гектар Лондонской земли. Широкая и малолюдная главная аллея, равномерно посаженные деревья, аккуратно подстриженные газоны, полное отсутствие каких-либо аттракционов и почти абсолютная тишина.

Даниэль подвел меня к особняку принца Чарльза. Здание было намного скромней королевского.

Некоторое время мы молчаливо гуляли, затем я поделилась своими впечатлениями с подругой:

- Меня поражает спокойствие здешних людей. Ни шума, ни крика. Нет орущей музыки как у нас в парках.

- В Британии все живут размеренной жизнью. Они ценят тишину и покой.

Я кивнула и задумчиво произнесла:

- И много детей. Редко увидишь мамашу только с одним малышом.

Она невесело улыбнулась.

- Здесь можно рожать хоть десяток, но в семьях, в основном, по два или три ребенка.

После обеда, выстояв огромную очередь, мы попали в Национальный музей, от посещения которого кругом шла голова. Это же надо столько собрать разнообразных экспонатов!

Вечером мы собрались в моем номере выпить шампанское, Даниэль же предпочел кока-колу с чипсами. Он как взрослый ребенок молча сидел у телевизора и грыз чипсы.

Спустя какое-то время Юля сказала, что устала и хочет спать.

Покосившись на молчаливого Дана, я поинтересовалась у подруги:

- Он у тебя совсем не пьет спиртное? Например, водку?

- Редко и то с кока-колой.

- Везет же тебе.

Юля отмахнулась.

- Так и должно быть. Это мы у себя на родине привыкли к пьяным мужикам. Ты лучше скажи, как тебе Лондон?

- Ой, не найду слов. Спасибо тебе, подружка.

- Перестань. Мне самой было интересно.

На третий день нашей поездки в столицу Великобритании я рассматривала Лондон с огромной высоты из кабины колеса обозрения. Настроение было хоть возьми и полети. Мне даже показалось, что за спиной вырастают крылья.

Я то и дело вертела головой и расспрашивала подругу, а она Даниэля:

- Что там за красивое здание?

- Парламент.

- Да? Здорово.

- А те часы, вон там?

- Биг Бен.

Сколько раз мне приходилось читать о знаменитых лондонских часах, и вот пришло время увидеть их.

Даниэль кое-что рассказал о знаменитой башне с часами Юле, а она мне:

- Именно первый удар колокола башни, где расположены часы, в ночь с 31 декабря на 1 января является официальным началом нового года.

По собственной инициативе Дан много рассказал нам о Лондоне, даже то, о чем я бы и не догадалась спросить. При этом он то и дело размахивал руками вправо, влево, помогая себе жестикуляцией. Спускаясь вниз, я увидела большие живые «статуи». Это были герои из детских книжек и сказок. Детвора подходила к ним, бросала монетки, и человек в бронзе или золоте оживал.

Юля предложила:

- Подойдем, бросим фунт на счастье?

- А не засмеют? Мы же не дети.

- Кто?

Обратно к метро мы пошли другой дорогой. Прогулка по мосту через Темзу была недолгой, но приятной. Мы шли в сторону знаменитых часов Биг Бен. Впереди Дана, я шагала с подругой, лакомилась мороженым с карамелью и часто вздыхала.

- Красота-то, какая! Уезжать не хочется.

- У тебя есть шанс снова сюда вернуться.

- Какой?

Юля щелкнула пальцами.

- Элементарно, подружка. Будучи замужем за британцем.

Я отрицательно покачала головой.

- Не прельщает.

Юлю только развеселила моя недальновидность.

- Село! Селом и останешься.

Последний день моего пребывания в Британии пролетел очень быстро. Юля снова потащила меня по магазинам и накупила мне модной одежды. На этот раз я не сопротивлялась, и решила свои старые вещи по приезду выбросить в мусорный бак, но моя практичная натура и годами выработанная привычка донашивать все до дыр не дали даже мысленно этого сделать.

Две недели пролетели как один день. Я прекрасно провела время и теперь понимала, что после всего увиденного мне трудно будет жить той жизнью, которой жила до этих пор.

Даниэль решил отметить мой отъезд обедом в пабе и снова в новом для меня месте. В соседнем зале находился бильярдный стол, и мы с Юлей сыграли несколько партий. Дан же прихватил с собой книгу. Кроме нее он при входе в паб взял пару свежих газет и сейчас был увлечен чтением.

К вечеру, когда мной были сложены вещи и закрыта дорожная сумка, я с Юлей стала одеваться в гости. На этот раз мы все втроем собирались к Хайдену. Переступив порог

дома старого холостяка, мы были изрядно удивлены: нас ожидал празднично накрытый стол. На нем горели зажженные свечи, и обогащались кислородом откупоренные вина.

Оценивая содержание стола, я пришла к выводу, что вряд ли такому, все умеющему, хозяину нужна хозяйка. К большому огорчению Хайдена мы были не голодны и согласились только на яблочный пудинг с чаем.

Хозяин включил телевизор. Непринужденный разговор между Даниэлем и Хайденом мало-помалу затронул интересующую меня тему. Юля, внимательно слушая их, сразу переводила:

- Хайден договаривается с Даном вместе приехать к тебе на родину.

- Ух, ты!

- Да, и это будет следующим летом.

- Это хорошо, что он приедет?

- Думаю, да. Значит у Хайдена относительно тебя серьезные намерения.

Мужчины через время стали говорить о футболе, а Юля повела речь о совместном со мной бизнесе.

- Идея такая: покупаем старые квартиры, ремонтируем и продаем. Прибыль пополам.

- Только вот вопрос, где денег взять?

- Весь первый взнос возьмем у Даниэля, со временем отдадим. Что на это скажешь?

Я подумала, и страшно, и заманчиво, но начинать что-то делать давно пора и согласилась:

- Хорошо. Буду стараться, чтобы тебя и себя не повести, но ты же знаешь, какая из меня бизнес-леди.

- Не прибедряйся. Я тебе полностью доверяю. Если захочешь, Катюша, у тебя все получится.

- Думаешь?

- Уверена! Кстати, начнешь себя ценить, когда появятся первые результаты.

- Подружка, ты мой ангел-хранитель. Век тебя не забуду. Да я...

Она улыбнулась и прервала меня.

- Чудачка! Ты даже не представляешь, куда вляпываешься! Думаешь, это так легко?

Не раздумывая ни секунды, я тут же ответила:

- Нелегко, но это шанс выбраться на новый уровень жизни.

Наконец-то мужчины обратили на нас внимание и Юля, ссылаясь на ранний подъем, предложила ехать домой. Мы вышли на крыльцо. Хайден, пропуская Дана и Юлю, остановил меня.

- Мы ждем тебя в машине.

Хозяин дома потянулся к моему лицу и скромно чмокнул в щечку, затем подал заранее приготовленный пакет и сказал мне слово, понятное на всех языках:

- Презент.

- Сенкью. Бай, бай.

Ночью я не сомкнула глаз. Как же быстро пролетело время. Тысячи тревожных мыслей роились в моей голове и не давали уснуть. Расставание с подругой было настолько гнетущим, что казалось, разбивало мое сердце на мелкие частички.

Мне еще никогда не было так грустно, но я крепилась изо всех сил, чтобы не встретить новый день с опухшими от слез глазами.

Под утро первые капли дождя ударили по стеклам, и спустя несколько минут начался ливень.

Ранний вылет в дождливую погоду еще больше омрачал предстоящую разлуку. Душа разрывалась на две части. Одна желала остаться здесь, рядом с лучшей подругой, в этой прекрасной стране, другая же рвалась домой, в родимую сторонку, к сыновьям, к матери.

Всю дорогу в аэропорт, как из ведра лил дождь, по всей видимости, наверстывал упущенное, а возможно просто горевал вместе с нами.

- Дождь сегодня совсем ни к чему, - раздраженно сказала я.

- Это от нас не зависит, - грустно ответила подруга.

Пока Даниэль гнал машину по трассе в Манчестер мы, обнявшись с Юлей, уныло сидели на заднем сидении. Не желая того сама, я всхлипнула.

- Не реви. Еще приедешь сюда и не один раз.

- Не думаю. Пора свою жизнь до ума доводить, а не мотаться по свету и узоры снимать.

- Катя, не будь душой. Бабе главное – за хорошего мужика уцепится и не выпускать, а все остальное приложится.

Его голос звучал уверенно и настойчиво.

- Как сказать. У каждого свой ключик к счастью.

- Ну и где твой?

Я потянула носом.

- Потерялся, по моей же вине.

- Ну да, это мы умеем. Чуть что – сразу себя виним, поэтому так и живем.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ПО СТУПЕНЬКАМ ВВЕРХ

Дорога домой показалась мне намного короче. Я чувствовала себя на седьмом небе от переполняемого счастья, и мне хотелось громко кричать об этом на весь мир. Я побывала в Великобритании, в другом мире, и теперь знала, что жить можно по-другому, а это значит: учиться, работать, иметь свой бизнес и при этом получать удовольствие от достигнутых успехов. Долгие годы я тянула лямку скучной беспросветной жизни, практически ничего хорошего не видя в ней. Я попыталась вспомнить, чем же интересна была моя прошедшая жизнь, но не смогла. Сплошная суета! Одни лишь дети придавали ей смысловую окраску. За две недели поездки к подруге было столько интересных сногшибательных впечатлений и приятных встреч, что голова шла кругом. Неужели это все проходило со мной, серенькой пугливой мышкой, которая знала только дорогу на работу и обратно? Сейчас, когда у меня наконец-то раскрылись глаза, все должно быть иначе. Надеюсь только на себя и помощь небес, я решалась на новый забег.

Самолет пошел на посадку, и я, предвкушая встречу с сыновьями, улыбнулась. Зная, что в Борисполе они будут встречать, мне хотелось посмотреть на их реакцию. Узнают ли они в миниатюрной блондинке с легким макияжем и модной стрижкой свою вечно загнанную проблемами мать?

Сейчас на мне были белая блузка и джинсовый брючный костюм голубого цвета, на ногах новые белые кроссовки. Даже если в Киеве окажется прохладная погода, я все равно не будет холодно. Оттого, что снова в жизни появилась цель, меня распирало от избытка энергии. Я ощущала себя сильной и на многое способной, как когда-то в молодости, двадцать лет назад. Придется много работать, но мне не привыкать.

Шасси коснулось бетона, и нетерпеливые пассажиры, проигнорировав указания на табло, стали подниматься со своих кресел.

Я без проблем прошла таможенный контроль, забрала свой багаж и вслед за людьми вышла в зал прибытия. Встречающих вокруг было так много, что на первые секунды я даже растерялась. В надежде, что меня первыми увидят дети, я стала продвигаться по искусственно созданному коридору, пока не услышала знакомый голос:

- Мама, мама, мы здесь!

С замиранием сердца я подняла взгляд, ища своих сыновей, но встретилась взглядом с Николаем. Они втроем стояли чуть дальше от основной массы людей и махали мне

руками. Опешив, я остановилась, но всего лишь на считанные секунды. Вся гамма чувств пронеслась в моей голове, начиная самыми гнетущими и заканчивая самыми светлыми. Всепоглощающую радость от вида своих здоровых и оживленных сыновей не могли заглушить другие чувства. Никто не омрачит мой приезд, даже Николай. Я дома! Помахав рукой и улыбнувшись, я направилась в их сторону.

Ребята тут же бросились мне на шею и расцеловали.

- Мамочка, ты стала такая красивая, тебя не узнать. Ну, прямо настоящая иностранка, - восхищенно сказал Виталий.

- Мама, давай сумку, такой красавице как ты, нельзя тяжелые сумки носить, - тут же предложил свою помощь Владимир.

- С возвращением, Катенька. Мы все за тобой очень скучали.

Николай стоял в некоем напряжении и внимательно рассматривал меня. Он, видимо, просчитав все до мелочей, и не нашел более удобного случая, как встретиться со мной в аэропорту в присутствии детей.

- Что так? - мне хотелось ответить ему колкостью, но я передумала в последний момент. Не стоит уподобляться некоторым.

Прокладывая сквозь толпу путь, сыновья шли впереди. Николай плелся сзади. Когда мы вышли из аэропорта, он поравнялся со мной и с грустью в голосе сказал:

- Да-а, от прежней серой мышки ничего не осталось.

Чрезвычайно гордая за свои внешние перемены я молчала, позволяя на себя глазеть.

- Как провела время?

- Хорошо. Очень хорошо.

Он взял меня под руку, но я тут же высвободилась.

- Познакомилась с кем-нибудь? - пытаюсь скрыть волнение, спросил Николай.

- Да, встреч было много.

- Ты знаешь, о чем я говорю.

Его слова проникали в самое сердце и волновали, но, продолжая держать осаду, я равнодушно ответила:

- Я не обязана перед тобой отчитываться. На службе у тебя не состою.

Николай явно продолжал быть под впечатлением.

- Понял. Молчу.

Уже через час мы сидели в ресторане и обедали. По всей видимости, со стороны мы казались счастливой семьей, и поэтому на нас обращали внимание многие посетители.

Из-за соседнего столика я услышала долетевшие до меня слова приятной пожилой дамы:

- Ну, надо же, как постаралась природа, один – копия отец, а другой – мать.

Я покосилась в их сторону. Женщина в элегантном вишневом костюме сидела с мужчиной ее возраста, возможно, мужем и заканчивала обедать. Они ели десерт. Ее спутник обернулся, с интересом посмотрел на нас и высказал свою точку зрения:

- Думаю, тут старалась не столько природа, сколько сам хозяин семейства.

- Да, красавец, что там говорить.

Я словно со стороны посмотрела на детей на Николая и залюбовалась ими. Они оживленно беседовали и не слышали разговора за соседним столиком.

- Она тоже мила и выглядит не по годам юной.

Я вздохнула, почувствовав восхищенный взгляд немолодой пары, и порадовалась за себя.

Будучи втянута в игру под названием «семья» не своей воле, я сейчас терпеливо ожидала окончания «дружеского» застолья. Сыновья, наоборот, пребывали в отличном настроении. Рядом с ними сидела не только мама, но и отец Володи, с которым они успели подружиться. Мальчишки забрасывали меня вопросами о поездке к тете Юле и затем каждую мою информацию весело обсуждали с Николаем. Для них, спору не было,

он являлся неопровержимым авторитетом. У него, как и всегда, был такой надежный уверенный вид, что дети подсознательно чувствовали себя с ним в полной безопасности.

Мне особо нечем было хвастаться, и к тому же некоторые события путешествия, я сознательно опустила.

На столе стояла бутылка легкого вина. Когда принесли вторые блюда, Владимир посмотрел на сидящего рядом со мной Николая и с улыбкой спросил:

- Папа, может, немножечко выпьешь?

- Ты что, сынок? Я же за рулем.

Я поперхнулась. Разговор был, что ни на есть, родственным.

Услышанные слова подействовали на меня как холодный душ. Охватило страшное предчувствие чего-то непоправимого. Как же быстро все изменилось и, причем не в мою пользу. Казалось, за меня все давно решили, и сейчас я должна молчаливо наблюдать за несправедливостью, происходящей за столом, зная, что уже нельзя безболезненно для сыновей поменять ход событий. Николай и здесь оказался хватче меня и сделал все по-своему.

«Вот тебе и приехали! На моих глазах бесстыдно воруют сына и считают это нормой. Растила, растила, а как вырастила, родненький отец тут как тут, пришел на все готовенькое».

Удар, нанесенный данной ситуацией, был беспощаден, но это понимала только я. Сыновьям до моих переживаний не было дела. Пытаясь прочитать мои мысли, Николай изучающе посмотрел на меня.

- Мы еще немного побудем с вами в Киеве, а потом нам с мамой надо ехать домой. Дорога дальняя и не легкая.

Владимир, соглашаясь, тряхнул головой.

- Ладно. Тогда мы с мамой выпьем за ее удачный отдых.

Я подняла дрожащей рукой бокал и, протянув ее к сыновьям, невольно пролила вино.

- Ой.

Мы чокнулись бокалами, выпили по пару глотков вина и Володя весело, счастливым голосом сказал:

- Mamочka, мы уже все знаем.

Я уныло кивнула головой.

- Не трудно догадаться.

- Mamочka, у вас с отцом все будет хорошо? Правда?

- Что все? - с трудом выдавила я из себя.

- Теперь, когда все выяснилось, вы, наконец-то, сможете пожениться! Я так счастлив за тебя, мамочка, - сказал оживленно Владимир, глядя мне прямо в глаза.

- Не хочу сейчас об этом говорить. Не понимаю, к чему такая спешка? - как можно спокойней ответила я и обреченно вздохнула.

Володя остался недовольный моим ответом и продолжил настаивать:

- Мама, почему спешка? Мне бы так хотелось, чтобы вы были вместе.

- И мне, - подал голос не менее счастливый Виталий.

Николай в ожидании ответа тоже наблюдал за мной и надеялся только на помощь детей. В его карих глазах стояла тревога, которая не была свойственна ему.

Я сидела и молча ковырялась вилкой в своей тарелке.

- Ладно. Не давите на маму, она сама все решит. А что касается меня, я хоть сейчас готов жениться.

У меня самопроизвольно вырвалось:

- Чего не скажешь обо мне.

Я простилась с сыновьями, которые остались в Киеве, и с Николаем тронулась в путь. Машина мчалась строго на юг. В салоне звучала легкая музыка, и удобно устроившись на заднем сидении, я получала удовольствие от путешествия через всю Украину. Согревшись

под дубленкой Николая, вскоре я задремала, а затем и вовсе уснула. Из-за раннего вылета пришлось подняться спозаранку, но и в самолете тоже не смогла последовать примеру соседа-храпуна и уснуть. Сейчас же дорога сама по себе приятно укачивала.

Проснулась я лишь тогда, когда машина резко остановилась.

- Что-то случилось? - удивленно спросила я, глянув в окно.

На улице было темно. Николай, обернувшись ко мне, посмотрел уставшим взглядом.

- Полпути уже осилили. Сейчас отдохнем в гостинице и рано утром снова отправимся в дорогу.

- Сколько сейчас времени? И где мы находимся?

- Уже полночь. Остановились возле неплохой придорожной гостиницы, отличное место для ночлега. Я тут несколько раз бывал.

- Ладно, отдохнем, если так нужно.

Не могла же я спорить с водителем?

В гостинице оказались свободными только двухместные и четырехместные номера. Остальные номера были заняты.

- Что будем делать?

- А что тут остается делать? Бери двухместный.

Мы впервые оказались наедине, спустя много лет прожитых порознь. Как я и предполагала здесь находилась лишь одна большая кровать.

- Придется спать вместе.

- Ну и что? Можно подумать, что ты из-за этого расстроился?

- Нет, конечно, напротив очень рад.

- Не спеши радоваться.

Я приняла душ, надела чистую пижаму, подаренную с барского плеча Юлей, и запрыгнула в кровать.

- До утра не беспокоить, а то я могу и глаза выцарапать. Серый беззащитный мышонок остался в прошлой жизни.

- Без проблем. Я и сам вижу, какой ты сейчас грозной стала.

Николаю хватило одного моего взгляда, чтобы тотчас исчезнуть за балконной дверью. Он долго курил, по всей видимости, давая мне возможность уснуть, а себе успокоить нервную систему и затем тихонечко вернулся в номер.

Я притворилась спящей, но мне было совсем не до сна. На всякий случай я была начеку, чтобы дать достойный отпор наглецу.

Приняв душ, Николай лег на кровать, но не рискнул подлезть под мое одеяло. Укрывшись своей дубленкой, он тихонечко сказал в ночную тишину:

- Спокойной ночи, малышка. Я не верю своему счастью. Наконец-то за долгие годы жизни ты снова рядом.

С той минуты как я увидела Николая в аэропорту, он действительно казался счастливым человеком и даже не приятные речи за столом не могли расстроить его.

Николай вскоре равномерно засопел. Незаметно уснула и я.

Закрывшись в Юлиной квартире на несколько дней, я никого к себе не впускала и, не обращая внимания на продолжительные звонки по телефону и в дверь, обдумывала свою дальнейшую жизнь. В моем теперешнем положении имелись как светлые, так и малоприятные обстоятельства. Первые согревали меня, ни во что долгие годы не верившую и придавали силы. Среди них были материальная поддержка Юли, взрослые, достаточно самостоятельные дети и, конечно, самое важное во всем этом – мое страстное желание стать независимым человеком. Хватит плыть по течению и довольствоваться мелкими подачками. Сейчас, когда я решила вступить в битву со своей судьбой простушки, дурнушки, серой мышки, да как угодно это можно назвать, мне должна помочь целеустремленность и решительность во что бы то ни стало добиться успеха. Здесь, как говорится: «на Бога надейся, а сам не плошай».

Больше всего меня радовали наладившиеся дружеские отношения с Николаем. Как бы там ни было, я любила его, и, похоже, это чувство во мне до сих пор живет и, незачем кривить душой, будет жить. Кроме этого, Николай предприниматель, бизнесмен, имел большой стаж работы с людьми и хорошо в них разбирался. Он мог бы мне помочь.

К малоприятным обстоятельствам относились полное отсутствие личного опыта предпринимательской деятельности и неожиданные перемены в сыновьях, которые, казалось, все больше и больше отдалялись от меня.

Николай сдружился с детьми и практически переманивал их на свою сторону. Больше всего мне не нравилось последнее, и я решила исправить ситуацию, стать во всем не хуже Николая.

В эти дни, что я отсиживалась в Юлиной квартире, я дала себе слово, как бы мне не было тяжело на новой стезе, не смею роптать и поворачивать обратно. Это мой выбор и только мой. Я достала общую тетрадку, которую заполнила всего лишь на половину в Великобритании и написала большими буквами на чистом листе, как бы начиная жизнь с белого листа: «У тебя все получится, Катюша! Дерзай!» Затем я такими же буквами написала план действий. Первым пунктом плана был разъезд с мужем по разным квартирам. Редкие встречи с ним расстраивали меня, выбивали с душевного равновесия и подрывали веру в собственные силы. Да и убирать за ним стало противно. Разговор с Андреем я запланировала на вечер, на то время, когда он приходил с работы, и пошла на угол к киоску купить газету «Из рук в руки». Вся информация о недвижимости сосредотачивалась на страницах этой газеты.

Я заявила на свою старую квартиру во время, бывший муж как раз ужинал. Я скептически посмотрела на его затрапезный вид. Где же те светлые, сверкающие чистотой рубашки, отглаженные брюки, модный галстук? Он сидел за краешком стола с кучей грязной посуды и жевал сухой хлеб с колбасой, запивая холодной водой с крана.

Если бы можно было начать жизнь сначала, я бы никогда не вышла за Андрея замуж, а вот что касается Николая, мне было трудно что-то предвидеть. Возможно, даже начини жизнь в тысячный раз, я бы не прошла мимо этого сильного и умного человека.

Мое известие о продаже квартиры было воспринято мужем в штыки.

- Мне это не нужно, Катерина. Я из-за тебя не собираюсь создавать себе лишние хлопоты.

- Так мне нужно. Мне противно находиться с тобой под одной крышей.

- Не находишь. Лично меня все устраивает.

- Само собой разумеется, но меня не устраивает.

- А тебя здесь никто не держит. Живешь у Юли или еще у кого-то и живи. Чего бегаешь, нервы мотаешь?

Совсем обнаглел бывший муж, подумала я, но чему удивляться, он никогда не старался создать мне комфорт и уют.

- Может, прикажешь на вокзале жить? - Я хлопнула ладонью по столу и открыто возмутилась: - Не дожدهшься. Даю тебе ровно неделю на раздумья, а потом...

Андрей всегда имел трусливую, но упрямую натуру. Он искоса посмотрел на меня и раздраженно спросил:

- И что же будет потом?

- Увидишь.

За окнами благоухал апрель. Весна, весна пора любви, но почему же у меня совсем другим забита голова?

Когда я снова была готова встретиться с Николаем, то позвонила ему на номер служебного телефона. Он сразу узнал мой голос и очень обрадовался.

- Наконец-то. Где ты пропадала?

- Дома.

- Почему не открывала?

Я проигнорировала его вопрос.

- Можно подойти к тебе в офис?

- Что за вопрос? Конечно! А может, давай встретимся в более приятной обстановке, например, в кафе?

- Нет. У меня будет к тебе всего-навсего деловой разговор.

- Тогда жду, - вдохнул он.

Снова вопрос выбора одежды возник передо мной, но это были уже приятные хлопоты. Я научилась ценить красоту вещей, которым раньше никогда не придавала значения. Теперь, видя людей в красивых изящных одеяниях, я восторгалась их тонким вкусом. Для меня стало важным не только чем-нибудь наспех прикрыть свое тело, но и при этом безупречно выглядеть. Недаром говорят: «С кем поведешься, оттого и наберешься».

Сначала я подержала в руках свои старые вещи, которые возможно еще бы носила, если бы не подарки подруги, и бросила их в кладовую. Порву на ветошь или ... Мало ли какая ситуация появится в жизни.

Несмотря на то, что за окнами было начало довольно прохладного апреля, я оделась легко. На мне был Юлин серый брючный костюм, который она, купив себе, ни разу не одела, и белая блузка. Даже серый цвет заграничного костюма, сшитого хорошими мастерами, не помешивал мне выглядеть элегантно и модно. Правда, с длиной брюк мне пришлось немного повозиться.

Затем я принялась за свое лицо. Теперь у меня было много различной косметики. Ее можно было подобрать на каждый отдельный случай. Все это были подарки Юли и киевлянки Людмилы, которая распространяла недорогую косметику среди знакомых и друзей.

Первые перемены во мне заметил стоящий на страже порядка у проходной продуктовой базы Борис Борисович.

- Ух, ты! Тебя просто не узнать. Ты так изменилась.

Мне было интересно его мнение, как первого попавшего на пути представителя сильного пола, и я с интересом спросила:

- Так это хорошо или плохо?

Он с удивленным видом расширил глаза и заморгал ими.

- Ты что, смеешься? Конечно, хорошо. Мне даже сейчас страшновато приглашать тебя на свидание. Наверняка откажешь.

Я закивала головой, изо всех сил стараясь не вспылить.

- У тебя был момент пригласить меня на встречу и не на одну, когда я забирала свои вещи из нашего общего вагончика и позже. Тогда я так нуждалась хоть в чем-нибудь участии.

- Ой, я как-то тогда об этом даже не подумал. Ты была удрученная потерей работы, излишне раздраженная.

Не поверив искренности его слов, я беспощадно отпарировала:

- Не ври. Тебе не нужны были встречи с безработной женщиной, у которой к тому времени не было даже за что купить пачку чая, не говоря уже обо всем остальном. Такие, как ты мужчины, ищут только выгоду в знакомствах с простодушными дамочками.

Имея задиристую натуру, он не остался в долгу.

- Вам, бабам, сам черт не угодит. Молчишь – плохо, говоришь – плохо. За тебя я всегда знал, что ты еще та неврастеничка. Носилась со своими детьми, как настоящая безмозглая дура. Сейчас же принарядившись, вообще себя королевой Англии мнишь. - Борис Борисович замолчал, и, сменив интонацию, ехидно спросил:

- Куда направляешься, дорогуша? Видать работу у шефа клянчить?

Я окинула недобрый взглядом некогда своего сменщика, а теперь просто обычного злобного человечка и закивала головой.

- Молодец. А говоришь не догадливый.

Борис Борисович вдогонку со злостью крикнул:

- Давай, давай, чеши. Тут таких желающих, как ты, знаешь сколько? Устанешь в очереди стоять.

Встреча с Николаем превзошла все мои ожидания. Увидев меня, бывший шеф быстро подхватился из кресла и, широко улыбаясь, пошел мне навстречу. Я окинула взглядом кабинет. Все было на своих давно установленных местах и о многом напоминало.

- Проходи, садись, заждался тебя.

Николай отодвинул стул, помог мне сесть, затем сел сам. Он тут же предложил хорошую должность и на первых порах материальную поддержку.

Я сдержано улыбнулась и отказалась от того и другого:

- Спасибо, но я не затем сюда пришла.

- Вот как? Интригуешь. А зачем?

Не было смысла юлить, и я честно сказала:

- Так уж сложилась ситуация, что мне больше не к кому обратиться, и поэтому я обращаюсь к тебе за помощью.

Он великодушно развел руками.

- Проси все, что хочешь.

На моем лице появилась улыбка. Щедрым шефа на базе никто никогда не считал.

- Мне нужна твоя дружеская поддержка в открытии своего собственного бизнеса.

От удивления Николай вытаращил на меня свои глаза и стал хватать ртом воздух. Я изумилась столь неожиданной перемене в нем. С чего бы так нервничать?

- Что? Бизнеса? Какого бизнеса? Шутишь? Измываешься?

Я была как никогда серьезной.

- Да! Бизнеса. Ты не ослышался.

- И чем ты хочешь заниматься? - отошел немного от шока Николай.

- Недвижимостью. Недорого покупать убитые квартиры, делать в них евроремонт и продавать. Именно этим занимается Даниэль, муж Юли и процветает. Я видела его дома в работе и подумала, почему бы и мне этим не заняться?

Он откинулся в кресле и задумался.

Когда он заговорил, тон его речи был чисто деловой.

- Еще год-два назад на этом можно было заработать большие деньги. Сейчас сложно, цены на недвижимость не так стремительно растут как раньше, тем более ты не специалист по капитальным ремонтам. Это тебе не продукты питания, которые всегда будут нужны людям.

- Ты меня запугиваешь?

Николай безвинно пожал плечами.

- Нет. Почему ты так решила? И второе. Ты не забыла, что для любого дела нужен стартовый капитал? Он у тебя есть?

Могу с уверенностью сказать, что Николай особо ждал ответ на этот неизбежный вопрос.

- Он у меня будет.

Не показывая своего удивления, бывший шеф хмыкнул и сухо спросил:

- Тогда в чем дело? Действуй. Я-то, зачем понадобился?

Боясь, что он откажет мне в элементарной помощи, я поспешила объяснить:

- Ну, я же сказала, мне нужна твоя дружеская поддержка, причем во всем. Мне будет трудно первое время самой справляться. Я даже больших денег боюсь.

Николай почесал затылок и тяжело вздохнул. Вся эта затея с бизнесом ему явно не нравилась.

- Все-таки я не понял, чего ты хочешь лично от меня?

- Я же сказала, поддержки!

Бывший шеф немного помолчал и затем, не скрывая насмешки, ответил:

- Ну, хорошо я поддерживаю тебя. Что дальше? По голове погладить? Назвать умницей?

Я расстроилась из-за его несерьезного отношения к моей просьбе, но собралась с мыслями и более конкретно выразилась:

- Ты должен быть рядом со мной на сделках у нотариуса, при закупке стройматериалов, при выборе строителей на работу и приеме сделанной ими работы.

Он немного подумал и уже на полном серьезе сказал:

- Ладно, я согласен. Ну, вообще-то, мне легче взять тебя в жены и содержать, чем потом расхлебывать ту кашу, которую ты по неопытности заваришь.

Похоже, Николай не воспринимал меня, как человека, способного на какие-то серьезные поступки. В его глазах я оставалась все той же несмелой неопытной малышкой, полностью зависящей от него.

Я мгновенно вышла из себя, продемонстрировав свою неудержимую вспыльчивость.

- Вот что ты обо мне думаешь? Не хочешь помогать и не надо. А насчет замужества – ты загнул, приятель. Ни за что. Как я вообще могла прийти сюда после того, сколько натерпелась от тебя?

Я поднялась, подошла к двери и, выходя из кабинета, изо всех сил хлопнула ее, обрушив на нее весь свой гнев.

- Вот, глупая! Нашла на кого понадеяться, на самодовольного кретина.

Несмотря на плохое настроение, я все же выделила полдня, чтобы проведать Дашу, у которой к этому времени еще больше накопилось нерешенных проблем.

Даша разрывалась между капризной дочерью, старенькой матерью и Сан Санычем. Оксана была категорически настроена против соседа, старше матери на двенадцать лет и ополчалась бабушку против него. Дочь по-прежнему хотела оставаться в центре внимания и бедного соседа даже на порог не пускала. Даша встречалась с Сан Санычем украдкой, в отсутствии дочери и боялась, что это рано или поздно надоест соседу, и он сбежит от нее.

Мы сидели на небольшой кухне, поднимали настроение водочкой и роптали на жизнь. У Даши и у меня было для этого немало причин.

- Ну что мне делать с моей упрямой дочерью? - Чуть не плача спросила Даша. Подруга была на грани нервного срыва.

- Эгоистка! Лишь бы ей было хорошо. Она у тебя, по-моему, в последнем классе учится?

Даша тяжело вздохнула.

- Да. Хочет в училище на парикмахера поступать.

- У нее способности к этому делу есть или как?

- Наверное, все время руку на бабушке набивает.

- Бедная старушка.

- А как твои мальчишки?

Даша, как и две другие подружки была в курсе моей личной жизни.

- Помешанные на Николае, - простила я. - Только и слышишь по телефону, папа то сказал, папа это сказал. Виталий и тот счастливый ходит. Кто бы мог подумать, что так случится? Тянешь этих детей, тянешь, а когда вырастают, то сразу родные отцы появляются.

- Ой, им еще помогать и помогать надо. Они ведь у тебя только второй курс оканчивают?

В словах Даши явно прозвучал язвительный подтекст, но я достаточно спокойно ответила:

- Да, только второй.

Мы налили еще по рюмочке, и Даша, закусив квашеной капустой, не замедлила поинтересоваться:

- Что у тебя новенького с Николаем?

- Ничего. Вообще ничего.

- Не будь душой, держись мужика! - Она удивленно подняла брови. - Или ты хочешь выйти замуж за англичанина?

- Да, я вообще не хочу замуж.

Даша бросила в рот кусочек колбаски, прожевала и причмокнула губами.

- Не будь душой! У тебя и один, и второй – прекрасные варианты.

Меня передернуло, и я раздраженно проворчала:

- Я на мужиков спокойно смотреть не могу.

- А, это пройдет. Как только тебя как следует, приголубят, ты по-другому заговоришь. Даже замурылкаешь.

Даша захихикала над собственной шуткой.

- Не сочиняй. Я от них столько натерпелась.

- Не ты одна такая. Но мужик при бабе, это как визитная карточка. Куда бы ни пошла, сразу спрашивают: муж есть? Кто такой? Ах, нет? И тут же читаешь по их глазам свой приговор, значит, дура.

- Что ты все заладила дура и дура?

- Потому, что злая как собака на весь мир и, прежде всего, на саму себя. Боюсь, что мой Сан Саныч еще немного потерпит и слиняет.

Мне стало жалко подругу.

- Ну, так выходи замуж, хватит дочери в рот заглядывать. Порой мне кажется, что мы в глазах своих детей неспособны принять правильного решения. Они считают, что мы уже старые, свое отжили и должны помалкивать.

- Ты права, Оксанка рот не дает открыть.

- Хочешь, я с ней переговорю?

- А кто ты такая для нее? Такая же неудачница, как и я.

Это было уж слишком, но при всем желании, мне не нашлось, что ответить и я просто надула губы.

- Чего обижаться? Это же, правда. Повезло твоим сыновьям, такой мужик в нужную минуту рядом оказался, а ты капризничаешь, фокусы строишь.

Как бы мне хотел с этим не согласиться, но это было сущей правдой. Все же упрямство взяло верх, и я грозно сказала:

- Что значит, оказался, и что такое нужная минута? К твоему сведенью дорогая, он не просто мужик, а родной отец Володи! Да и вообще, отцы всегда нужны своим детям.

Даша кивнула в знак согласия.

- Нужны. Кто ж спорит? Просто я тебе добра желаю и поэтому волнуюсь за тебя. Ты лучше посоветуй, что мне делать?

Я посмотрела на бедную подругу и настоятельно сказала:

- Даша, повторяюсь, никого не слушай, а выходи замуж за Сан Саныча, пока он тебя берет.

К тому времени как я вышла от Даши, уже стемнело. Вот еще один день незаметно пролетел.

Через месяц после прибытия из Великобритании была назначена сделка по покупке первой недвижимости. Квартира находилась от моего дома через дорогу. Она никогда не знала ремонта и выглядела ужасно: стены и потолки были в трещинах, водопровод и канализация прогнили насквозь и давно пришли в негодность. Именно поэтому за нее попросили недорого. Юля, как и обещала, выслала мне из Великобритании нужную сумму за неделю до сделки. Таких денег я никогда еще не держала в руках и сон, который практически всегда подводил меня в сложные жизненные ситуации, сейчас вообще пропал. Я боялась, что меня с минуты на минуту обворуют или того хуже задушат. Жизнь превратилась в полнейший кошмар. Из-за своих сплошных переживаний в день сделки я представляла собой жалкое зрелище. Кроме того, эту сумасшедшую, на мой взгляд, сумму

нужно было еще доставить к нотариусу, и там уже, перекрестившись, отдать. Помочь мне в этом мог только Николай.

Не заботясь об извинениях за грубость и резкость слов в его кабинете и не один раз по телефону, я снова набрала номер Николая, зная, что он мне не откажет, просто знала и все.

- Привет. Мне нужна твоя помощь.

Николай за прошедший месяц понял, что меня бесполезно отговаривать от начатого дела и стал понемногу помогать. С его подачи я пересмотрела несколько вариантов квартир и остановилась на одной из них. Затем он дал небольшую сумму задатка и помог получить в банке перевод от подруги.

Вот и сейчас услышав мой голос, Николай спокойно терпеливо спросил:

- Что нужно сделать?

- Подъезжай через полчаса к моему дому, а остальное скажу при встрече.

Послышался приятный смех.

- Хорошо, но не думаешь ли ты, малышка, что я забыл о сегодняшней сделке?

- За это тебе только большой плюс.

Николай хмыкнул и с интересом спросил:

- Волнуешься?

- А ты как думаешь?

Он приехал вовремя и в прекрасном расположении духа. Казалось, что рядом со мной у него всегда хорошее настроение.

- Вот-вот закончится первый сложный этап моей жизни и начнется совершенно другой – не менее сложный.

- По-моему ты сама к этому стремишься.

Я промолчала, но упрямый вид моего лица подтвердил сказанное.

Длительная процедура сделки забрала массу времени и сил. Я вышла от нотариуса, когда закончилась гроза, первая гроза в этом году и на ясном небе появилась радуга.

«Хорошая примета», - подумала я, и, неся в сумочке договор о покупке квартиры, была по-настоящему счастлива.

Наконец-то я на что-то отважилась! На улице дул свежий прохладный ветерок, чем-то неуловимо напоминая мне Юлькины края, словно подруга послала привет со своей новой родины. Рядом молчаливо шел Николай. За это короткое время после приезда из Великобритании он успел стать для меня тем человеком, без которого невозможно уже обойтись, и, если быть до конца честной, заменил собой так не достающуюся мне Юлю. Я во всем могла положиться на него.

- Пойдем, отметим сделку в кафе?

- Ой, может не надо деньги тратить?

- Это особенный случай, его надо обязательно отметить.

По своей наивности, недолго думая, я предложила свой вариант:

- Давай лучше зайдем ко мне? Я картошки нажарю.

Николай с удивлением посмотрел на меня и на этот раз вскипел:

- Чего ты вечно по пустякам суетишься? Угощаю же я! Там и обговорим дальнейший план действий.

Глупая привычка считать не только свои гроши, а еще и чужие деньги, мне самой никогда не нравилась, но искоренить ее было не так легко.

Я виновато улыбнулась и согласилась.

- Ладно. Извини.

Мы зашли в кафе «Бомонд», сели за столик и я снова «отличилась»:

- Мне только салатик.

- Будем кушать то, что все едят.

Николай окинул меня укоризненным взглядом, посмотрел в меню и сказал подошедшей официантке:

- Нам, пожалуйста, два комплексных обеда под номером три.

Пока мы ждали заказ, борщ и жаркое, Николай деловым тоном спросил:

- Катенька, у тебя есть деньги на ремонт?

- Нет, но я буду звонить Юле. Сколько нужно?

- На первое время не меньше штуки.

- Хорошо.

- Может, поступим по-другому?

- А именно?

- Сделаем этот бизнес семейным?

Всякий раз, когда Николай заводил разговор на эту тему, мне хотелось визжать.

- Ты опять за свое? Я предпочитаю оставаться свободной женщиной, но заметь, при этом не гоню тебя. Помни лишь одно, я ничего тебе не обещаю. Время обещаний, которыми ты не воспользовался, давно закончилось.

- Это жестоко. Можно же...

Я нетерпеливо прервала его:

- Можно, но не нужно.

Подошла официантка и Николай, одарив меня улыбкой, пожелал приятного аппетита.

Только теперь я начала понимать значение вскользь брошенных слов подруги и опасения Николая. Я часто пыталась разгадать формулу успеха бывшего шефа и применить к себе, но у меня ничего не получалось. Чтобы иметь хоть какую-то прибыль, нужно было по-настоящему вкалывать. Снова в моей жизни началась беспросветная работа, но уже на себя. Я договорилась с Виктором, мастером по ремонту квартир, которого я нашла по объявлению в газете, чтобы он взял меня к себе в подсобные рабочие. Теперь вся неквалифицированная тяжелая работа легла на мои плечи.

Я старалась, как можно меньше встречаться с Николаем, чтобы он не заподозрил, что мне порой приходилось очень нелегко. Все же нашими редкими встречами вне работы он оставался недоволен, а у меня и на них не было сил.

Ободрав со стен обои, неизвестно какой давности, я вызвала Николая, чтобы поехать в магазин стройматериалов. Критически осмотрев меня, подходящую к машине, он недовольным голосом заметил:

- Ты ужасно выглядишь.

- Спасибо на добром слове.

- Куда делась та красавица, которую я встречал в Борисполе?

- Какая есть, такая есть.

Николай продолжал осматривать меня как витрину магазина и естественно заподозрил неладное.

- На тебе что, пашут? Ты плохо спишь? Может, ты чем-то больна?

Его болтовня стала действовать мне на нервы, и я прорычала:

- Отстань!

- Я переговорю с твоим строителем. Что ты там у него делаешь, если это тебя так выматывает?

- Не вздумай! - с негодованием возмутилась я.

- Тебе явно нужен отдых! - закончил свою раздражающую болтовню Николай, и что самое обидное в ней, он был прав.

Сказать просто, что я уставала, – ничего не сказать. Работа была не по мне, и я буквально валилась с ног. Руки быстро немели, а неуспевающие заживать мозоли противно ныли, но нельзя было поддаваться усталости. Часто, когда я возвращалась на общественном транспорте с работы в Юлину квартиру, от меня шарахались пассажиры. Своим измученным видом, нечеткой походкой и синяками под глазами я больше напоминала пьянчужку, чем приличную женщину. Однажды в маршрутном автобусе я

присела возле старушки, которая покосилась на меня и громко недовольным голосом сказала:

- Во что только людей превращает водка?

Видимо от этих слов я покраснела, потому что старушка злорадно добавила:

- Видать не совсем совесть потеряла, что краснеешь?

Бывали случаи, когда я, замешивая раствор и подавая его Виктору, задерживалась на работе допоздна. Чтобы не тратить время на поездки, мне приходилось оставаться на ночлег здесь же, на грязном полу ремонтируемой квартиры. Я расстилала газеты, бросала какую-то старую одежду и устраивалась на ней. Долго ворочаясь и плохо засыпая, к утру могла совсем не отдохнуть, не говоря о том, чтобы восстановить силы.

На письма Хайдена я могла не отвечать по полмесяца. У меня не было ни сил, ни возможности сесть за словари и отписывать ему на его родном языке. Впрочем, письма его, если откровенно, были ни о чем.

Николай не всегда мог помочь. Часто когда мне требовалась новая партия стройматериалов, он был в отъезде. То Николай ездил за сыновьями, то по своим делам, то в родной город. Вот и сегодня он отсутствовал. Я поехала в магазин и купила по десять мешков цемента и песка. На машине по доставке приобретенного материала я добралась до своего дома и там как муравей перетасила все на своих плечах в квартиру.

Тревожный сон поднял меня спозаранку. Не особо задумываясь к чему он, я поспешила на строительный объект. Виктора не было. Еще вчера он дал мне фронт работы на первую часть дня – оббить до кирпичей стены кухни – и обещал прийти позже. Принявшись за эту ужасную пыльную работу, я время от времени, когда мне становилось уж слишком тяжело, и требовалась передышка, спускалась со стремянки на пол и шла осматривать ванную комнату, которая была практически готова. Помещение было хоть и малых размеров, но многим напоминало мне ванную при комнате для гостей в Юлином доме. Очередной просмотр единственного законченного после ремонта помещения придавал мне силы. Там тоже пришлось приложить немало усилий, и я теперь испытывала легкий трепет, когда входила в ванную.

«Глаза бояться, а руки делают», - тяжело вздохнув, подумала я и, выпив стакан воды из крана, чтобы немного утолить голод, снова полезла на стремянку.

Прошло полдня, а конца работы не было видно. Продолжительный звонок в дверь вынудил меня спуститься вниз. Громко чертыхаясь, что Виктор пришел слишком рано и сейчас отругает меня за медлительность, я направилась к двери.

На пороге стояли Николай и сыновья. Недовольный вид Владимира заставил меня похолодеть.

Битый час, не давая работать, отчитывал меня Николай как маленькую провинившуюся девочку, убеждая бросить заниматься ерундой. Я игнорировала все его доводы. По большому счету мне было на него начхать. Самое обидное было во всем этом то, что ему помогали донимать меня мои дети. Он привез их неделю назад, и они поселились со мной в Юлиной квартире. Идти им в родной дом не было возможности, так как там царил беспорядок. Муж, не привыкший хоть к какой-то работе по дому, превратил кухню в место для мусора. Жившие у меня на квартире девочки-студентки естественно поддерживали порядок, но сейчас они уехали на летние каникулы.

Сыновья много времени проводили с Николаем, и теперь он взял их, идя ко мне, для моральной поддержки. Слово за слово и старший сын при разговоре начал повышать голос, что крайне удивило меня.

- Ты хоть понимаешь, во что превратилась?

- Я занимаюсь ремонтом квартир.

- Ты превратилась в обычную маляршу. Я молчал, когда ты, вечно воняя гнилью, убивала свои лучшие годы в овощном цеху. Я смолчал, когда ты обернулась в бабку-сторожиху, переговаривающуюся с дворняжками на базе, и потом долго с интересом о

них рассказывала. Но то, что я сейчас вижу, превзошло все мои опасения. Неудачница, по-другому тебя не назовешь.

Я не поверила своим ушам и промолчала. Это реальность или всего лишь дурной сон? Вернее продолжение дурного сна. Вдруг открою глаза, и все будет по-прежнему. Но, увы.

- Почему ты молчишь? Объясни нам. Как тебе может нравиться такая жизнь?

Я смотрела на своего любимого сына – смысл всей моей жизни – и мое материнское сердце обливалось кровью. Неужели это мой сын Владимир говорит такие обидные слова?

- Я же хочу как лучше, хочу заработать для нас всех денег.

- Для кого лучше? Ненормальная. - Я отпрянула, увидев в глазах сына нешуточный гнев. - Тебе отец предлагает совместную жизнь в полном достатке, а ты уродуешься здесь! Как тебя после этого назвать? Не иначе, как...

- Мне ничего от него не нужно, - перебила я Владимира.

- Кому ты своим упрямством делаешь хуже? Себе и только себе!

Я замолчала, шокированная речью сына. Сейчас своей категоричностью он походил на отца. Когда же произошла в нем такая резкая перемена? Возможно, когда дети вырастают, так и должно быть. Они открыто выражают свое недовольство тем или иным образом. Я же, привыкшая к их послушанию и покорным ответам: «Да, мамочка. Хорошо, мамочка», теперь была страшно напугана. Присутствие Николая при нашем разговоре ставило меня не иначе, как в глупое положение.

- Мы пойдем, - словно прочитав мои мысли, сказал решительным голосом Николай. - Вечером встретимся.

- Мне будет не до встреч, - ответила я, вся кипя от злости.

Вечерний звонок из Великобритании поднял мне настроение. Подруга словно чувствовала меня на расстоянии и звонила в самые трудные минуты. Я поделилась с ней впечатлениями о сегодняшней встрече с Николаем, пожаловалась на своего старшего сына и, конечно, всплакнула.

- Брось хныкать, на детей обижаться бесполезно. Такие надежды подавали мальчишки, а какими непутевыми оказались! Лично я хочу только девочку.

- Ох, я уже ничего не хочу. Устала, как не знаю кто, и еще получила на орехи от самых родных людей.

- Николая не тронь. Он тебе добра желает.

- Пусть не сунет свой нос в мой бизнес.

- Не смейся. Сейчас тебя трудно назвать бизнес-леди. Вот когда все начнет идти своим чередом, а ты станешь только давать указания, и при этом, для пущей важности строго поглядывать на наемных рабочих, вот тогда ты будешь настоящей бизнес-леди.

- Возможно.

- Учись работать у Николая. Он ведет свой бизнес играючи, а ты вот-вот сломаешься.

- Еще чего! Самовлюбленный, самоуверенный тип! Настраивает против меня детей.

- Почему детей? Меньший же молчит.

- Ага, молчит? Он все равно думает так, как старший.

- Андрей до сих пор ничего не знает о старшем сыне?

Прежде об этом я даже не задумывалась. Меня совершенно не волновало, как воспримет эту новость бывший муж. Да и чем он сможет меня попрекнуть, сев третьим лишним мне на шею.

- Мальчишки, как только приехали, с ним встречались, но не думаю, что они ему что-то говорили.

- Все равно узнает.

- Ну и что? Кто он мне сейчас?

- Видела в городе Хайдена. Он жаловался, что ты редко ему пишешь.

Я хмыкнула.

- Ну, дает мужик! У меня что, есть время писать письма на английском языке? Тут на русском и то некогда. Пусть учит наш язык, если хочет общаться.

- Ага, жди, выучит. Кому это больше надо, ему или тебе? Тебе.

Подруга всегда умела привести в кавычках неоспоримые доводы.

- Я думаю, Юлечка, тебе.

Юлька громко рассмеялась и этим рассмешила меня. До чего же хороший человек, эта Юлечка, но почему она так далеко.

Вечер не предвещал ничего плохого. Я находилась в Юлиной квартире и, растянувшись на диване, с наслаждением отдыхала после нелегкого утомительного дня. Дети были с Николаем. Старший сын пришел один, чтобы пригласить меня на совместный ужин. Володя с порога заявил о решении отдохнуть сегодня вечером вчетвером в ресторане «Колизей», что-то взял и собрался уходить.

Не было сил не то что куда-то идти, но даже шевелиться, и мне пришлось его разочаровать:

- Идите сами, я очень устала.

- Мы без тебя не пойдем, - строго сказал сын, обернувшись в мою сторону, показывая свое серьезное лицо.

Я подошла к нему и попыталась обнять.

- Володенька, я действительно очень устала.

Серьезное лицо сына помрачнело, он резко отстранил меня, разулся, вернулся в комнату, сел в кресло и неожиданно спросил:

- Мама, ты всю жизнь собиралась мне лгать?

Я удивилась его смелости и бесцеремонности.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты хотела меня лишити родного отца?

Почувствовав щемящую боль в области сердца, я медленно опустилась в соседнее кресло.

- Зачем ты так говоришь?

- Чтобы ты знала, я тебе никогда не прощу этой лжи.

Его взгляд стал холодным неродным и привел меня в шоковое состояние. К глазам подступили слезы.

- Какой лжи?

При всем его прямолинейном характере, я не ожидала, что он зайдет так далеко.

- Тебе нельзя доверять. Ты можешь еще не раз солгать. Это у тебя в крови. Бессовестная.

Крупные капли слез покатались по моему лицу, но это не тронуло старшего сына.

- Я же хотела, как лучше.

- Для кого лучше? Одевайся, мы тебя ждем в «Колизее», - строго сказал Владимир и направился к выходу. - Своим не появлением, ты расстроишь не меня, а отца. Кстати, который тебя очень любит.

- Хорошо, я приду.

Владимир ушел, его не тронули ни мои слезы, ни мой уставший вид, ни мои оправдания. Его душа стала как непробиваемая скала. Я остро ощутила, что теряю навсегда доверие своего излишне категоричного и амбициозного сына и простионала.

Когда же наступил тот роковой миг, который сделал меня его первым врагом? Что тому причиной? Родной отец? Характер? Мое воспитание? Или действительно моя тщательно скрываемая ложь?

Не обращая внимания на слезы и боль, я принялась одеваться. Нужно было идти. Даже если случится так, что сыновья вырвут мое сердце и съедят его на моих глазах, они все равно останутся моими сыновьями. И даже тогда я буду их любить.

Встретившись с Шурочкой, я была до глубины души поражена ее внешностью, что даже ахнула. Подруга превратилась в живой скелет, обтянутый кожей. Я знала, что ее муж давно болеет, нуждается в операции, но не подозревала, что это так отразится на ее внешности. Шурочка медленно умирала вместе со своим мужем.

- О, Боже. Ты ужасно выглядишь.

- Знаю, - сказала она и всхлипнула.

- Чего так?

- Если с Сережей что-нибудь случится, я тоже не буду жить.

При виде чужих страданий я на время забывала о своих проблемах.

- Зачем себя так накручивать?

- Есть на то веские причины.

Шурочка все же не удержалась и расплакалась. Я обняла подругу и начала, как могла, успокаивать:

- Может все еще наладится? Он же сравнительно молодой. Когда у него операция?

- Через неделю. Быстрее бы дождаться, когда все уже останется позади. Я очень люблю своего мучителя.

Не могу припомнить, чтобы Шура когда-либо столь явно проявляла свои чувства к Сергею. Она всегда находилась в постоянном нытье и роптании на тяжелую судьбу и мужа-диктатора.

- Понятно. Никогда бы не подумала.

Мне стало жалко Шурочку, но чем тут можно было помочь, люди часто болеют и даже умирают молодыми. Я тяжело вздохнула и сменила тему разговора.

- Как сын? Олегом, по-моему, его зовут.

Ее лицо просветлело.

- С болезнью отца Олежку как будто подменили. Работает, помогает по дому, бегают к отцу в больницу.

- Это хорошо. Видать пришло время повзрослеть, а ты держись. Я думаю, твоя любовь поможет мужу справиться с болезнью.

Шурочке пришлось по душе мои слова. Она с облегчением вздохнула и с надеждой в голосе ответила:

- Дай-то Бог. А как твои ребята?

Я тут же разволновалась.

- Ой, не спрашивай. Уж больно самостоятельные стали. Даже поучать начинают. Особенно старший сын. Я думаю, на нем сказывается влияние Николая. Появились упреки, обиды.

Шурочка недовольно поморщилась.

- Надо же, а какие примерные были!

Теперь мне стало жалко себя, и я еле сдержалась, чтобы не разреветься.

- Самой не верится. Что мне делать? Ума не приложу.

- Как сам Николай к тебе относиться? Наверное, очень любит? Повезло тебе. Такой мужик.

- Не хочу, о нем говорить.

Встреча с подругой оставила тяжелый осадок на душе. В моих глазах Шурочка стала настоящей героиней, чего не скажешь обо мне. Что касается Николая, я носилась со своей обидой столетней давности, как дурень со ступой, а к старой обиде добавилась новая, за детей, которых он практически переманил хитростью на свою сторону и теперь я никого не желала слушать, что он именно тот человек, который мне нужен.

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться на ближайшие уже июльские выходные съездить с детьми и Николаем на море. Мальчишки успешно окончили второй курс и, приехав на каникулы, сразу же окунулись в вольготную жизнь, предоставленную им Николаем. Он баловал своего единственного сына Владимира, а заодно и его младшего

брата Виталия. Мы поехали на трехдневный отдых к морю поблизости от нашего городка. У Николая была возможность повезти нас в Крым, но дела не отпускали его далеко, и поэтому он привез нас на базу отдыха «Содружество», в которой цены, как я выяснила позже, были на уровне заграничных.

За всю свою жизнь мне случалось с мужем и детьми бывать несколько раз на море. Это были однодневные поездки, после которых приходилось долго залечивать солнечные ожоги. Мы приезжали автобусом прямо к пляжу в десять часов утра и уезжали в четыре. За это время все независимо от имеющегося загара превращались в вареных раков. Особенно я со своей белой кожей тяжело переносила такой «цивилизованный» отдых.

Когда машина, проехав проходную базы отдыха «Содружество», плавно остановилась, я увидела в окно бассейн.

- Ух, ты! А где же море?

Николай улыбнулся, потянулся после дороги, насколько это позволяла сделать машина, и беззаботно ответил:

- К нему надо специально ехать, но это не проблема. Выходим и окунаемся в роскошную жизнь, а вернее в заслуженный отдых. Этот оздоровительный комплекс когда-то возводили для иностранцев, но уж так получилось, что здесь сейчас в основном отдыхают олигархи средней руки.

- Здорово! - изумились мальчишки, вышедшие первыми из машины.

Не дожидаясь нас, они пошли в сторону бассейна.

- Места для всех уже забронированы. У тебя отдельный номер, двухместный, – как ты и просила.

- Спасибо, - сказала я, не торопясь выходить из машины.

- Я размещусь в одном номере с мальчишками. Рядом с твоим.

- Это почему?

- Здесь меня все знают.

- Ну и что?

Я во всем искала подлог, до сих пор не веря, что меня смогли уговорить дети приехать на совместный отдых.

- Мне пришлось предупредить администрацию и персонал, что на этот раз я приеду с семьей.

Мои брови взметнулись вверх, и захотелось сказать что-то колкое.

- И что, я теперь должна изображать из себя любящую жену?

Николай лукаво улыбнулся. Казалось, никакая сила не сможет испортить ему настроение.

- Можешь нелюбящую.

Я изучающе посмотрела на Николая и вздохнула. Хорошо, излишне хорошо собой.

- Ты, наверное, сюда жену и всех своих любовниц привозил?

Ему снова стало весело, и он звонко рассмеялся.

- Я же не монах и не извожу себя на работе, чтобы приглушить все человеческие инстинкты.

- Бабник! - сказала я, выйдя и хлопнув дверцей.

Николай следом за мной покинул машину и требовательно сказал:

- Только не вздумай мне здесь разборки устраивать. Я красивый, полон сил мужчина и тебе советую...

Я прервала болтовню влюбленного в себя закоренелого ловеласа.

- Еще чего придумал, мне советовать.

- Не перебивай. Выйдешь за меня замуж, и я забуду обо всех женщинах незамедлительно.

- Бабник! - снова повторила я, кипя от возмущения.

Николая это только позабавило. Я же не отдавала себе отчет, почему так вскипела, ведь знала, что он святым никогда не был и вряд ли будет.

- Мальчишки! Помогите вещи перетянуть в корпус номер восемь, комната один и два, а то опоздаем на завтрак, - позвал Николай сыновей.

На базе отдыха был райский уголок земли, своеобразный оазис под палящим южным солнцем. По левую сторону въездной дороги росли в ряд величественные платаны. По правую, не уступая им в высоте – голубые ели. Некоторые деревья я хорошо знала, - это были липы, каштаны, тополя, клены и туи. Отдельным островком росла молодая березовая рощица. Вокруг бассейнов, их было три, заняли свое достойное место ивы и вербы. Большинство же деревьев и кустарников я видела впервые. Это было второе место после Великобритании, которое поразило меня разнообразием растительного мира.

Мне, правда, особо не было с чем сравнивать, но, отдыхая с детьми «дикарями» на море, мы, изнемогая от полуденной жары, могли забрести в тень любого пансионата, находящегося на берегу. Растительность в них была несравнимо беднее.

Я неспешно обошла всю территорию, удивляясь и восхищаясь этим благодатным местом. Все утопало в сочной зелени и нежно переливалось в лучах летнего солнца. Зеленых насаждений было так много, что виднелись только ближайшие корпуса. База отдыха «Содружество» на всей территории имела прекрасный ухоженный парк с многочисленными фонтанами, беседками, скамеечками. В тени старых развесистых деревьев, с постоянно орошаемой почвой, на протяжении всего дня было свежо и комфортно.

Вокруг бассейнов находилось множество лежаков с зонтами над ними. Кроме этого лежаки располагались под плакучими ивами и вербами, и это давало дополнительную тень.

Самый большой из бассейнов и теннисный корт сразу стали любимыми местами моих сыновей. Ну и, конечно, бар, расположенный возле основного бассейна, был зоной нашего частого посещения. Прохладительные напитки и мороженое влекли туда моих мальчишек, а возможно и длинноногие девушки, которые тоже отдыхали здесь, были причиной столь частого посещения бара. Поразила меня и столовая, в которой, кроме обязательного выбора блюд по меню, имелся шикарный шведский стол с огромным набором холодных закусок. Мальчишки благодаря этому наедались вдоволь.

База отдыха «Содружество» была отличным местом для семейного отдыха. Радуюсь, что мне предстоит провести здесь несколько дней, я постаралась с первых минут настроиться на нужный лад.

Июльское солнце беспощадно палило с самого утра, поэтому мы сразу же после завтрака на автобусе базы выезжали на море, а послеобеденное время проводили возле бассейна.

Я с удовольствием плавала в бассейне, затем подолгу лежала под большим зонтом, не мешая отдыхать своим взрослым парням. Со мной всегда была книжка или пара журналов. Взять с собой учебник по английскому языку и соответственный словарь, у меня не хватило смелости.

Увидев меня одну, ко мне под села немолодая тучная дама.

- Как вам у нас отдыхается?

- Спасибо. Хорошо. Вы здесь работаете?

- Да, я бухгалтерша данной базы отдыха.

- Ясно.

Женщина не спешила уходить и с любопытством рассматривала меня.

- Я давно знаю Николая Владимировича, а вы у нас, по всей вероятности, первый раз.

При упоминании знакомого имени я напряглась и подумала, что неспроста эта любопытная толстушка ошивается здесь, но потом быстро овладела собой и спокойно ответила:

- Так оно есть, я здесь впервые.

- Я знаю его бывшею жену Анну Яковлевну и всех подружек в период супружества и после. Вы ему кто?

Пока я в замешательстве решала, как мне ответить на бестактный вопрос бухгалтерши, к нам с мороженым подошел Николай.

- Возьми, - протянул он мне креманку.

Я подняла на него сердитый взгляд.

- Спасибо. Здесь интересуются, кто я тебе такая?

Николай тут же побагровел и зашипел на бухгалтершу:

- Там в анкете все написано: жена и двое сыновей.

Не ожидавшая такого резкого ответа, женщина поднялась и виновато произнесла:

- Извините. Ради Бога, извините.

Когда мы остались одни, я не постеснялась в очередной раз уколоть Николая:

- Ты, страстный любитель женщин, видимо каждую девицу, привезенную с собой, регистрировал как свою жену?

Он взял мою руку и поцеловал пальчики.

- Катенька, даже если я был мерзавцем, то это все в прошлом. Пора простить и забыть. Прощают даже преступников.

Я промолчала, осторожно освобождая руку, в самом деле, разве можно изменить прошлое.

- Ты вчера весь вечер просидела в комнате. Сегодня в баре танцы. Пройдем?

- Комаров кормить? - сказала я и отвернулась.

- Да, комаров кормить!

На этот раз Николай разозлился и, даже не пригласив с ним поплавать, понырять, прыгнул к детям в бассейн.

«Плевать. Бабник чертов!» - подумала я и, накрыв лицо соломенной шляпкой, решила подремать.

Мне помешала это сделать соседка слева, пожилая, изрядного веса женщина, по моему, вдвое толще отошедшей бухгалтерши. Она отдыхала с мужем и, находясь от нас через свободный лежак, шокировала меня излишне открытым купальником. Еще до появления бухгалтерши женщина стала откровенно рассматривать наше семейство и, похоже, прекрасно слышала весь разговор.

Соседка с трудом приподнялась на локоть и громко сказала:

- Почему вы все время недовольны своим мужем? Пилите и пилите его, противно слушать.

- Котик, не вмешивайся, - одернул ее муж, по всей видимости, большой подкаблучник, не отрываясь от чтения какого-то журнала.

Я вскипела. Зачем совать свой длинный нос в чужую семью?

- А вам-то, какое дело? Следите лучше за своим мужем.

- Такой интересный обходительный мужчина, все время с детьми, с вами, а вы, маленькая неказистая пигалица, жизнь ему отравляете!

Некоторые отдыхающие, слушая нашу перепалку, стали улыбаться и шушукаться.

- Не вашего ума дело!

- А потом когда сбежит, будете локти кусать!

- Не сбежит!

Николай вылез из бассейна и уставился на женщину, которая продолжала громко возмущаться:

- Ты посмотри, какая она уверенная в себе? Не сбежит? А вот возьмет и сбежит. Ни рожи, ни кожи, а воображает из себя красавицу!

Не обращая внимания на Николая, я не осталась в долгу:

- Это лучше, чем жиром заплывать, бегемотиха!

Муж соседки сел и сердито посмотрел на меня. Ему уже не читалось. В это время сама соседка, задыхаясь от возмущения, снова заорала:

- Голову на отсечение даю, сбежит от тебя мужик! Сбежит!

Беззаботно улыбнувшись, Николай подошел к толстушке, наклонился и поцеловал руку.

- Спасибо за поддержку. Представьте себе, я никуда не собираюсь убегать от своей жены. Она у меня очень хорошая, ласковая, добрая, а если ворчит, значит, заслужил.

Толстуха и ее муж ошеломлено посмотрели на Николая и приняли его за ненормального.

- Приятного вам отдыха. Берегите здоровье и друг друга.

Его слова прозвучали искренне.

Под зонтом стало слишком жарко и если честно неуютно. Я поднялась и прыгнула в бассейн. За мной последовал Николай.

- Я не хочу больше там лежать. Давай перенесем свои вещи на другие лежаки.

- Без проблем.

Почувствовав руки Николая на своей талии, я вывернулась и уплыла прочь. Он не стал догонять меня.

Вечера стояли безветренные и теплые, а ночи звездные и прохладные. Нескончаемые разговоры и смех под окнами и в беседках являлись свидетельством того, что некоторые люди совсем не ложились спать. Они знали, как впрочем, знала и я, что быстрее всего пробегают лето.

Только в последний вечер пребывания на базе отдыха, уступив просьбам детей, я пошла с Николаем в бар. Мальчишки еще в первый день познакомились с девчонками, тоже студентками и, побыв с нами полчаса и выпив по фужеру вина, сбежали к ним. Мы остались с Николаем за столом вдвоем. К моему удивлению, вживую играл вокально-инструментальный ансамбль. Многие отдыхающие, несмотря на сытный ужин, заказывали себе спиртное и шашлыки. Практически все столики были заняты.

Первое время мы сидели молча. Я слушала музыку и рассматривала посетителей бара. В основном это были семейные пары. Николай же рассматривал меня, к чему я до сих пор не могла привыкнуть.

- Такого отдыха я не могла бы себе позволить.

Он вздохнул и с грустью в голосе произнес:

- Это мелочи по сравнению с тем, что ты для меня сделала. Я всегда буду твоим должником.

- Ты имеешь в виду сына?

- Да.

Я поджала губы.

- Я его рожала, прежде всего, для себя.

- Знаю, но ты могла этого и не сделать.

- Но ведь сделала.

Мы замолчали, и я стала смотреть на танцующие пары. Танцевала в основном молодежь. В это время к нам подошла официантка и на все тридцать два зуба улынулась Николаю.

- Еще что-то желаете?

Николай мгновенно перевел взгляд на меня.

- Катенька, взять еще вина или мороженого? А может, хочешь...

- Нет, всего достаточно, - сухо ответила я.

Официантка поджала губы и отошла к другим клиентам. За столом снова возникла безмолвная пауза, которую вскоре нарушил Николай:

- Пойдем, погуляем по парку?

Мне нужно было знать, где находятся мои сыновья и чем они занимаются в данный момент, и поэтому согласилась.

Укромные места парка были заняты молодежью. В одной из беседок мы натолкнулись на наших мальчишек. Они сидели в обнимку с девчонками.

- Опоздали, здесь занято! - весело крикнул Владимир, увидев нас.

- Понятно, поищем другое местечко, - в тон ему отозвался не менее оживленный Николай.

Мы прошли дальше, но так и не найдя свободной скамеечки, вернулись к бассейну.

- Катенька, рано еще спать. Может снова вина?

Я села на один из ближайших к бару лежаков, посмотрела на звездное небо, на голубой освещенный бассейн, на людей, которые до сих пор купались и кивнула.

- Можно.

На душе было очень спокойно.

- Что еще взять?

- Мое любимое мороженое.

Было уже за полночь, когда мы закончили пить вино, лакомиться мороженым с фруктами и решили идти отдыхать.

Николай с напускной досадой или, во всяком случае, так мне показалось, возле нашего корпуса сказал:

- Дети, наверное, уже спят. Не хочется их будить.

- Но не спать же тебе на улице?

Он бросил на меня хитрый взгляд.

- Вот недогадливая. Я говорю не об улице.

Сообразивши, о чем идет речь, я насмешливо спросила:

- Ты мне предлагаешь... неужели ты думаешь...

Мне трудно было подобрать нужное слово, чтобы высказать все свое возмущение.

Николай опередил меня и властным тоном сказал:

- Да, я хочу к тебе! Хочу, хоть режь меня, хочу.

- Ты сошел с ума.

- Почему? Мы же живые люди. У меня чувства к тебе.

Он в упор смотрел на меня и ждал моего решения. Будучи в состоянии легкого опьянения и испытывая магнетизм его взгляда, и мне становилось все трудней и трудней отказать Николаю. Все же я нашла в себе силы и со строгим видом ответила:

- Я не хочу начинать все сначала. Не хочу. Ясно тебе?

- А это не начало, это продолжение моей любви к тебе.

- Что ты говоришь? Как давно ты о ней вспомнил?

- Я действительно всю жизнь любил только тебя.

- Что не заметила.

Он взял меня под руку и настойчиво повел к моей двери.

Я вырвалась и прошипела:

- Уходи.

Николай прижал меня к стене и попытался поцеловать. Я оттолкнула его и полезла в сумочку за ключом. Сознание правильности своего поступка придавало мне силы и уверенности. Я больше не желала быть тем зависимым несчастным зверьком – той серой мышкой, которая всегда чего-то боялась.

Он снова взял меня под руку, но я тут же подняла шум:

- Я же сказала, уходи!

Рядом находилась комната детей, и возможно только это остановило Николая. Не скрывая досады, он еле слышно пробормотал:

- Ну, как знаешь.

Затем развернулся, но не пошел в соседнюю комнату, а вышел на улицу.

Полная луна, заглядывая в окошко, ярко освещала комнату. Ей помогали звезды. Изнуряющая духота заставила меня открыть единственное окно, которое из-за высокого

цоколя было расположено далеко от земли. До меня сразу донесся свежий прохладный ветерок июльской ночи. Стало легче дышать. Я легла в кровать, но было не до сна. Не давало уснуть давно забытое состояние возбужденности. Николай поднял со дна моей души запретный плод искушения страстью. Я перебрала в памяти свое вечернее поведение и осталась недовольна собой. Зачем надо было идти с ним гулять?

Ворочаясь в постели, я тысячный раз задавала себе одни и те же вопросы:

- Почему меня к нему так влечет? Может, только он предназначен мне судьбой независимо от того рядом или нет, груб или ласков, обижает или радуется? Возможно, он моя единственная половинка?

Непрекращающиеся звуки за открытым окном не давали уснуть. Вдруг возникшие шорохи где-то совсем рядом привлекли мое внимание, и через пару минут как черт из коробочки в проеме окна показалась сначала голова Николая, а затем верхняя часть его тела. Мое сердце на миг перестало биться. Что делать? Прогнать? Впустить? Не сумев сделать быстрый выбор, я решила ему не мешать. Еще из-за меня сорвется на асфальт. Он подтянулся, сел на подоконник и, немного отдышавшись, запрыгнул вовнутрь.

Николай знал, что я не сплю. От такого шума, кто угодно проснется. Он подошел ближе к кровати и увидел мои открытые глаза.

- Это моя ночь, и ты не посмеешь ее у меня отнять.

Его слова были категоричными, а взгляд полон желания. Мы какое-то время просто смотрели друг на друга. Успокоившись моим бездействием, он быстро разделался со своей немногочисленной одеждой и лег рядом.

- Малышка я люб....

- Помолчи.

Когда его горячий рот накрыл мой, я задрожала от желания. Долгий исцеляющий поцелуй был сродни родника в безводной пустыне, наполняя меня жизнью. Клеточка за клеточкой моего бренного тела оживала и узнавала своего единственного полновластного хозяина.

«Только с ним ты сможешь быть счастливой! - кричала моя женская сущность. - Только он один тебе нужен!»

Николай неторопливо покрывал мое тело жаркими поцелуями, подготавливая к главному. Я же в его горячих объятьях таяла и таяла как маленькая, не имеющая ни малейшего шанса льдинка. Как можно было все эти годы жить без него, такого сильного и желанного, такого родного и любимого? Когда же он резко вошел в меня, я задохнулась от восторга, от любви, от счастья, и слезы радости наполнили мои глаза.

- Ты единственная в этом мире, способная насытить меня.

- Помолчи.

Естественный и не придуманный нами танец любви длился целую вечность. Я не отдавала себе отчет, что творю, и желала лишь одного, чтобы утро никогда не наступило. День все испортит. Он снова возведет глухую стену непонимания между нами. Видит Бог, как я страшилась нового дня.

Лишь под утро, забыв обо всем на свете, я, уставшая и блаженная, уснула сном младенца. Будь, что будет.

Ночное сумасшествие больше не повторилось. Всю обратную дорогу, злясь на себя, я не сказала Николаю ни единого слова. Мне хотелось растерзать его на маленькие кусочки и разбросать его частички по всей дороге. Я чувствовала себя самой обыкновенной шлендрой, думающей не головой, а местом ниже пояса. Мое же поведение ни на грамм не расстраивало Николая. Его веселое жизнеутверждающее настроение трудно было испортить хоть чем-нибудь. По всей видимости, он узнал обо мне такое, чего сама я не знала о себе. Во время всей поездки Николай беззаботно болтал с мальчишками, время от времени посматривая на меня, сидящую рядом с ним с недовольным видом, и улыбался.

Август в этом году выдался чрезвычайно жарким. За весь месяц не выпало ни одной капли дождя. Большинство горожан страдало от изнуряющего зноя, плохо было и мне.

Продажа нашей с мужем квартиры стала для меня настоящим праздником. Я воспряла духом. Наконец-то смогу купить собственное жилье! В этом мне взяли помочь сыновья, которые имели много свободного времени. К нашему мероприятию позже присоединился и Николай. При рассмотрении вариантов его машина была как нельзя кстати. Мы объездили весь город и в Дашином микрорайоне купили неплохую квартирку. От центра далеко, зато она была двухкомнатная и после евроремонта. Да и третий этаж меня вполне устраивал. На нее ушли все деньги от продажи своей части квартиры, и на новую мебель разумеется не хватило.

- Что же ты будешь делать в пустой квартире? - с изумлением спросил Николай.

- Ничего. Пока не появятся деньги, буду жить в Юлиной.

Мои отношения с Володей после появления в его жизни родного отца стали какими-то официальными. Исчезла та искренность и обожание, которое я всегда ощущала, находясь рядом с ним. Он не мог простить мне, так называемой лжи, я же в свою очередь не видела в этом своей вины. Пройти через весь ад бытовой и личной неустроенности и затем оправдываться перед кем-либо, даже перед любимым сыном, я не желала. Это было, по меньшей мере, не справедливо.

Виталий в основном помалкивал. Владимир для него был всем, и чтобы старший брат не сделал, младший был готов без лишних слов оправдать любой его поступок.

Какие бы у нас с Николаем не были трения, мы все равно были связаны одной ниточкой. Пусть даже у меня не стоял штамп в паспорте, я понимала, что мне от него не сбежать. Рядом с ним находились мои сыновья, которых он привязал к себе крепко-накрепко.

День покупки совпал с предпоследними днями летних каникул, и поэтому мы прямо на подоконнике нашей новой квартиры устроили застолье. Я нарезала мясного балыка, колбасы, сыра и разложена на хлеб.

Николай разлил по разовым стаканчикам шампанское и произнес:

- Ну что, молодежь, выпьем за вашу новую квартиру?

Владимир насупил и, на мой взгляд, сказал очень обидную вещь:

- Это квартира мамина и только мамина.

Я взяла сына под руку, прижалась к нему и как можно мягче произнесла:

- Сыночек, это наша квартира.

- Я ее своей не считаю.

Впервые в жизни я посмотрела на Николая, моля его о поддержке и он понял меня.

- Не горячись сын. Вы все будете жить здесь вместе. Приедешь на следующие каникулы, и я тебе куплю машину. Она уж точно будет твоя.

Настроение Владимира тут же изменилось в лучшую сторону, и он просиял:

- Ух, ты! Заживем мы тогда с тобой, Виталик!

Я не могла не вскипеть. Называется, выручил. А чего детям через год захочется? Чем потом их удивлять?

- Зачем ты балуешь сыновей?

Николай совсем не чувствовал за собой вины и беззаботно рассмеялся.

- А кого мне баловать, если не детей? Девчонки любят парней с машинами.

- Хочешь, чтобы они тоже были такими, как ты, гуляками? - не унималась я. - Хочешь?

- Да и чтобы встретили такую ворчунью, как ты!

Владимир покосился на меня и недовольно повел плечом.

- Мама, зачем ты останавливаешь отца? Решил покупать – пусть покупает.

Я вздохнула и пожалела, что вообще влезла не в свое дело.

- Ой, горе мне с вами. Ешьте и бегите, куда собирались.

Дети вскоре и в самом деле сбежали, оставив нас одних. Николай сразу оживился и полез ко мне обниматься.

- Прекращай! - отстранилась я.

- Катюшка, ну, что ты? Сегодня же такой праздник!

- Какой праздник?

Он улыбнулся и так искренне, так блаженно, что дух перехватило.

- Наконец-то мы с тобой одни.

Сбитая с толку, я принялась молчаливо убирать продукты в сумку. Нужно было срочно уходить. Так и до греха недалеко. Николай без предупреждения развернул к себе и завладел моим ртом. Огонь его страсти пылал ярко и настойчиво, пытаясь меня увлечь в свое пламя. Мне трудно было противиться напору взрослого, тем более любимого, мужчины. Я поняла, что сделала большую ошибку, не выпроводив его с детьми и, оттолкнув от себя, строго сказала:

- Николай, неужели ты думаешь, что я одна из твоих многочисленных девиц, и ты можешь делать здесь все, что тебе вздумается? Быстро выметайся отсюда!

- Можешь считать, что меня тут уже нет.

Он прошел к кушетке, единственному предмету мебели, оставленному бывшими хозяевами, снял из себя пиджак и завалился.

- Я подремлю.

- Как знаешь. А мне пора домой.

Взяв сумочку и выйдя в коридор, я через минуту вернулась. В закрытой двери не оказалось ключа.

Николай лукаво посмотрел на меня и снова улыбнулся. Его улыбка на этот раз была хитрющая-хитрющая.

- Катенька, я могу подсказать тебе выход из создавшегося положения. Он очень прост. Иди ко мне, радость моя, - сказал Николай и расставил руки для объятий.

- Наглец, - бросила я сумочку в сторону и пошла навстречу расставленным рукам.

Бизнес отнимал у меня все больше и больше времени. Подыскав неплохие варианты, я созванивалась с Юлей и на полученные от нее деньги купила вторую квартиру, затем и третью. Тяжелая работа отвлекала меня от печальных мыслей, от постоянных сомнений, от жалости к себе. Лучше устать как гончей собаке, чем травить себе душу. К вечеру у меня оставалось лишь одно желание, добраться к постели и крепко уснуть. Накопившаяся усталость все больше и больше становилась заметней. Из красавицы, вслед которой оборачивались мужчины, я снова превратилась в серую неприметную мышку. Выглядеть хотя бы сносно было выше моих сил, и поэтому теория, что нужно одеваться изысканно и модно была отброшена в сторону как не прошедшая испытаний.

Я вспомнила слова подруги:

- У тебя неплохие данные: худенькая, миниатюрная, миловидная. Научись за собой следить.

Хорошо ей, одним голова забита, как бы еще лучше выглядеть, а тут некогда в магазин сходить.

Однажды, покупая домой продукты в супермаркете, я обратила внимание на блондинку Юлиных лет. Она была превосходно одета, и ее манерам можно было позавидовать. Рядом с ней стоял совсем седой мужчина, явно намного старше ее, одет он был вычурно, как обычно одеваются иностранцы. Они разговаривали между собой на английском языке. Лицо блондинки показалась мне знакомым. Я остановилась, делая вид, что выбираю творог, и лучше присмотрелась к молодой женщине.

- Ольга! - окликнула я свою бывшую сотрудницу по овощной базе.

Она обернулась.

- Катя? Привет!

Я подошла к ней, и мы обнялись.

- Привет! Давно тебя не видела. Как поживаешь?

- Теперь хорошо. Это мой муж. Гарри. Он из Канады.

Улыбчивый мужчина кивнул мне в знак приветствия и отошел в сторону.

- Здорово! Как ты его нашла?

- Это он меня нашел там, где обычно не ищут жен. Мы случайно познакомились год назад.

Я сделала вид, что ничего не знаю об Ольге. Да я, собственно говоря, кроме давнишних сплетен Даши о ней ничего слышала и сейчас с любопытством рассматривала бывшую сотрудницу.

- Считаешь, тебе крупно повезло?

Она на миг задумалась, затем упрямо вскинула голову и твердо сказала:

- Да и не только мне, но и моей дочери.

Мне было приятно встретить Ольгу и узнать, что ее черная затяжная полоса успешно закончилась. Теперь уже не имело смысла ворошить прошлое, какое бы оно непростойное не было. Редко встретишь людей, которым не в чем себя упрекнуть.

- Удачи тебе, Оленька.

- Спасибо. А как ты? Как наши?

- У меня все хорошо, у девочек тоже.

Ольга протяжно вздохнула, словно с плеч свалилась гора, то есть рассеялись последние тревоги, сомнения и она открыто улыбнулась.

- Отлично. При случае, передавай всем привет, особенно Юле. Я всегда ее восхищалась.

- Передам, правда, она сейчас в Великобритании.

- Кто-то мне из девчонок говорил об этом, но уже не помню кто. Да это и неважно. Я часто вспоминаю наш дружный маленький коллектив. Хорошо, душевно было в нем, хотя и условия работы жуткие.

Соглашаясь с ней, я кивнула.

Обменявшись парой-тройкой фраз, мы расстались. Я еще побродила по отделам магазина, издали наблюдая за эффектной блондинкой. Что бы с ней было, не попадись ей в трудную минуту этот белоголовый иностранец?

Над Шурой, которая мысленно не один раз хоронила любимого мужа, Бог смиловался. Она, по всей видимости, выплакала, выпросила у него еще несколько лет жизни для Сергея.

После тяжелой операции Шурочкин суженый медленно, но пошел на поправку. Подруга дневала и ночевала возле его больничной койки. Она боялась даже на минуту отойти от него, чтобы не дай Бог, что-то плохое не случилось в ее отсутствие. Сын нашел невесту, и теперь они вдвоем носили передачи отцу, а заодно и матери.

Желая хоть как-то подбодрить подругу, я несколько раз приходила к ней в больницу, но больше трех-пяти минут находиться там не могла. Сергей после тяжелой операции остался все таким же ворчливым и капризным. Он изводил своими недовольствами всех, но, прежде всего, несчастную супругу, на которую жалко было смотреть. Медперсонал не желал терпеть дурного характера Сергея, и подруга задаривала медсестер конфетами и фруктами, чтобы те добросовестно выполняли свои обязанности.

Как-то при случае Шурочка пожаловалась мне:

- Я боюсь, что его когда-нибудь отравят, так он им всем надоел.

- Не удивлюсь. Кто выдержит такого тирана? Только ты. Бедная, Шурочка.

Она скорчила сострадательную мину и пожаловалась:

- Могли быть и снисходительнее с Сергеем, он же больной.

- Ну и что, что больной? Глупая, о себе позаботься, совсем с ног валишься.

- Ой, лишь бы с ним все было хорошо, а я сильная – все выдержу.

Тут я с подругой не могла согласиться, Шурочку явно с каждым днем покидали силы, и я даже стала опасаться за ее здоровье.

Однажды, глядя на измученную подругу, я не выдержала и возмутилась:

- Ненормальная! Кому из вас двоих делали операцию? Ты же выглядишь намного хуже, чем он.

- Ай, какая разница. Быстрее бы домой.

- И что потом? Костями там лечь? Твоего же зануду даже болезнь не изменила.

- Все равно дома лучше, - вздохнула подруга.

- Ох, Шурочка, Шурочка таким женам, как ты, памятник при жизни нужно ставить!

Подружка, плаксивая натура, тут же разрыдалась. Она плакала долго и жалобно, и трудно было понять чего больше в тех слезах, усталости, жалости к себе или любви к мужу-тирану.

Даша с трудом на одном из моих объектов разыскала меня. Как только она вошла в коридор квартиры, я сразу заметила в ней перемены. Она светилась особым счастьем и от этого казалась красивее обычного. Я знала еще по матери, что любовь красит женщину любого возраста.

Даша обвила мою шею, так как руки были грязные, и чмокнула в щечку.

- Катюша, милая Катюша, я наконец-то выхожу замуж! Вот, принесла тебе приглашение.

- Какая же ты умница, Даша. Я так рада за тебя, подруженька.

- Я сама на седьмом небе от счастья.

Мы прошли в комнату и стали возле открытого окна.

- А ты все трудишься? - обвела сосредоточенным взглядом комнату Даша, но не стала заострять внимание на ремонте.

- Как видишь. Правда, негде тебя посадить.

- Ничего страшного. Твоей настырности и трудолюбию, Катюша, только позавидуешь. Не знаю, насколько искренне это было сказано, но я улыбнулась.

- Как же дочь восприняла новость о твоём замужестве?

Даша снова просияла, потом обняла меня за плечи и задумчиво сказала:

- Представь себе, хорошо. Ей сейчас не до меня. Сама влюбилась и поэтому по-другому на все стала смотреть.

- Класс! У всех понемногу жизнь налаживается.

- Чего не скажешь о тебе. Кстати, я вас двоих с Николаем приглашаю.

Меня такое приглашение не устраивало, и я тут же возмутилась:

- В честь чего? Что ты такое придумала?

- Сказала же, двоих, - не на шутку уперлась подруга. - И не вздумай приходить одна.

Я, конечно, хорохорилась, но в душе была рада случаю побыть вместе с Николаем на людях.

- Ладно, раскудахталась. Я подумаю.

- Нечего тут думать.

Даша снова обвела взглядом комнату и на этот раз поинтересовалась:

- Почему ты одна? Где же строители?

- На других объектах. Я пока сама справляюсь.

Она недовольно покачала головой, скривилась и укоризненно произнесла:

- Ну, ты даешь, подруга! Стройка совсем не женское дело!

- Иди уже. - Поставила я руки в боки. - Когда это меня жизнь баловала женской работой?

В один из вечеров в супермаркете я столкнулась с Андреем. Он был не один, а все с той же рыжей ботаничкой. Мы, как культурные люди, поприветствовали друг друга и разошлись в поисках нужного товара. Купив себе хлеб, молоко и мясную гастрономию для бутербродов и не желая больше встречаться со знакомой парочкой, я решила быстро покинуть магазин. Но, увы. Выходя из него, снова столкнулась с Андреем.

- О! - удивилась я.

- Надо поговорить, Катерина.

На его лице был явный отпечаток неудовлетворенности своим теперешним положением, но меня его сердечные дела не волновали.

- Хорошо. Когда?

- Сейчас. Тебе в какую сторону?

- Вниз по Ушакова.

- Я провожу тебя.

- Ладно, - изумилась я, прокручивая в голове возможные причины разговора, и только одна шла на ум – дети.

Мы пошли по тротуару вдоль улицы. Андрей прокашлялся, высморкался и обиженно сказал:

- Мне все известно.

Я посмотрела на его затрапезный вид, и вдруг перехотелось идти рядом и к тому же откладывать неизбежный разговор.

- Может, присядем на скамеечку?

Мы сели на одной из лавочек автобусной остановки. Я посмотрела на перекошенное лицо Андрея и с вызовом спросила:

- Ну и что? У тебя ко мне какие-то претензии? Я на своем горбу тянула двоих сыновей и сейчас продолжаю это делать.

- Да просто обидно...

В его начатой якобы обидной речи я уловила фальшь и бесцеремонно перебила его:

- Ты всегда в нашей семье, как говорят в таких случаях, был вольным слушателем. Не жил, а наблюдал со стороны, насколько меня хватит, одним словом запряг как лошадь и только успевал погонять.

Бывший муж сделал страдальческий вид. Это был его конек на протяжении всей нашей совместной жизни. Чуть что, сразу подождет губы, надуется или кровно обидится.

- Ну, зачем так? Я тебя никогда ничего не заставлял делать. Ты сама за все хваталась. Зарплату же я тебе всю отдавал.

- Даже большие деньги, которых ты никогда не имел, это еще не все для семейной жизни. Сейчас твоя зарплата остается у тебя, а как выглядишь? - Я подвела глаза к небу и скривилась. - Ужасно. Мне даже стыдно сидеть рядом с тобой.

Я поднялась, нужно было спешить домой, завтра не выходной.

- Мне некогда. Пока. Много говорить, да мало слушать.

Сентябрь – пора свадеб. Даже имея неотложные дела, я не могла не прийти к Даше на бракосочетание. После районного отдела ЗАГСа гости прибыли в кафе «Встреча», в котором их ждали накрытые столы. Все было замечательно, а главное – меня радовало счастливое лицо невесты. Подруга весь вечер много шутила, танцевала и все прижималась к своему сокровищу – Сан Санычу. Я смотрела на Дашу и думала, что еще одна подруга удачно определилась.

После свадебного вечера, на котором из нашей четверки присутствовала только я одна, мы с Николаем вышли вдвоем. Когда он подвел меня к ожидавшему такси, и я поспешила откланяться:

- Ну, все, пока, я поехала. Созвонимся.

Он открыл мне переднюю дверь, помог сесть и тут же садясь на заднее сидение, категорично заявил:

- Я тебя одну не отпущу. Сейчас и среди таксистов бывают маньяки.

Понимая, что он навязывается ко мне в провожатые, я недовольно пробурчала:

- Не говори ерунды. Бери другое такси и поезжай домой.

Николай снова сделал попытку меня уговорить:

- Я тебя как друг провожу и вернусь этим же такси.

- Нам в разные стороны, - категорически сказала я и посмотрела на таксиста, который, казалось, вот-вот потеряет свое железное терпение.

- Ничего страшного, сделаю круг по ночному город.

Я, конечно, не поверила самому большому вруну в мире, в глазах которого светился озорной огонек, но пришлось согласиться. Было далеко за полночь, и после шумного веселья хотелось быстрее добраться к постели и сладко уснуть.

- Ладно. Поехали.

Всю дорогу мы молчали. Когда машина остановилась возле моего подъезда, из такси со мной вышел и Николай.

- Ты куда?

- Катюша, мы же не дети, - сказал с некой досадой в голосе Николай. - Я соскучился.

У меня не было сил сопротивляться.

- Ну, это уже наглость сверх предела! Ты давно замыслил попасть сегодня в мою постель!

Николай на мое правдивое высказывание только засмеялся.

- Почему только сегодня? Я об этом постоянно думаю, но нужен случай, вот как сейчас.

- Скверный нахальный тип, - бурчала я, поднимаясь по лестнице.

Конечно, можно было настоять на своем и отослать Николая домой сразу возле кафе, даже не разрешив сесть в такси, но я этого не сделала. Не захотела сделать и точка.

«Я – женщина. Я всего лишь женщина» - повторяла я себе до тех пор пока не подошла к двери.

Оказавшись в квартире, мы разулись и вошли в комнату. Я потянулась к выключателю, но Николай не дал мне осветить спальню. Он взял меня в свои объятия и аккуратно положил на пол. Я не сопротивлялась. Было выше моих сил оттолкнуть от себя Николая. Мое брэнное глупое тело жаждало его ласк. Волна страсти нахлынула на меня и поглотила с головой. Я лежала на полу и принимала его сладостные поцелуи. Тело ничего не забыло, оно помнило все. Стоило ему прикоснуться к моим губам, и я становилась той юной влюбленной студенткой, мечтающей только о нем. Голову заволокло сладостным дурманом, и окружающая действительность перестала для нас существовать. Были только он и я, и наша ненасытная страсть.

Николай подал кофе в постель, в которую мы забрались только под утро, и присел рядом. Он волновался и прерывисто дышал. Я видела его нервозность и ожидала момента истины.

- Катенька, сколько можно меня казнить? - напрямик спросил Николай и тут же добавил: - Выходи за меня замуж.

Кольнуло в самое сердце и стало невыносимо горько. Где он был все эти годы? Нуждался ли он во мне так, как я в нем? Я печально взглянула на Николая и тихо ответила:

- Нет.

Словно тучи заволокли лицо Николая. Он помрачнел и скорбно вздохнул.

- Но почему? Ведь нам так хорошо вдвоем.

- Я не могу тебя простить. Душа – не тело. Даже если тело тянется к тебе, душа противится. Полынь – трава горькая. Я всю свою супружескую жизнь поднималась с постели с привкусом горечи во рту. Горечью, сплошной горечью была моя жизнь благодаря тебе, и забыть это я не в силах.

У Николая был удрученный вид. Он поморщился, словно от боли, я не испытывала чувства вины. Нет и не было моей вины в том, что когда-то мы расстались. Моя совесть – чиста.

- Что я теперь должен сделать? Заново родиться, чтобы вернуть твое доверие?

- Не знаю.

- Может все это капризы? Ты ведь всю ночь льнула ко мне и сладко нашептывала слова любви.

Я покачала головой.

- Глупое порочное тело не всегда подчиняется нашему рассудку. Душа другое дело. Ее трудно обмануть дважды. Она вырабатывает против негодяя антитела, и больше он к ней никогда не достучится.

Крайне раздосадованный Николай поднялся с постели, бросил быстрый взгляд на меня и в сердцах выпалил:

- Вздор. Какой-то вздор. Не верю.

- Твое дело, а теперь уходи. Мне нужно собираться на работу.

Он не заставил себя долго просить, и через три-пять минут, я услышала стук входной двери. Николай ушел, даже не простившись, чем нисколько не огорчил меня. Что наши ежеминутные всплески эмоций по сравнению с чувствами, которые неподвластны никому? Ничто.

Наступило золотое время осени. Изнывающая жара давно сошла на нет, а до холодов было еще далеко. Это пришла та чудесная пора года, когда можно гулять и гулять по сухим, полным очарования, паркам города. Мое любимое занятие – прогулки по только-только просыпающимся утренним паркам, было оставлено в далекой счастливой студенческой жизни, когда все казалось доступным и легко исполнимым.

Подумав об этом, я тяжело вздохнула и вспомнила слова любимой песни:

«Как молоды мы были, как искренне любили...»

Все же последнее время я не успевала следить за быстрой сменой природных декораций. Созерцая мир в основном из окон строительных объектов, я все чаще и чаще задумывалась о быстротечности жизни.

Вернувшись домой, как обычно уставшая и в скверном расположении духа, я полезла в холодильник за плиткой шоколада. Молочный шоколад и грецкие орехи всегда поднимали мне настроение.

В дверь настойчиво позвонили, и я сразу догадалась, кто это. Можно было не открыть, а потом при встрече соврать, что крепко спала и ничего не слышала. Но ноги сами привели меня к входной двери. Заглянув в глазок, я убедилась в своей правоте. У порога моей квартиры стоял Николай.

Я ненавидела себя за то, что уступаю ему снова и снова. Это было каким-то наваждением еще с молодости. Стоило ему только приблизиться ко мне, и я словно теряла рассудок. Было выше моих сил сопротивляться его прикосновениям, и он хорошо об этом знал. В минуты, когда мы были наедине, мне приходилось держаться изо всех сил, чтобы самой не увлечь его на землю, пол, кровать.

Звон повторился и затем, теряя терпение, Николай крикнул:

- Открой, я знаю, что ты дома и сейчас стоишь возле дверей, рассматривая меня в глазок!

Я вынуждена была открыть этому бесцеремонному типу, которому ничего не стоило переполющить всех соседей.

- Чего так трезвонишь? Я уже сплю.

- Так я тебе и поверил. Ты прошла мимо меня десять минут назад. Я сидел в такси и ждал тебя.

- Зачем?

Он прошел на кухню, достал из дипломата бутылку вина, конфеты, фрукты, положил все на стол и, взмахнув руками, задорно сказал:

- Выпить не с кем, а хочется. Настроение такое, убил бы кого-то, но не за что.

Николай поднял на меня глаза, и наши взгляды встретились. В ее глазах читалось желание, которое ни за какими шутками, прибаутками не спрячешь.

- Здесь не пивнушка, - сказала я, чтобы хоть как-то отреагировать на его выходку, перед тем как сложить свое бездеятельное оружие.

- Я всего лишь на пять минут.

Мы смотрели друг на друга и прекрасно понимали, что это чистой воды вранье.

- Хорошо, что всего лишь на пять минут, а не на пять часов.

Откупорив бутылку, он присел за стол, наполнил два фужера и весело произнес:

- Бери. Как только надоем, сразу прогоняй.

Негодяй, знает же, что уже до утра никуда не уйдет.

- Так что, ты и минуты не посидишь? - хитро спросила я, взяв свой фужер в руки.

Николай оглушительно засмеялся, энергично качая головой.

- Да посижу малость, так уж, и быть, уважу тебя, Катюша, а потом уйду. Ну, за тебя, малышка!

- Благодарю.

Зима, самая не любимая моя пора года, проходила в напряженной работе. Когда появились деньги от продажи первой квартиры, я свою часть потратила на обстановку нового жилья. Мне не терпелось к приезду сыновей привести ее в надлежащий вид, да и самой съехать из чужой квартиры.

Весь вечер и всю ночь валил хлопьями снег. Я выглянула в окно и удивилась. Давно не приходилось видеть такие огромные сугробы, но работа есть работа и она не ждет. Одевшись потеплее, я побрела к автобусной остановке, зная, что там всегда можно взять такси.

- Привет. Вот так встреча.

Я обернулась. Чуть дальше от меня стоял Борис Борисович, он явно переживал не лучшие времена. Несмотря на сильный ветер на нем была легкая куртка и изношенные ботинки, а голова совсем не покрыта.

- Привет.

- Ну, ты просто снежная королева!

Я промолчала, продолжая рассматривать мужчину. Он топтался на одном месте, то ли нервничал, то ли боялся совсем околеть от холода.

- Как живешь? К тебе, видимо, сейчас вообще не подступиться?

Пожав плечами, я ответила вопросом на вопрос.

- Сначала комплимент, а потом начнешь грубить?

- Да я смиренный мальй. Натерпелся от вас, баб, вот и сболтнул когда-то лишнее. Вам же, бабам, только напористых да удачливых подавай.

Я укоризненно покачала головой.

- Ты и в самом деле не меняешься. Как работается?

- Никак. Я ушел от того деспота Николая Владимировича.

- Что-то случилось?

- Просто устал от его самодурства. Постоянно строил, постоянно придирался.

Мне стало интересно послушать, в чем же именно Борис Борисович обвиняет Николая.

- А конкретней можно?

- Друг ко мне пришел, и мы сидели в сторожке, чай пили, а хозяин увидел и разорался. Да хоть бы водку пили, не так обидно было!

- Не положено.

- Знаю. Вот теперь ищу работу.

Я призадумалась, хоть и паршивый человечиска этот Борис Борисович, но все равно жалко. Знакомы ведь.

- Что ты умеешь?

- Всего понемножку.

- На стройке работал?

- И не единожды.

- Подсобным к моему строителю пойдешь?

- Ладно, меня и это устроит. - Вдруг Борис Борисович встрепенулся и удивленно спросил: - К какому твоему строителю? А чем ты сейчас занимаешься?

Улыбнувшись, я протянула номер своего мобильного телефона, который недавно приобрела.

- Позвони завтра в девять утра, я скажу куда подъехать, и там ты все узнаешь.

Не дожидаясь ответа, я повернулась и побрела дальше по заснеженному городу к магазину, надеясь хоть там взять такси.

Покупка машины старшему сыну во время зимних каникул привела меня в бешенство. Я считала, что приобретать такие дорогие вещи нужно только на заработанные деньги. Когда они втроем приехали на ней домой, я тут же устроила Николаю скандал.

- Зачем ты это сделал? Кто тебя просил?

- По-моему, мы не один раз говорили об этом. Имею полное право. Если у меня нет жены, чтобы баловать ее, то я буду тратить на родного сына.

Впустив детей, я стояла в прихожей и не давала Николаю пройти дальше. Нечего этому самодовольному типу делать в моем доме.

- Ну и что ты хорошего сделал? Теперь прикажешь вторую машину младшему покупать? За какие средства? - взвинчено спросила я, готовая в любой момент выпихнуть Николая в шею.

- Не надо. Это лишнее.

- Лучше бы ты ему квартиру купил, - застонала я. - Видишь, как он стремится к самостоятельной жизни?

Николай оголил свои белые безукоризненные зубы и совершенно спокойно сказал:

- И квартиру куплю. Пусть сначала жениться. А сейчас зачем, чтобы девок в нее водить? Обойдется.

Как по мне, ответ был самый правильный из всех существующих и я снова вспыхнула:

- Ну и логика. Сейчас, наоборот, они начнут только о девках думать.

Терпение Николая лопнуло. Он отстранил меня, снял пальто и прошел на кухню.

- Хватит! Без нас разберутся, что им делать. Немаленькие.

Логика Николая не переставала меня злить и, зайдя на кухню, я снова вскипела:

- Не хочу, чтобы где-то росли сироты. Понятно, тебе?

Вымыв руки и сев за стол, Николай, теряя последнее терпение, менее сдержанно сказал:

- Хватит каркать, Катюша – каркуша. На стол накрывай. Сыновья голодные.

Слыша весь наш разговор и переглядываясь между собой, в кухню со своей комнаты вошли сыновья.

Владимир сел рядом с отцом и тут же вмешался в разговор:

- Мама, почему ты решила, что я недостоин иметь машину? Чем я хуже тех, которые всегда все имели? Думаешь, мне приятно было ощущать себя нищим, когда я был в Крыму? Или ты думаешь, мой удел был угождать пьяной богатенькой публике, брать чаевые, убирать торговый и мыть грязные тарелки? Теперь, когда у меня есть шанс быть таким, как многие мои сокурсники из обеспеченных семей, его у меня никто не отымет.

Я махнула рукой и устало сказала:

- Ладно, может где-то ты и прав. Давайте обедать.

Николай окинул меня добрый взглядом и облегченно вздохнул.

Вечером мальчишки пошли на дискотеку, прихватив с собой Николая, а я удобно расположившись на диване, смотрела телевизор. Их желание сходить на ночную дискотеку в другом конце города мне не понравилось. Я привыкла, что приезжая домой, дети зимними вечерами были рядом со мной, а теперь дурное влияние Николая давало свои результаты. Чтобы заставить сыновей вернуться сразу по окончании танцевального вечера, я пообещала, что не лягу спать, пока не дождусь их.

Ближе к полуночи меня стало клонить ко сну, я немного подремала, а затем, увлекшись какой-то передачей, засмотрелась телевизор. В два часа ночи я поднялась, вышла на кухню, вскипятила воды и задумалась о выборе кофе. Предпочтя «Якобс», я открыла шкафчик над столом.

Звонок мобильного обрадовал меня.

«Видимо хотят сообщить, что вышли из дискотеки», - подумала я и, включив телефонную связь, весело сказала:

- Наконец-то позвонили.

- Мама ты можешь сейчас к отцу приехать? - взволнованно спросил Владимир.

Самые страшные тревожные мысли с бешеной скоростью пронеслись в моей голове.

- Зачем?

- Отца избил.

- Как? Почему? Когда?

- Это не важно. Приезжай, пожалуйста.

Я прижала свободную руку к груди.

- Но я не знаю его адрес. Я была у него один раз и то вместе с вами.

- Пиши.

- Дай возьму ручку и бумагу.

Меня трясло. Я плохо соображала, кровь стучала в висках, и я едва понимала, что пишу. Это ужасное сообщение застало меня врасплох, и подняло из глубины души все лучшие чувства к Николаю. Неужели он серьезно пострадал?

На его этаж я не бежала, а летела. Нежные слова вертелись у меня на языке, и мне захотелось, ворвавшись в квартиру, прильнуть и сказать всю правду о своей любви, моей единственной любви к нему, самому лучшему в мире мужчине, простить все прошлые обиды и больше никогда о них не вспоминать. Остаться у него, и до конца дней не отходить ни на шаг. Ведь сколько было прожито врозь в горькой тоске о нем?

Почему так случается, что нас окружает тысячи людей, а мы словно заколдованные, видим только одного человека, и все события нашей жизни вертятся только вокруг этого человека? Может за нас двух с Николаем все давно решено, и поэтому куда бы я ни устремила свой взгляд, вижу только его, люблю только его.

Наша встреча после стольких лет разлуки все перевернула с ног на голову и уже не остановить, не замедлить своего неосознанного бега по листкам календаря и все – в его сторону, и все – в его объятия. К нему, для него, во имя него! Невозможно быть не с ним и радоваться жизни!

«Милый мой, я позабочусь о тебе. Моя любовь облегчит твою боль и страдания. Мои ласковые слова признаний лягут на твою душу чудодейственным бальзамом, и там воцарится долгожданный мир. Теперь ты будешь купаться в моей бесконечной любви, которой хватит на весь твой долгий век».

Дорога на третий этаж показалась мне вечностью. Я остановилась возле дверей Николаевой квартиры и со всей силы нажала на звонок. Предчувствие чего-то плохого сдавило мое сердце. Я не могла больше ни секунды ждать и громко забарабанила в дверь. Она открылась, и на пороге появился хозяин квартиры.

- Здесь открыто.

Я ошеломлено посмотрела на холеное лицо Николая, на котором красовался только маленький синячок под правым глазом. Оттолкнув его, я вошла в гостиную. Сыновья сидели за столом, на котором стояли полбутылки шампанского и три фужера, и перебирали музыкальные диски.

- Вы меня за идиотку держите? Да?

Николай обогнул стол и стал напротив меня. Я указала пальцем на его синяк.

- Что это? Чего молчишь? Ради этого стояло меня вызывать?

Он пожал плечами и покраснел. С ним такого никогда не бывало. Значит, не совсем потерял совесть.

- Я был против. Хотя при драке мне влетело больше всех.

- У тебя вечно все виноваты, только не ты.

Строго посмотрев на детей, я промолчала. Не трудно догадаться, чья это была идея.

- Я же говорил, что мама примчится, и был прав, - без особых эмоций сказал Владимир. - Папа, она тебя любит, просто выделывается.

В последнее время старший сын стал слишком взрослым и к тому же неуправляемым.

Понимание того, что меня снова бесчестно обманули, использовали мои чувства, кольнуло в самое сердце, и я понуро поплелась к входной двери. Здесь мне делать было нечего.

- Ты куда?

- Подальше от вас, таких черствых и бессовестных.

Предстоящий отъезд детей примирил нас всех. Сыновья уезжали надолго, и поэтому я спокойно приняла приглашения Николая пойти вечером с ними в бильярдный клуб. За свою жизнь я играла в бильярд несколько раз и то, будучи в гостях у Юли. Мне тогда даже повезло выиграть у подруги один раз.

Когда мы вошли с морозной улицы в клуб, я закашлялась от сигаретного дыма. Казалось, он заменил весь воздух в бильярдной зале. Все помещение было окутано в сизую табачную дымку, и из-за него плохо просматривались сами люди, играющие возле столов. Я не повернула назад к выходу только оттого, что не хотела расстраивать сыновей.

- Я вижу свободный столик, - весело сказал Виталий, показывая пальцем.

- Где? Где? Пойдем скорей, а то займут, - обрадовался Владимир, хотя еще не знал куда идти.

Мы прошли к низенькому столику с мягким диванчиком, стоящего напротив бильярдного стола, и, заказав кофе, шоколад, принялись за игру. Мы сражались два на два – я с Николаем против мальчишек. Так захотел Владимир.

- Как здесь здорово! - воскликнул Виталий.

- Неплохо, но я видела места получше.

- Где? У тети Юли?

- Ну, конечно, у нее.

Владимир сверкнул на меня своими темными глазами и поучительно заметил:

- У нас тоже можно не только работать, но и отдыхать.

- Ты думаешь, я об этом не знаю? Но, к сожалению, у меня пока не было в жизни времени размышлять об отдыхе.

В разговор вмешался Николай. Он был, как и практически всегда, на моей стороне.

- Мама же для вас старается, оболтусов. Пусть она даже в этом не признается, но я-то знаю.

Владимир недовольно ухмыльнулся. Он все еще дулся на меня за Николая, и казалось, что в его сердце никогда не вернуться прежние чувства ко мне. Там сейчас прочно засел отец.

- Плохо старается. Результатов не видно.

Я покачала головой и грустно сказала:

- Ну, и вырастила на свою голову.

Виталий редко вмешивался в нашу перепалку с Владимиром. Он был спокойный, покладистый, входил в положение каждого, но тянулся больше к брату. Оно и немудрено, столько раз мне приходилось ставить старшего сына в пример младшему.

Виталий передал бильярдный кий брату и подтолкнул его.

- Давай, Володя, твоя очередь, бей. И начинай нормально играть. Не видишь, у них больше забитых шаров?

Наконец-то досадный разговор прекратился и все усталились на игровой стол. Старший сын прицелился и неожиданно для всех вместо красного шара забил черный, в результате чего мальчишки проиграли, а ведь игра практически только началась. Я не

удержалась, чтобы не подковырнуть Владимира, любившего в последнее время меня поучать:

- Плохо старался, сына. Теперь придется снова платить, чтобы начать новую партию.

Владимиру не было что возразить, он с виноватым видом посмотрел на меня и вздохнул. Тем временем Николай нажал на кнопку над игральным столом, вызывая работника бильярдной.

Казалось, что зима никогда не закончится, к тому же она в этом году была жутко холодной и снежной.

Студеным февральским утром, когда было рано еще подниматься из теплой уютной постели, позвонил Николай.

- Малышка, привет! Поздравляю, любимая, с днем рождением!

Я довольно улыбнулась, потянулась, молодец, не забыл, но в трубку холодно ответила:

- Не называй меня так.

- Как, любимой или малышкой?

- И так, и так. Мне это не нравится. У меня есть имя.

На его настроение трудно было повлиять, он добродушно примирительным голосом проворковал:

- Не злись, любимый мой человечек, Катенька. Для кого-то ты просто знакомая, подруга, а для меня ты – целый мир. Встречаемся вечером в семь в ресторане «Ностальжи». Никаких отказов не принимаю.

- Ладно, приду. Ты же не отвяжешься, - буркнула я и отключила мобильный телефон.

И чего люди прутся в дорогие рестораны, не знают, куда деньги девать?

Снова нужно думать о вечернем наряде, прическе, чтобы выглядеть более-менее достойно в таком солидном ресторане и с таким красивым мужчиной, как Николай. Пристальное внимание женщин к нему, меня, как и прежде, раздражало. Нет, чтобы посидеть дома за бутылкой шампанского и коробкой конфет, так надо идти в эту морозную погоду на всеобщее обозрение.

Напрасно я волновалась, вечер прошел не так уж плохо. Зал был наполовину пустой и плохо отапливаемый. Легкое платье совсем не грело, и мы, поспешив отужинать, поехали ко мне.

Как только мы прошли в мою комнату, Николай опустился передо мной на колени и, крепко обняв ноги.

- Сегодня ты должна сказать самое важное слово в моей жизни. Будь моей женой, любимая!

Я мысленно выругалась. Зачем мой праздник портить такими тяжелыми испытаниями? Нет других дней?

- Спасибо за вечер, за подарок, но..., - Посмотрев в ожидающие глаза Николая, на золотое колечко, одетое мне на палец час назад, я добавила: - Нет и только нет!

- Упрямышься?

- Просто не хочу и точка, - отвела я взгляд в сторону.

Я разжала его руки, обнимающие мои ноги и, боясь снова встретиться с его взглядом, вышла на кухню, чтобы приготовить кофе. Когда вернулась, Николая уже не было.

- Вот тебе и день рождения! Правда, этот день никогда не приносил мне радости, - уныло сказала я в пустую комнату и почему-то очень-очень расстроилась.

Я легла в постель в надежде, что новый день принесет мне иное настроение, а если нет, то все равно жизнь продолжается.

Вот и пришла весна. Она наступала по всем фронтам очень быстро, настойчиво, победоносно. Яркое солнце пробуждало и согревало все живое своим приятным долгожданным теплом. Сбрасывая с плеч невидимую тяжесть зимних непогод, люди подставляли под целительные лучи могущественного светила, озябшие за длительные

холода души. Тепло, словно душистый нектар, разливалось и во мне, будоража застоявшую кровь. Накопившиеся эмоции бурлили, пьянили, искали выход.

Николая не было видно и слышно несколько недель, и это стало меня угнетать. Я привыкла к его частым звонкам, внезапным вторжениям на строительные объекты, домой и, конечно, к категоричным приглашениям в места отдыха, а тут такое длительное молчание.

Сегодня я намеренно освободилась раньше обычного и решила заглянуть в наше любимое кафе «Лето», расположенное на противоположной окраине ближайшего парка. Мне пришлось пройти пешком через весь парк, но надежда встретить там Николая и увидеть его удивленное лицо придавала силы.

В это время дня зал был почти пустой, и я смогла выбрать понравившийся мне столик. Заняв место, где меня саму не было видно, но оттуда хорошо просматривалась входная дверь, я заказала себе зеленый чай и пирожное. Этот напиток, который впервые я попробовала в Великобритании, со временем понравился мне. Его можно было пить и с сахаром, и без сахара, и с молоком, и без молока. Некоторые предпочитали его с лимоном.

Постепенно зал кафе стал наполняться посетителями. Долгий рабочий день подошел к концу, и желающих выпить чашку ароматного кофе или чая становилось все больше и больше. Я не сводила взгляда с входных дверей.

«Да, это действительно любимое кафе Николая», - подумала я, увидев в дверях бывшего шефа, но мне не суждено было обрадоваться даже на мгновение. Он был не один. Его сопровождала длинноногая блондинка, та самая длиннонога блондинка, которая столько крови выпила у меня на базе.

«Какой ужас! Этот сукин сын взялся за старое. Снова та высокомерная любовница Марина, которая по ночам моталась с ним на базу. Но почему она, именно она? А какая разница, кто занял мое место? Нет, не мое, оно никогда по-настоящему моим не было».

Сознание того, что Николай снова бросил меня, было невыносимо. Я не могла оторвать взгляда от красивой пары, входящей в зал. Когда молодая женщина, ища свободный столик, повернулась ко мне боком, меня словно пронзило молнией, я увидела, что она в положении. Со мной случился шок. Чтобы не закричать: «Нет, только не это!» я закрыла ладонью рот и стиснула зубы.

Первая губительная мысль промелькнула в моей голове: «Боже, чего же я все это время ждала? У меня было время, чтобы сказать ему «да».

Вторая мысль была еще страшнее: «На что я надеялась? Что такой красавец будет только со мной или наденет монашескую одежду и откажется от всех мирских соблазнов?»

Третья мысль прикончила меня: «И что тогда? Закрывать глаза на вечные его похождения?»

Они прошли через весь зал и сели за свободный стол. Девушка тут же достала носовой платочек и, часто всхлипывая, стала что-то эмоционально рассказывать ему. Затем она вообще заплакала. Николай, пытаясь успокоить Марину, гладил ее по руке, по плечу, волосам. Прямо-таки семейная драма.

Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя. Справившись с собой, я больше не пожелала здесь находиться. Несмотря на первые пугающие минуты их появления, я была рада такому повороту событий. Наконец-то мерзавец полностью раскрыл себя.

К их столику подошел официант, невысокий, от природы смуглый паренек, и положил перед ними меню.

- Рассчитайте меня, - умышленно громко сказала я, желая привлечь к себе не только его внимание.

Николай вслед за официантом посмотрел в мою сторону, и наши взгляды встретились. Он, словно остолбеневший, смотрел на меня и молчал. Я с брезгливым видом отвела взгляд и, стараясь принять спокойный и уверенный вид, поднялась из-за стола. Официант вежливо сказал мне:

- Минуточку, сейчас я подойду к вам.
- Ладно, не надо. Принимайте заказ. Я рассчитаюсь у бара.

Дома, свернувшись калачиком на тахте, я третий час подряд рассматривала обои в спальне. Что мне там хотелось увидеть? Не знаю. Найти какие-то ответы? Вряд ли. У меня никаких вопросов не было. Все было предельно ясно. Слез тоже не было. Человек, который сделал мне снова больно, не стоил моих слез.

За дверью время от времени появлялся Николай. Подтверждению тому служили длительные звонки, удары чем-то тяжелым по двери и, конечно, его крики. Но меня он больше не волновал. Что он мог принести в мою жизнь? Очередную ложь, да и только. Пусть он оставит ее себе.

Все будет хорошо, жизнь еще не заканчивается, всхлипывая, уговаривала я себя. К таким самоуспокоениям я давно привыкла. Я смогла успокоить себя в двадцать два года, когда Николай впервые предал меня, в двадцать пять лет, когда муж взвалил все тягости совместного проживания на мои хрупкие плечи, в сорок лет, когда осталась без копейки в кармане. А сейчас я и подавно смогу проглотить этот отвар горькой полыни, которым часто угощает меня жизнь.

Оглушительные стуки повторились с большей силой. Мне показалось, что дверь вот-вот вывалится и я, поднявшись, подошла к ней. Заглянув в глазок, я закричала:

- Уходи прочь, я не хочу тебя видеть!
- Открой, сейчас же открой!
- И не подумай! Иди к своей любовнице, она тебя ждет!
- Что ты себе надумала? Она – чужая жена! Я случайно встретил ее. Дай объясниться!

Марина давно замужем.

- Уходи! Хватит лгать! Сколько можно травить мне душу? - крикнула я с каким-то надломом в голосе.

Его гнев, казалось, тоже дошел до точки кипения, и он начал, на полном серьезе, угрожать:

- Открой или я выбью эту чертову дверь! Моей вины нет, в том, что ты черт знает, что себе надумала.

- Только попробуй, и я вызову милицию!

После небольшой паузы, он с досадой в голосе сказал:

- Какая же ты глупая! За что только я все эти годы люблю тебя, моя недоверчивая и грозная малышка? Пора свыкнуться с мыслью, что мне кроме тебя никто не нужен.

Я поняла, что еще мгновение и, поверив его словам, открою дверь.

- Уходи! - почти истерически закричала я.

- Открой, и я все тебе объясню. Хочешь, я привезу сюда Марину и ее мужа, и они подтвердят мои слова. У Марины просто проблемы с беременностью, угроза выкидыша и она случайно встретив меня, решила поплакаться. - За дверью стало совсем тихо, но потом голос Николая напомнил о себе. - Да что я, как дурак, стою здесь и перед тобой оправдываюсь. Если ты сейчас же не откроешь дверь, на этот раз я уйду навсегда.

Рука сама потянулась к ключу, но затем замерла на нем.

Не верю.

Часы на мобильном телефоне показывали далеко за полночь. Только сейчас я поняла, что лишь в книгах неожиданно, невзначай может наступить конец жизненных неурядиц, и главный герой, освободившись от них, начнет новую счастливую жизнь. В действительности так бывает один раз на миллионы случаев, и вряд ли это произойдет со мной. Если Бог не дал мне счастья, то жди - не жди, его все равно не дождешься.

Я сидела за кухонным столом, глядела на недавно купленный набор ножей и вдруг поймала себя на мысли, что хочу умереть. Раз и навсегда покончить свои счета с жизнью, которая мне ничего, кроме боли, не принесла. Чем дольше я сидела и размышляла, тем

больше мне не нравился ход моих мыслей. Нужно гнать страшные раздумья подальше от себя, а то действительно...

Резко зазвонил мобильный телефон, и я от неожиданности вздрогнула. На дисплее высветилось имя моей любимой подружки. Какое счастье! Только она через такое огромное расстояние могла почувствовать, насколько сильно мне нужна.

- Привет! Юля, как ты вовремя! Тут такое стряслось! - возбужденно сказала я, не веря в свою удачу.

- Ай, Катюша, не сгущай краски. Что там случилось, паникерша? Давай докладывай, но без лишних эмоций, - беззаботно промурлыкала подружка.

Я битый час рассказывала Юле последнюю трагедию своей жизни и она, набравшись терпения, выслушала меня.

- Все кончено, все! Он бросил меня! - подытожила я.

Ей не нужно было называть имя моего обидчика, подружка прекрасно знала о ком идет речь.

Юля очень спокойно отреагировала на мой продолжительный монолог и, к моему большому удивлению, не поддержала меня:

- Так тебе и надо. Допрыгалась, дуреха? Объяснил же тебе человек, что случайно встретил ту бабу. Почему не поверила?

На мои глаза навернулись слезы. Легко Юльке там рассуждать, а тут не всегда есть время все хорошо взвесить, подумать, правильно отреагировать. Да что я выгораживаю себя. Так должно было случиться.

- Я хочу исчезнуть из его жизни, раз и навсегда. Нет больше сил, терпеть эту муку.

- Ты с ума сошла.

- Возможно.

Вдруг Юля замолчала. Время шло, связь не прерывалась, а подруга не спешила делиться со своими мыслями.

- Юля, ты уснула?

- Нет. Знаешь что, бросай все и приезжай ко мне в гости.

Я не поверила своим ушам.

- Как это бросай? А работа?

- Очень просто. Работа неделю, две подождет. Приезжай, тебе нужно отдохнуть. Тут обо всем и подумаешь.

- Ну, это же так дорого.

- Село! Не суетись по пустякам, я приглашаю и проезд оплачу. Обязательно приезжай.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ СНОВА В ПУТЬ

Для меня, как человека, редко выезжающего из родного города, новые места влекли со страшной силой. Если же взять во внимание, что в пути можно развеять печальные думы и на время забыться то, я катастрофически нуждалась в поездке в Великобританию. Передо мной снова откроет свои объятия удивительный мир. Будет много интересного и познавательного, а затем этих впечатлений хватит на долгие одинокие вечера.

Через месяц после событий в кафе «Лето» переступив порог Юлиного дома, я до конца не верила, что могла такое совершить, бросить все и приехать, не сказав никому ни единого слова. На двух своих строительных объектах я оставила вместо себя Бориса Борисовича, которому мало-помалу стала доверять. Последнее время он стал моей тенью, хватался за любую работу, то ли основную, то ли вспомогательную, лишь бы угодить мне. В строительстве, как выяснилось позже, он знал толк, и у меня к нему всегда находилось масса просьб. Причем, я не поощряла его внимание к себе, как к женщине. Он мне

никогда не нравился и не мог нравиться. Мое сердце принадлежало только одному человеку, Николаю, в независимости от того вместе мы или нет.

Одно радовало, сыновьям осталось больше месяца учебы до летних каникул, и они, возможно, не узнают о моей выходке. Николаю же совсем не обязательно было знать, где я и что со мной.

Мы с Юлей посидели сначала в большой гостиной, где выпили по бокалу мартини, съели по кусочку «Тирамису» и потом поднялись наверх.

Я зашла в приготовленную для меня комнату, окинула ее взглядом и вздохнула. Все на своих местах. Правда, на этот раз Юля постелила мне другое, совсем новое постельное белье.

- Какая красота!

Белоснежные наволочки и пододеяльник были отделаны атласными цветами и бисером. Я подошла к кровати, провела рукой по наволочке, пощупала лепестки, словно живых роз.

- Надо же придумать такое.

- Этот свадебный комплект купила по случаю. Значит, быть тебе, Катюша, невестой.

Я печально улыбнулась.

- Как я скучала по этой беззаботной размеренной жизни! Порой даже не верилось, что где-то существует другая жизнь.

Юля хмыкнула, подошла ко мне и обняла.

- Если так любишь красивую жизнь, почему не выходишь за него замуж, а козни ему строишь?

- За кого?

- Ты знаешь, о ком я говорю.

Я насупилась, упрямо вскинула голову и, нехотя призналась:

- Не хочу и точка.

Подруга знала, что моего упрямства хватит на двоих, и попыталась спокойно объяснить со мной:

- Причина?

- Просто не хочу, но если бы захотела замуж, то он был бы последний, за кого бы я вышла.

Юля недовольно показала головой.

- Мстишь? Да? Себе делаешь больно, ему, сыну.

С большим трудом я взяла себя в руки, чтобы в первый же день не надерзить любимой подруге.

- А что я должна делать? Через столько лет предательств запрыгнуть ему на шею и все простить? Не дождется!

- Ты не меняешься! Носишься со своей обидой как последняя дурочка и не понимаешь, что давно пора забыть прошлое и начать жить настоящим. Твой внутренний червь, «непростительная обида», как ты часто выражаешься, тебя же первую и уничтожит. Сколько в жизни случаев, когда жены прощают своих непутевых мужей и дальше живут в счастье и согласии?

- Откуда тебе знать, что твориться у тех бедных женщин на душе все оставшиеся годы? А сколько женщин не прощают своим мужьям?

Подруга взялась за голову, потеряв надежду меня переубедить, и эмоционально спросила:

- А сколько баб, виноватых в семейных трагедиях?

- Это не важно.

- Правильно. Самое важное то, что у вас общий сын.

- Ну и что? Это еще ничего не значит, - выкрикнула я, и задумалась.

Кому как не мне знать, что мы с Николаем свободные от супружеских уз, имеем сексуальное влечение друг к другу. Но существует ли при всем этом вероятность того, что в один прекрасный день я скажу «да»?

- Все еще можно исправить. Ведь Николай не против начать все сначала? Это ты не хочешь. Ты просто...

Так и до ссоры недалеко.

- Давай оставим эту тему разговора, - остановила я подругу.

Юля немного помолчала, подбирая нужные слова.

- Катюша не будь такой врединой. - Она сделала паузу и, набрав в легкие побольше воздуха, с некой долей досады сказала: - Пойми меня правильно, в душе без прощения нет мира, и не может быть.

Я всплеснула руками.

- Даже если это и так, я пока не готова его простить.

- А когда будешь готова, за день до смерти?

- Возможно.

Она недовольно покачала головой и напоследок изрекла:

- Да ты просто – неисправимая упертая ослица!

Порой, что бы я ни делала, где бы я ни находилась, я думала о Николае, как об источнике всех моих бед и даже если в этом не было его явной вины, я подозревала, что и тут кроется какая-то его закулисная интрига. Он зло, он отравил всей моей жизни!

- Пускай, но я тебя очень прошу, не доставай меня из-за него. Что это будет за отдых, если ты меня будешь пилить каждый день?

Подружка шутливо погрозила мне пальчиком.

- Не умничать в моем доме!

Я промолчала, улыбнувшись ее своеобразной шутке. Юля обняла меня, ее глаза снова засияли счастьем видеть меня и примирительно с нежностью сказала:

- Ладно, больше о нем ни слова, но разве что по твоей просьбе.

Мы еще долго болтали, перескакивая с одной темы на другую, но мою личную жизнь не затрагивали.

Я проснулась и сладко потянулась. Тишина, все еще в доме спали, только было слышно, как за открытой балконной дверью перешептывалось майское утро с озорным ветерком. Прекрасное время для раздумий. Если нам в радость окружающая действительность мы живем, наслаждаемся каждой секундой бытия, но если же нас что-то тяготит, угнетает, мы видим мир в мрачных красках, спеша прожить минуты неудач, невзгод и быстрее перевернуть страницу календаря.

Не хотелось бы, чтобы что-то омрачало мой приезд.

Уже в первое утро я увидела, что по сравнению с прошлым моим приездом в Юле произошли большие перемены. Приняв душ и завернувшись в полотенце, я прошла через коридор и постучала в дверь ее комнаты.

- Можно? Я слышу, что ты не спишь.

- Конечно, проходи.

Я прошла к кровати подруги и села на краешек.

- Что читаешь?

- Библию.

- О!

- Да, представь себе.

- Какая красивая книга! Кожаный переплет-футляр. Она что закрывается на молнию?

Юля заложила листочком нужную страницу и закрыла книгу. Затем она потянула бегунок, обвела вокруг книги и та исчезла.

Я удивилась.

- Надо же.

- Последний подарок Павла, - с чувством ностальгии сказала Юля.

- Вспоминаешь о нем?

- Каждый день. До последней мелочи помню наше прощание и его обещание ждать встречи.

- До сих пор любишь?

- Не важно, - медленно, с грустью ответила Юля.

Я смотрела на бледную подругу и не могла понять, кому из нас сейчас хуже. Ее жизнь была не менее запутанная, чем моя, просто Юлька родилась хорошей артисткой и никогда не путала свои роли. Поэтому мне всегда казалось, что Юля и Дан счастливая пара.

Я порылась в своих мозгах, чтобы найти что-то подбадривающее, но не нашла. Что тут придумаешь?

Под одеялом что-то зашевелилось, и я насторожено посмотрела на вторую подушку. Через несколько секунд там показалась Изи.

- Она с тобой спит?

- Нет. Утром прибежала подремать. Я ей разрешаю.

Изи вылезла из-под одеяла, удобно устроилась на подушке и принялась приводить себя в порядок.

- Ну, этого, я уже не могу понять. Она же по улице бегают.

Юля взяла Изи на руки и, приговаривая, стала ее тискать и целовать.

- Она моя самая любименькая. Я ей все разрешаю. Сегодня поедем выбирать ей новый наряд, - беспечно сказала подруга.

Я энергично замахала руками.

- Попрошу без меня транжирить деньги на собак.

- Изи не простая собака, она мое сокровище.

- Я это уже поняла.

Спустя несколько минут Юля подхватила с кровати и скомандовала:

- Подъем! Нужно бежать мужу завтрак готовить! Да и Изи голодная.

С той минуты как я переступила порог дома подруги, я не переставала удивляться ей.

- Теперь ты мужу завтраки готовишь?

Юля смерила меня нарочито важным взглядом и хмыкнула.

- Естественно. Я же хорошая жена.

-М-да. То ли еще будет.

- Изи за мной.

Сегодня с раннего утра все небо затянулось темными тучами. Они на все сто процентов предвещали неизбежный дождь, но это не помешало нам с Юлей выбраться в центр. Первое, куда меня потянула подруга, был огромный спортивный магазин.

- Нужно купить тебе все для бассейна и фитнес клуба.

Я не поверила своим ушам. Неужели я наконец-то увижу своими глазами фитнес зал?

- Мы туда будем вдвоем ходить?

Подруга рассмеялась.

- Естественно. Ты куда приехала, серая мышка, забыла? В богатейшую страну, вот и продолжай познавать, как здесь обычные люди живут.

- А когда мы пойдем на фитнес?

Мне глупой не терпелось туда попасть. Я готова была хоть сейчас уже туда бежать.

- На днях.

Она купила мне спортивные брюки, футболку, кроссовки, купальник и резиновые шлепанцы для бассейна.

- Упаковались, а теперь поедем в мое любимое кафе «Неро».

- И мое тоже.

Я вспомнила наши прежние посещения этого милого заведения, где всегда пахло изумительно и на меня словно повеяло горячим шоколадом и свежеприготовленной выпечкой с корицей и ванилью.

- Хочу булочку с изюмом.

Юля довольно улыбнулась.

- О, это мне уже нравится. Катюша, ты в этот раз должна оторваться по полной программе.

- Ну, знаешь. Еще неизвестно, какой смысл ты вкладываешь в это словосочетание, - с опаской посмотрела я на подругу.

Юля цокнула языком и назидательно покачала головой.

- Село. Всего боишься. Больше сорока лет от роду, а думаешь, как ученица средних классов. Можно ли то? Стоит ли это?

Второе место, куда меня повезла подруга в этот день, было «Бинго». Мимо большого здания этого игрового комплекса мы с Юлей часто проезжали в мой первый приезд, и она с восхищением рассказывала, какие здесь бывают большие выигрыши. Однажды Даниэль даже выиграл двадцать пять тысяч фунтов стерлингов.

Мы еле нашли место, где припарковать машину и вошли вовнутрь. Юля заполнила нужные бумаги для моей регистрации, которые ей подал один из администраторов, и протянула мне бланк.

- Подпишись.

- Зачем?

- Ты собираешься выиграть кучу денег? А как же тебе их выдадут без подписи, которую не будет с чем сравнить?

Я второй раз за день не поверила своей удачи.

- Мне разрешат играть?

- Подписывайся. Не собирай вокруг себя ротозеев. Забыла, на каком языке разговариваешь?

Мужчина средних лет, обслуживающий меня, смотрел на нас с вежливой улыбкой и ожидал. Проверив заполненные бланки, он выдал мне членский билет клуба и пожелал успеха. Юля перевела. Я вздохнула и больше себе, чем Юле ответила:

- Сомнительно. Удача меня редко посещает.

- Не каркай.

Когда мы вошли в игровой зал, у меня перехватило дыхание. Казалось, он был необъятен. Вокруг находились столы и люди, люди и столы, а на стенах большие мониторы. Здесь же имелся бар, в котором можно было перекусить и выпить бокал вина или пива.

Я не могла не восхититься:

- Ого, ничего себе! Сколько тут вмещается народу?

- Какая тебе разница? Все они пришли, чтобы схватить удачу за хвост, а это может быть очень немалый хвост, - улыбаясь, заметила подруга.

Мне бросилось в глаза поведение посетителей этого заведения. Они вели себя крайне хладнокровно, они здесь для того, чтобы выигрывать и, похоже, другой мысли не допускали.

- Все спокойны, как удавы после обеда, - поразилась я и добавила: - Где мы сядем?

- Да где угодно. Свободные столы еще есть.

Я подумала и попросила Юлю:

- Давай сядем так, чтобы видеть монитор с цифрами? Я на слух не все числа разберу.

- Это не обязательно, на каждом столе во время игры высвечиваются те же числа, что и на мониторе.

- Тогда отлично.

Я открыла одну из книжечек, которую нам дали при входе, и Юля рассказала о правилах игры. Они оказались достаточно легкими, обычное лото, в которое я с мамой играла в детстве. Я облегченно вздохнула.

- Это так просто?

- А ты сначала выиграй. Одно иди два числа можно ждать всю игру и не дожидаться. Удовольствие, чтобы сегодня сюда зайти и поиграть немалых денег стоит.

- Постараюсь. - Я утвердительно покачала головой. - Кстати, в детстве неплохо играла.

- Тут главное не зевать, чтобы не пропустить нужное число. Никто никого не ждет.

- Когда начинается игра.

- Скоро. Приготовься.

Наши надежды на большой выигрыш не оправдались, мы вообще ничего не выиграли. Я не поспевала за чередой меняющихся на табло чисел и очень нервничала, в результате чего заимела в конце игры головную боль. Юле же просто не везло.

- А чего я, собственно говоря, ожидала? Когда мне в жизни везло? Только деньги на ветер выбросили, - бурчала я, выходя из зала.

Подругу позабавило мое поведение, и она беззаботно рассмеялась, обнимая меня.

- Лиха беда начало. Ты ведь только приехала, а мы сюда будем часто ходить.

Пообедав дома, мы пошли с Изей в парк. Как я любила гулять по их парку в свой первый приезд! Все радовало глаз и наполняло живительными силами. Нельзя сказать, что в нашем городе нет парков. Их у нас намного больше, но когда в них ходить?

Немного пройдя, мы подошли к моему безмолвному другу – старому дубу, и я обняла его. Сейчас он выглядел молодцом. Зеленая густая крона верхушки и пушистые ветки, свисавшие почти до земли, практически полностью скрывали его основу, покореженную, изувеченную за долгую нелегкую жизнь. Раздвоенный после удара молнии старый ствол, обожженная макушка, ампутированная большая часть крупных веток, трухлявое дупло вызвали тогда у меня сострадание. Я выбрала его в марте прошлого года только потому, что он напоминал мне мою искалеченную невзгодами судьбу.

Мы присели возле дуба на лавочке.

- Вот так и мы прячем нашу израненную душу за маской безразличия или мнимой удовлетворенности, - грустно сказала я.

Юля удивленно посмотрела на меня.

- Ты это к чему?

Не знаю почему, но мне вспомнился день, когда Николай вычеркнул меня из своей жизни. Тот злосчастный институтский день стал поворотным моментом в моей жизни. Если бы я только могла заглянуть ему в душу, все вовремя понять и исправить.

- Как трудно понять, что творится на душе у другого человека.

- А может вовсе и не надо это понимать? Зачем лезть кому-то в душу?

Я обняла подругу и с тоской вздохнула:

- Речь идет обо мне и Николае.

Юля легонько похлопала меня по руке. Она выглядела озадаченной.

- Тебе нужно больше ему доверять, прислушиваться к нему. С твоих слов он не плохой мальчик.

Не было желания говорить о своих истинных мыслях и я не ответила подруге. В глазах других он всегда был интересной личностью. Где бы Николай ни появлялся, все тут же обращали на него внимание и желали подружиться. Даже мои родные дети были в него влюблены.

Встреча с Хайденом, назначенная на вечер, ничуть не заботила меня. Мое сердце молчало, и в нем не было даже наималейшего любопытства по поводу того, как пройдет

наше первое с ним свидание после долгой разлуки. Писать-то я ему писала, но больше подчиняясь просьбам подруги, чем по велению сердца.

Юля позвонила ему еще утром и сообщила о моем приезде. Тогда же было условленно забрать его вечером возле дома, и всем вчетвером поехать в их местный паб на караоке.

Когда Хайден сел в машину, он сухо поздоровался со мной. Так же сухо кивком на его приветствие ответила и я. В паб мы приехали задолго до начала караоке и заняли тот же столик, что и в прошлом году. Люди стали быстро наполнять зал. Все они с нами мило здоровались. Только здесь, в Великобритании, я научилась без особой на то причины улыбаться незнакомцам и с приятной улыбкой кивать головой в знак приветствия.

По мере того, как посетители заходили, Хайден сообщал Юле краткую информацию о них. Она была, как мне переводила Юля, больше критической, чем дружелюбной. Мне это не понравилось, я никогда не поощряла злоязычие, но высказать свое мнение ему по данному поводу мне не давала очень веская причина - незнание языка.

Среди посетителей была и Люда-киевлянка. Она пришла с подругами и, кивнув нам в знак приветствия, заняла соседний столик.

Постепенно зал заполнился, и началась культурная программа. Люди выходили к микрофону и пели свои любимые песни. Все было как в первый наш визит сюда, веселые разговоры, песни, танцы, но отсутствовал волнительный момент: вдруг произойдет чудо, и я встречу своего заморского принца, добрее и лучше отечественного и он затмит собой весь мир?

Я посмотрела на Даниэля. Он явно скучал.

- Может, уйдем отсюда? - предложила я подруге.

- Тебе здесь не нравится?

Невесело вздохнув, призналась Юле:

- Чужая я здесь, и смотрят на меня как на диковинку.

- Тогда пошли. Мне самой что-то сегодня тут скучно.

Даниэль только обрадовался нашему решению уйти и первым покинул бар. Юля извинилась перед Хайденом и, ссылаясь на мою головную боль, последовала за супругом.

Вечером Юля зашла ко мне в комнату с Библией в руках и спросила:

- Хочешь, почитаю пару интересных вещей?

- Давай.

Мне вдруг стало стыдно, что я прожила более сорока лет и не знала не одной молитвы. Юля же последнее время просыпалась и засыпала с Библией. Да и вообще подруга в этот раз мне показалась более мягкой, сдержанной и уступчивой в мелочах. Она смирилась со своей участью домохозяйки, а может, просто успокоилась, не видя смысла сопротивляться действительности. Юля готовила, убирала, стирала, ездила за покупками, подносила мужу, а в свободное время читала. Подруга создала свой мирок, в котором как мне показалось, ей было достаточно уютно.

Юля прилегла рядом со мной и начала читать. Чем больше она читала, тем больше я понимала, какая огромная сила заложена в этой книге. Мудрость на мудрости, совет на совете. Только бери и выполняй.

Далеко за полночь закончился еще один насыщенный день моего пребывания здесь. Я лежала на мягкой кровати и вспоминала интересные моменты этого дня.

Ох, уж эти быстротечные дни со своими печальями и радостями, со своими приобретениями и потерями, из которых состоит вся наша жизнь! Что нового мне принесет завтрашний день? Посмотрим. Рано или поздно, о чем бы я ни думала, мои мысли постепенно возвращались к Николаю. Может, в самом деле, как говорила Юлька, он не плохой вариант для совместной жизни? Пора решиться.

Проснувшись, я поднялась с постели, раздвинула плотные занавеси, приоткрыла окно на балкон и впустила в комнату новый солнечный день. С ним залетел свежий весенний

воздух и стал играть музыкой ветра. Нежная мелодия семи колокольчиков, висящих на балконной двери, была приятна моему слуху. Щебетание птиц и постукивание одинокого труженика-дятла дополняло картину утра. Я вернулась в постель и легла. На душе было спокойно и блаженно. Хорошо-то как! Мне бы сейчас крылья, взяла бы и полетела.

Услышав, что я не сплю, Юля перебежала в мою комнату и весело скомандовала:

- Подвигайся, соня.

Сладко потянувшись, я призналась подружке:

- Давно не сплю. Слушаю утро. Можно задать тебе один вопрос?

- Давай.

- Почему ты с Даном не спишь в одной постели?

Юля усмехнулась.

- Во-первых, в этой стране не спят вместе, это не принято, у каждого своя кровать, а во-вторых...

Она запнулась, а затем задумчиво продолжила:

- Я поняла, о чем ты спрашиваешь. У нас это бывает очень редко, можно сказать по праздникам. Иногда задумываюсь, зачем ему при таком темпераменте понадобилась жена? Наверное, как красивая декорация в его скучной жизни.

Наступила неловкая пауза.

- Сегодня воскресенье. Ты не забыла, что мы обедаем в пабе?

- Конечно, я помню.

Торопиться было совершенно некуда, и мы еще некоторое время понежились в постели.

- А давай пройдемся в магазин за шампанским? - подала идею Юля.

Я лукаво посмотрела на подругу.

- Утром шампанское? Разбаловалась ты девушка.

- Что тут такого? Не грядки же нам с утра полоть? Праздник у меня, любимая подруга приехала!

Я звонко засмеялась.

- Меня долго уговаривать не надо. Вперед!

К хорошему быстро привыкаешь. Я наслаждалась холодным шампанским, фруктами, сидя за столом на заднем дворике и читала книгу, взятую на тумбочке возле кровати, а вернее только держала в руках.

Юля нарезала ананас и села рядом.

- Сегодня после паба поедем в дом приведений.

Я испуганно посмотрела на подругу. Мир мертвых всегда меня пугал.

- Зачем мне это надо? Потом ночью буду плохо спать.

Юля рассмеялась. Она никого и ничего не боялась в этом мире.

- Глупая. Что ты поймешь из всех тех страшилок, которыми там будут запугивать посетителей?

- Тогда зачем идти? Лучше по парку погулять.

- Дом красивый, старинный. Посмотришь, как люди когда-то жили.

Я недоверчиво посмотрела на подругу. С какой стати мне делать то, чего не хочу?

- Мы уже были в одном старинном замке. С меня достаточно.

Подруга не сдавалась.

- Я расширяю твой кругозор. Мне лично было интересно с Даном там побывать.

- Точно не страшно? - переспросила я Юлю, понимая, что мне некуда деваться.

- Село, ну сказала же – нет.

Я обреченно вздохнула.

- Ладно, поедем. Ты же не отстанешь.

Как только Даниэль высадил нас на трассе возле указателя на английском языке «Дом приведений», и скрылся на машине за поворотом, погода сразу испортилась. Небо заволочили тучи, и неизвестно откуда появился сильный ветер.

Я поежилась.

- Может, не стоит в такую погоду беспокоить приведений?

Юля ухмыльнулась и поставила меня перед фактом:

- Пойдем, Катюша. Деваться уже некуда. Дан приедет за нами только через два часа.

- Ну, и удружила ты мне, Юлька. Мне уже сейчас страшно.

Достаточно далеко расположенный от города нужный нам старый дом, к тому стоял в стороне от трассы. Он не произвел на меня особого впечатления. Большущий мрачный неухоженный дом был донельзя забит всяким хламом, и неудивительно, что в нем жили приведения. Юля рассказала мне, что когда-то эта усадьба принадлежала местному судье, и зачастую смертные приговоры исполнялись в самом доме. Родственники казненного ждали выдачу тела возле определенных дверей. После смерти самого судьи дом долгое время пустовал, и его населили привидения, как поговаривали тут, души тех, которых он несправедливо осудил. Местные жители этот зловещий дом обходили стороной, пока его не купила за мизерную цену иногородняя пожилая дама и, чтобы насобирать средств на ремонт, открыла его туристам для просмотра.

Я ничего не уловила из слов экскурсовода, но по выражению лиц посетителей чувствовала, где находятся самые страшные места в доме.

- Чего они так напряглись? - спросила я Юлю в одной из комнат.

- Здесь производили казнь.

Я схватила подругу за руку.

- Ой-ой-ой!

Она невозмутимо продолжила:

- После повешения доски раздвигались, и труп падал вниз, в подвал. Там его поднимали и отдавали родственникам.

Я вжала голову в плечи и с ужасом посмотрела на пол.

- Да что ты такое говоришь?

Юля показала пальцем вниз.

- Катя, а ты не заметила, что по сравнению со всем домом тут новые полы?

- Ой, пойдем отсюда.

Мы медленно продвигались за экскурсоводом, и я все время цеплялась за руку подруги.

- Почему та блондинка подпрыгнула в предыдущей комнате?

- Ей сказали, что она очень близко стоит возле зеркала.

- Ну и что?

- В нем часто посетители видят приведения.

Мороз пробежал у меня по коже и мне захотел как можно быстрее покинуть этот зловещий дом.

- Да, как хорошо оказывается не знать язык.

Обратно мы снова возвращались через огромную усадьбу судьи, и Юля, с опаской оглядываясь по сторонам, меня в кавычках успокоила:

- Еще экскурсовод сказала, что в этом заброшенном парке, куда мало попадает солнца, местные жители часто видят приведения.

В это время снова поднялся ветер, и верхушки деревьев устрашающе зашумели, нагоняя на меня еще больший страх.

- Зачем пугаешь?

- При чем здесь я? Так было сказано во время экскурсии.

Неожиданно для Юли я рванула с места и помчалась вперед. Она крикнула мне вслед, чтобы я ее подождала, на что я только рассмеялась и увеличила скорость.

- Ага, дудки! Не остановлюсь. Вдруг вашим приведениям нравятся иностранки?

Я остановилась лишь тогда, когда выбежала из парка на трассу и увидела машину Даниэля. Немного отдышавшись, я спросила подбежавшую подругу:

- Сколько мы времени там провели?

- Почти три часа.

- Ох, лучше бы я все это время проспала.

К моему большому стыду я переняла у Юли привычку по возможности завалиться после обеда в постель и часок, другой подремать. Это мне нравилось делать в первую поездку, этим я собиралась заниматься и на этот раз.

- Куда путь держим? - поинтересовалась я, сев в машину.

- Заедем на пару часов в боулинг-клуб.

- Отлично.

На вечер подружка сделала пиццу. Она занесла поднос в большую гостиную и поставила на стеклянный столик.

- Чего изволишь к пицце, красатулька, пива или вина?

Я пожала плечами. Мне было все равно, что пить.

- Можно холодного пива.

- Будет исполнено. А как насчет хорошего фильма?

- Давай, но только не ставь те, которые выжимают слезу.

- Нет, конечно! Поставлю фильм о жизни.

- Ай, все они о жизни, - махнула я рукой.

- Не ворчи. Фильм называется «Тосканское солнце», или «Под Тосканским солнцем», и так, и так правильно. Главная героиня напоминает мне тебя, Катюша.

- Да? Чем же? Такая же неудачница, как я?

- Когда посмотришь, сама догадаешься.

Юля села рядом, и к ней на ноги сразу запрыгнула Изи. Собачка удобно улеглась и вскоре уснула.

- Очень умно. Фильм конечно на английском языке?

- Естественно, но тебя это пусть не волнует, у тебя есть личная переводчица.

Сегодня я засыпала с мыслью, противоположной предыдущего вечера. Если вчера мне хотелось как-то оправдать Николая, то под впечатлением фильма, мне казалось, что он не заслуживает никакого прощения.

«Сумела же героиня фильма бросить мужа-предателя и построить новую интересную жизнь вдали от родных мест? Может это и мой удел, начать на чужбине все сначала?»

Наконец наступил понедельник, а значит день посещения фитнес клуба и бассейна. Пока Юля спала я тихонечко вышла на свой балкон, с которого могла без конца любоваться раскинувшимся передо мной пейзажем Туманного Альбиона и в сотый раз поразиться огромной разновидности растительного мира этих мест. Вдруг по верхушке забора пробежала, оглядываясь по сторонам, пугливая белочка и пригнула на ель соседского палисадника. Затем на забор сели два голубка стали ворковать.

«Остаться бы в этой безмятежной стране и раз, и навсегда отрезать себя от прошлой жизни».

Эта неожиданная мысль страшно напугала меня, ведь лучше родной земли ничего нет.

Наскоро проглотив английский завтрак, который мне ужасно не нравился, мы оделись и вышли из дому. Сев в машину, Юля изложила план действий:

- Первое – супермаркет. Нужно сделать покупки для поездки к океану. Второе – бассейн, а занятие фитнесом оставим до лучших времен, я просто покажу тебе сам клуб. Ближе к двенадцати отбываем на отдых.

Меня ее заявление позабавило.

- А сейчас мы чем занимаемся?

- Едем в машине.

- Понятно.

Переодевшись в купальники и приняв душ, мы спустились в водное отделение фитнес клуба. Огромный, прямоугольный, разделенный плавательными дорожками бассейн был практически пустой. В прозрачной воде плавали двое мужчин. Сделав десятиминутный заплыв, Юля дала команду выходить.

- Так мало плавали, - расстроилась я.

- В этом месте есть много всего интересного, а времени у нас в обрез.

Мы посидели в сауне, к моему стыду я первый раз в жизни побывала в сауне, после чего приняли освежающий душ, вылив на себя по ведру ледяной воды, и затем прыгнули в бурлящую теплую воду небольшого бассейна. Взобравшись на гидромассажные лежаки, мы отдались приятным ощущениям.

Я снова пожалела, что не знала английского языка. Люди вокруг нас весело общались. Юля словно прочитала мои мысли и напутственно сказала:

- Учи английский. Ты видишь, даже тут можно познакомиться?

- У тебя одно на уме, а мне бы просто пообщаться.

Юля внимательно посмотрела на меня и на всякий случай спросила:

- Ты, наверное, переживаешь, что оставила без присмотра свои не отремонтированные квартиры?

- Нет. Работа там идет полным ходом. Я завезла туда все необходимые стройматериалы, это главное, а за всем остальным присмотрит Борис Борисович?

Подруга приподнялась и заинтересовано глянула на меня.

- Кто такой, почему не знаю?

Я улыбнулась, все-то ей нужно знать.

- Вместе на базе у Николая работали сторожами.

- О-о-о! Что-то стоящее?

- Ничего особенного, просто у него золотые руки.

- Лучше бы золото звенело у него в карманах.

- Юля, человек по простоте своей души помогает и много за это не берет.

Подруга с сомнением в глазах почала головой и не замедлила ответить:

- Не верю я в сказки. И ты тоже не спеши с выводами.

Дорога к океану немного утомила меня. В пути мы были два часа, и все это время Изи топталась по моим ногам. Панорама невысоких гор за окном машины мало-помалу привлекла мое внимание. Овцы паслись по всей их высоте и даже на самом верху. На ближайших от нас выгонах их можно было хорошо рассмотреть, но чем выше они были, тем меньше становились, превращаясь на вершинах гор в маленькие темные пятнышки. Все пастбища на склонах разделялись друг от друга на сектора каменной или деревянной изгородью. В некоторых из них не было овец. Как мне объяснила Юля, там выращивали новую траву для будущих выгонов.

Юля сидела на переднем сидении, возле Дана и постоянно поворачивалась ко мне. На этот раз, когда она повернулась, я спросила:

- Это что-то вроде наших дач?

- Тут эти места называют «Караваном».

- Там будет, где мне переспать?

- Если не будет – отправлю к соседям, - засмеялась подруга.

- Я серьезно спрашиваю.

- Чего ты преждевременно суетишься? Приедем, сама все увидишь.

- Такой дурной характер имею.

Даниэль все дорогу молчал. Когда вы подъехали к месту назначения, я сама все рассмотрела. Рядами стояли так называемые вагончики.

- Выходим, - скомандовала Юля.

Первой я выпустила Изи, а потом вышла сама. Вагончиком, к которому мы подъехали, в нашем понимании нельзя было назвать, это был дом на колесах размером 4 на 10

метров. В нем, как я увидела позже, находились две спальни, одну из которых заняла я, совмещенный санузел, кухня и гостиная.

Я была в восторге от увиденного внутри комфорта.

- Кучеряво живете, подружка.

- Все это принадлежит родителям Дана.

- Значит можно сказать – вам.

- Неважно, мы, когда хотим, тогда здесь и бываем.

После обеда мы с Юлей спустились на побережье, Дан со скучающим видом остался возле телевизора. На берегу относительно спокойного океана было много камней огромных размеров, где чайки устроили свой птичий базар, которому не было конца и края. Прохладный воздух, с привкусом моря, казалось, состоял из чистейшего озона, бодрил меня. Я выбрала один из камней, села и стала смотреть вдаль. Серый полукруг океана сливался с таким же серым небом, и мне казалось, что я нахожусь на краю земли.

Я вздохнула и, разведя руки в сторону, воскликнула:

- Эх, хорошо-то как! Обернуться бы белокрылой чайкой и взметнуться ввысь, к солнцу.

- Жаль с погодой повезло, солнца нет, - улыбнулась подружка. - В этом году теплый май, солнечный, но здесь часто идут дожди.

- Вода, к воде тянется, - предположила я.

Юля села рядом и обняла меня.

- Скучаешь по дому?

- И да, и нет.

Мы немного помолчали, и подружка поставила меня в известность:

- Вечером сходим в паб, пива попить.

- Вы же целый ящик взяли с собой!

- И его выпьем, а не выпьем – домой увезем.

- Все хочу тебя спросить, как дочь Софии? Отчим со временем стал лучше относиться к ней?

- Нет, ей пришлось отправить Танечку обратно на родину. Девочка сейчас живет с бабушкой.

- Думаю ей там лучше.

Я стала наблюдать за овцами, пасущимися за каменной изгородью прямо на берегу. Они, как дети, играли в догонялки.

- А кто там с гладкой шерстью среди овец бегают?

- Овцы, только стриженные.

- Надо же. - Я рассмеялась. - Никогда бы не догадалась.

Поднялся ветер. Небо совсем заволочили тучи.

- Что-то похолодало, - поежилась я. - Будем возвращаться?

Мы поднялись и пошли обратно к своему вагончику.

- Завтра поедем на маленьком паровозике, которому 114 лет, вдоль океана и помотришь какие вокруг живописные места, - сообщила Юля.

- Ваш музейный экспонат не развалится по дороге?

- Не говори ерунды.

Вечером меня посетили те же мысли, что и каждый раз, когда приходило время ложиться спать.

Сказав по телефону простые слова: «приезжай, тебе нужно о многом подумать», Юля как бы дала мне установку. Снова весь вечер я думала о Николае.

Мысль о том, что он где-то есть и по всей вероятности до сих пор любит меня, согревала душу, но вот впустить его снова туда – не хватало не то смелости, не то житейской мудрости.

Перед сном Юля зашла ко мне в спальню с бутылкой шампанского. Я с трудом сглотнула, появившейся до ее прихода комок в горле, улыбнулась и бодро сказала подружке:

- О, салют.
- Открывай, а я сейчас сбегая за бокалами и виноградом.
- По-моему это уже лишнее.
- Не умничать в моем доме.

Спорить не имело смысла, но вдруг я вспомнила, кому принадлежит вагончик и поддела подругу:

- Это кстати не твой дом.
- Неважно. Тут в данный момент я хозяйка и попрошу помалкивать.
- Ладно. Сдаюсь. Тащи все, что хочешь.

Бутылочка шампанского пошла на «Ура», после которой Юля начала культурную программу. Я слушала ее песенный репертуар, знакомый мне не один год и молчала, но когда она пошла по третьему кругу и завывала:

- «Люблю и скучаю, ругая себя
Давно понимаю, нет лучше тебя».

Я не на шутку, взбунтовалась:

- Сколько можно, одно и то же?
- И тебя эта песня за душу берет? - вздохнула Юля.

Настал момент проявить характер. Поднявшись из постели, я открыла дверь и рукой указала на дверной проем.

- Девушка освободите комнату, давно пора спать.
- Ах, так. Спокойной ночи, Мисс «Сплошное недовольство».

Возвращение домой выпало на ненастный день, а вернее утро. Небо в непогоду, как душа в минуты сомнений темное и плаксивое. Дождь все ночь наигрывал за окнами свою печальную мелодию, переключаясь с болью моей души.

Я безнадежно грустила, и причиной этой грусти был Николай. Не было сомнений, что я по-прежнему его любила. Любила, но не доверяла.

Годы, долгие годы вдаль от Николая я приучили свое сердце к недоверию, заточила его в каменный панцирь, и освободиться от него уже невозможно. Постоянные сомнения в чувствах Николая будут грызть мою душу до последних дней жизни. Пусть лучше оставить все на своих местах, жить в разных городах одной планеты и иногда предаваться воспоминаниям. Даже, если дети и подруги не поймут меня, я сделаю так, как посчитаю нужным.

Дождь плакал и плакал, и казалось, его потоку не будет конца, как не будет исцеления моей сердечной ране.

На обратном пути мы заехали в замок. Это был даже не замок, а скорее какая-то оборонительная крепость от нападений с моря. Серые каменные стены, почерневшие от длительных дождей, огромные сырые подвалы, куда когда-то бросали пленных, развалины отдельных участков оборонительных сооружений создавали жуткое зрелище. Несмотря на дождь в замке было немало посетителей, которые, не обращая внимания на скользкие дорожки и не заботясь о безопасности, лезли в самые опасные места.

Экскурсия была не по погоде, и я ненавязчиво сказала Юле:

- Домой бы и в теплую постель, а не бродить под этим проливным дождем, боясь сорваться вниз.

Юля вздохнула, пожала плечами и постаралась объяснить:

- Ты понимаешь, Дан любит посещать такие исторические места, и он не мог проезжая мимо, не зайти в сюда.

- Он в этой крепости первый раз?

- Нет.

- Тогда я его не понимаю. Зачем мокнуть под дождем?

Она скривилась, показывая, что ничего в данный момент не решает, и махнула рукой.

- Британцы никогда не меняют своих планов из-за дождя. Вот сегодня вечером мы пойдем втроем в паб, смотреть футбол команд «Манчестер Юнайтед» и «Барселона» и посмотришь, что никакая погода не сможет их остановить от посещения паба. Паб будет переполненный.

- А разве нельзя футбольный матч посмотреть по телевизору?

- Нет. Нельзя, - улыбнулась Юля. - Не тот эффект от увиденного матча.

Шмыгнув носом, я недовольно сказала подружке:

- Пойду в машину, лучше в ней вас подожду.

- Иди, тебе можно. А я из солидарности поброжу под дождем и вымокну вся до нитки.

Я сидела в машине и смотрела, как под натиском ветра гнутся к земле деревья, и вспоминала свою жизнь. Я точно также склонялась, сгибалась и молчала. Ветер не утихал, все испытывал и испытывал деревья на прочность. Где-то неподалеку хрустнула ветка, и я закрыла глаза от сострадания. Нет бы, еще немножко согнуться, уступить силе натиска и осталось бы дерево невредимым! Вот так мы порой сопротивляемся обстоятельствам, вредим себе, калечим себя, доводим до изнеможения, но пути избавления от данной ситуации видеть не хотим.

Редко, но бывали дни, когда Юля вставала утром не с той ноги, и будущий день не предвещал нам с Даном ничего хорошего. Тогда мы в полном смысле этого выражения, ходили на цыпочках, редко появлялись в гостиной или на кухне, предпочитая свои комнаты.

- Что будем завтракать? - спросила я, вошедшую утром ко мне Юлю и тут понеслось:

- Вы что, малые дети? Вечно вам нянька нужна! Совсем страх потеряли.

Я изумилась и стала, как могла, оправдываться:

- Да я просто так спросила. Мне совсем есть не хочется.

Выскочив из моей комнаты, она вихрем понеслась в комнату мужа и оттуда тотчас стала доноситься их перепалка, хорошо хоть на непонятном для меня языке. Насытившись кровушкой мужа, Юля вернулась ко мне и села на краешке кровати. Я сделала вид, что внимательно читаю книгу. Вдруг она еще не весь пар выпустила?

- Ага! Получили с утра пораньше и молчите? - пристально посмотрела на меня Юля.

Плохо воспринимая прочитанное, я умышленно не отрывала взгляда от книги. Она вскочила и откинула в сторону мое одеяло.

- Пойдем вниз. Будем завтракать. - Не услышав ответа, Юля грозно добавила: - Не зли меня, Катька.

Поднявшись и набросив халат, я пошла за подругой. Все равно она была лучше всех. Даже злючкой, ее невозможно не любить.

Даниэль тоже любил свою жену, позволял верховодить им и прислушивался в вопросах бизнеса. Нельзя сказать, что он жалел для нее денег. Как и в каждой семье, здесь были свои «скелеты в шкафу», но, будучи настоящими хозяевами своей крепости, они знали эти непрочные места и оберегали их от недоброго взгляда, чужих вмешательств, чтобы не разрушить этим гармонию своего очага.

На следующий день по плану у нас было посещение «Бинго». Мы решили пройти пешком к центру города, но по дороге встретили Юлину свекровь с подругой. Свекровь ехала на своей машине «BMW» тоже в «Бинго» и подвезла нас.

Юля на этот раз выиграла, чем очень обрадовала меня, мне же по-прежнему не везло. Погода стояла замечательная. Мы отказались от услуг свекрови, и не спеша пошли пешком через парк.

Внимательно рассмотрев Юлину свекровь, я поделилась с подругой своими наблюдениями:

- Твоя свекровь уж больно молодится.

- Еще бы! - усмехнулась Юля. - Кстати, ты бы послушала, что она говорит о браке.

- И что же?

- Ей шестьдесят восемь. Она самостоятельно поставила на ноги троих детей. Мужа никогда не было дома, а если и был, то пьяный в стельку. Сколько раз она порывалась уйти от него. Возможно сотни раз, но все-таки не сделала этого. Теперь, когда дети выросли и муж остепенился, она имеет большой дом, классную машину, ну и, конечно, счет в банке. Вечерами, посещая с мужем пабы, она смотрит на одиноких женщин, и какие бы они ухоженные ни были, сочувствует им. - Она взяла меня под руку. - Еще десять лет и на тебя, Катюша, никто не посмотрит. Сыновья будут иметь свои семьи, а ты останешься одна-одинешенька. Ты этого хочешь?

Я промолчала, тема разговора была крайне неприятна.

- Моя свекровь сильно уговаривала первую невестку простить ее сына, то есть Дана, когда тот, нагулявшись, вернулся к родному очагу. Та не захотела. Теперь ее место заняла я и очень благодарна ей.

- Зачем ты мне это говоришь?

- Ты сама не знаешь, чего хочешь, а вот упорхнет твой Николай, и ты никогда себе этого не простишь.

Словно в подтверждение сказанного на ветке громко закаркала ворона.

- Ну, подбодрила, так подбодрила.

- Добра тебе желаю, поэтому и воюю с тобой.

- А может, мне для счастья нужен человек совершенно другого склада характера?

В ее голосе прозвучало искренне сочувствие:

- Дури кого хочешь, но запомни одну простую истину, мы пешки в игре Всевышнего. Будет так, как угодно небу.

- Ну, это ты заговоришь уже под влиянием библии, - угрюмо сказала я.

- Возможно, но ты к моим словам постарайся прислушаться.

Вечером подруга потянула меня в паб играть в бильярд. Дан поехал с нами. Он взял с собой книгу. Как только мы приехали, он принес за стол пиво, чипсы, орешки и, открыв книгу, не беспокоил нас. Юлия же успевала играть со мной в бильярд и на игровом автомате, который сжирал у нее фунт за фунтом.

Такая игра мне явно была не по нраву, и я озадаченно спросила:

- Подружка, сколько ты в этого железного монстра уже денег бросила?

- Десять фунтов.

- А выиграла?

- Один.

- Сейчас же отойди от того глухонемого ворюги.

Юлия громко засмеялась и обняла меня.

- При чем здесь деньги? Я же играю для удовольствия.

В девять часов утра мы вышли прогуляться по парку. Изи с собой мы не взяли, так как Дан повез ее на прививки. Солнце в такое время года рано показывается на небе, и поэтому было довольно тепло. На аллеях людей к моему большому удивлению оказалось не меньше, чем обычно.

Мы обогнули озеро слева и, немного пройдя, сели на металлическую лавку как раз по центру водоема. Соседнюю лавку заняла семейная пара с маленькой светловолосой девчушкой лет пяти, которая имела при себе хлебушек и беззаботно кормила птиц. Молодые все время миловались, и мой взгляд то и дело как магнитом тянуло в их сторону.

«Он ее видимо очень любит», - подумала я и позавидовала женщине.

К сожалению, мы не догадались прихватить с собой хлеб. Было бы хоть чем заняться. Посидев немного, мы подошли ближе к озеру и остановились у самой воды, любуясь мальками, плавающими на мелководье. Не обращая на нас внимания, на берег важно вышло с десятков гусей разной окраски и стали щипать траву чуть ли не у нас под ногами. К ним присоединились утки и другие мелкие пернатые обитатели озера. Птицы паслись не

торопливо, было видно, что это их привычный утренний моцион. Некоторые из них, отпихивали своих сородичей, отбирая у них лакомые находки. Я с интересом наблюдала за ними.

Вскоре, словно по расписанию, птицы стали приводить себя в порядок – чистить перышки. Причем, это проделывали все особи, и те, которые вышли на сушу и те, которые остались в воде.

Белые лебеди ни в том, ни в другом мероприятии не участвовали. Они сторонились людей, находясь в зарослях на середине озера. Их там как будто что-то удерживало.

Мы отошли дальше от озера, неподалеку от него нашли лужайку с мягкой пушистой травой и сели прямо на нее. Юлия молчала, мне тоже не хотелось ни о чем говорить. Купаясь в любви, мир вокруг меня был счастлив, а моя жизнь напоминала старый, пустой, никому не нужный черепок. Я любовалась растительностью живописного утреннего парка, но больше всего меня привлекали его многочисленные жители.

На деревьях находилось много птиц, и их щебетание, пение, чириканье были неотъемлемой частью этого праздника жизни. На ближайшем дереве сидела пара белых голубей. Голубка была чем-то встревожена, и время от времени, взлетев, облетала дерево и возвращалась обратно. Низко над лужайкой пролетела сорока, за ней устремилась вторая.

«Видимо пара», - вздохнула я.

Снова пролетели две сороки и приземлились возле нас, мимо прошли два непуганых важных скворца, а чуть дальше поднялись ввысь два сизых голубя.

«Все парами», - снова вздохнула я.

На ближайшем дереве я увидела воробьиную парочку и невольно застыла. Они занимались любовью. Воробей то и дело запрыгивал на подружку и спрыгивал, а она щебетала, трепетала крылышками и снова приманивала его к себе. Это, казалось, длилось целую вечность. Мне было стыдно смотреть в их сторону, но я не могла отвести взгляд.

Наконец-то Юлия заметила, куда я смотрю, и поднялась.

- Пойдем, это нам не скоро светит, - снисходительным тоном сказала подруга. - Пора завтракать.

- Пойдем.

Мы вернулись к озеру, и я увидела в зарослях возле пары лебедей пять маленьких птенцов и изумилась:

- Какая прелесть! Ой, а они совсем не похожи на своих родителей.

Юлия улыбнулась, но улыбка ее была невеселой.

- Забыла что ли сказку «Гадкий утенок», но мне хотя бы гадкого утеночка.

Я не стала развивать эту большую для подруги тему и поделилась с ней своими наблюдениями:

- Вот почему лебеди не подплывали близко к берегу, у них потомство. Для них сейчас самое главное – забота о детенышах!

Юлия посмотрела на меня и укоризненно заметила:

- Да, и поэтому они вместе.

- У людей все по-другому.

Оставив озеро, мы пошли по аллее, ведущей из парка. Начало такого прекрасного дня омрачили думы о Николае. Я была молчалива и грустна, и грусть моя была не минутной. Юлия догадалась о причине моего настроения, обняла, собираясь что-то сказать, но в последний момент передумала.

Наблюдая за подругой, я поняла, что Юлия неспроста оказалась в этой стране. Она отличалась от меня и других девчонок силой характера и взглядами на жизнь. Юлия высоко несла свою голову, всегда мечтала с большим размахом и теперь продолжала так же жить – с полной уверенностью о завтрашнем дне. Одним словом – победительница. Подруга любила, прежде всего, себя и в этом была ее жизненная сила. Все должно было

вертеться вокруг нее. Надо такой родиться, чтобы притягивать к себе удачу и, ухватившись за нее, цепко держать. Для нее естественное состояние – быть счастливой.

- Юля, раскрой секрет, почему тебе так везет?

- Не смей мне завидовать! Пока нечему.

- Я не завидую. Но почему – не чему?

Она остановилась и, прислонившись к ближайшему дереву, печально посмотрела на меня.

- Много будешь знать, скоро состаришься.

Когда подруга пошла вперед, ее плечи были опущенные, словно, она несла непосильную ношу, чем разрушила все мои доводы о ней.

Идя следом за Юлей, я попыталась понять ее. При всей вспыльчивости натуры подруга культивировала в себе покорность судьбе и с виду была спокойная и сдержанная, счастливая и успешная, но какой ураган бушевал в ее душе, одному Богу было известно.

Через некоторое время она задумчиво сказала:

- Смирение – это большая сила. Смирившись со своей участью, ты начинаешь замечать все положительные стороны жизни.

- А что же делать со своими амбициями, пусть порой мелкими и незначительными?

- Не на все вопросы имеются ответы. Например, я верю в свою звезду и смиренно жду своего часа. И еще я знаю то, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Юля вернула мне деньги, которые я потратила на дорогу. Она открыла верхний ящик тумбочки, бросила туда пятьсот фунтов и ничем их даже не прикрыла.

- Заберешь, когда будешь ехать домой.

- А разве можно так бросать деньги?

Подруга громко раскатисто засмеялась.

- Не смейся меня. Кто их возьмет? Смотри, здесь везде валяются мои драгоценности.

Она открыла дверцу трельяжа и выудила оттуда грудку дорогих украшений. Многие из них были с бриллиантами.

- На эти деньги у нас на Родине не один дом можно купить.

- Какой ужас! Почему не прячешь?

- От кого?

Я была в шоке. Парадная дверь дома и та, которая вела на задний дворик, закрывались только на ночь. В течение дня кто угодно мог легко зайти в дом, подняться на второй этаж, свободно пройтись по его пустым комнатам, собрать ценные вещи и незаметно уйти.

Не убрав деньги из тумбочки, я взяла себе за правило проверять их наличие утром и вечером. Это было для меня единственной мерой предосторожности и, как выяснилось позже, совершенно не нужной.

Мы пришли по приглашению в один из самых больших магазинов одежды, и тут Юля оказалась в своей стихии. Она устремилась на поиски чего-нибудь особенного, изысканного, необычного. При простоте нарядов соотечественников Дана, Юля одевалась по-особенному. Ее одежда всегда была подобрана с большим вкусом и отлично на ней сидела. Подруга отобрала себе шесть блузок, которые были одна лучше другой, и принялась за меня.

- Возьми себе пару летних кофточек.

- Не надо. У меня есть, что летом носить.

Не обращая внимания на мои возражения, она продолжала перебирать вещи, теперь уже для меня.

- Выбирай, не спорь, я плачу, но две – не больше.

- Ладно.

Я взяла две понравившиеся блузки и протянула их Юле.

- Вот.

- Что ты взяла? В них только ворон пугать.

- Да? Ну, не знаю. Мне понравились.

- Эх, село ты, село!

Выбирая вещи, она принялась меня поучать:

- Главное – они должны быть оригинального покроя и из натурального материала.

Подруга долго перебирала блузки, прикладывала их ко мне и наконец-то остановилась в своем выборе.

- Вот это то, что надо.

- Ты так считаешь?

- Да. Пошли в примерочную. Кстати, не забывай, я тебе отдам весь свой прошлогодний гардероб летних вещей.

- Зачем?

- Село! Начни себя любить. Пора красиво одеваться не от случая к случаю, а всегда. Без этого женщина – не женщина.

- Стараюсь, но не получается. Хорошо тебе, всегда кто-то о тебе беспокоится.

- Не ной, не дитя. Не завидуй, вредно. Не имеешь времени для себя, минус только тебе. Ведь и самой приятно хорошо выглядеть.

Я примеряла блузки и остановилась на одной из них.

- Вот эта мне нравится.

- Отлично. Теперь пойдём выбрать нижнее бельё.

Тут конечно я не могла устоять перед красотой и нежностью шелковых изделий.

- Мне даже не верится, что я смогу ходить в этом. Такими трусиками нужно восхищаться, а не натягивать их на попу.

- Село, это же просто тряпка, - весело сказала подруга, обняв меня.

После обеда мы сделали вылазку на машине в загородный гольф-клуб. На этот раз Дан взял своих друзей по бизнесу, и мы вернулись только, когда хорошо стемнело.

- Да, выгуляли нас мужички, - сказала я, выходя из машины.

- Ну, признайся, здорово же было? - оживленно спросила Юля.

- Не то слово!

Тихое утро пришло на смену ночному дождю. Я долго лежала в постели и слушала, как чирикают неугомонные суетливые воробьи. Окно было открыто и солнце, освещая мою комнату, призывало к подъему.

«Если мне не нужен Николай, и я без него обойдусь, тогда почему так ноет мое сердце вдали от него?» - задавала я себе в сотый раз этот вопрос и в сотый раз не могла на него ответить.

Юля заглянула в комнату.

- Грустишь?

За пустыми словами мы часто маскируем то, что у нас на душе.

- Нет. С чего ты взяла? - с нарочитой веселостью ответила я. - Просто думаю.

Подружка не поверила мне. Покачивая головой, она ухмыльнулась.

- А то не видно? Поднимайся! Сегодня работает привозной рынок. Пойдем за фруктами, а затем снова по магазинам.

- Встаю. Юля, мой приезд твоему мужу не в тягость?

- Что ты? Он вчера признался мне, что давно не слышал от меня жалоб: «Мне скучно, мне скучно!» и потом добавил: «Я рад, что у тебя гостит подруга».

Ее ответом я осталась довольна. Мало ли какие эмоции вызывает у Дана мой приезд. Их нацию трудно понять. Они в основном все сдержанны в проявлении своих эмоций. Это не мы, где многое можно прочесть по выражению лица.

Припарковав машину, мы сходили на рынок, на котором купили абрикосы, сливы, черешню, яблоки, зашли в «Неро» на чашечку горячего шоколада и кренделем с корицей.

- Я буду скучать по этому кафе.

- И только?

- Нет, конечно. Прежде всего, по тебе, Юленька.

Затем мы снова прошлись по магазинам. Походы по супермаркетам доставляли мне массу удовольствия. В какой отдел не зайдешь, то ли в мясной, то ли в рыбный, то ли в кондитерский всюду горы товара и нет никаких очередей. Страна изобилия, да и только. На этот раз ей захотелось к пиву лангустов и крупных креветок.

- Будем сегодня шиковать.

- Как впрочем, и каждый день.

В последнем супермаркете я набралась смелости и попросила Юлю купить сыновьям рубашки.

- Без проблем. Могу купить даже по две.

Я не стала ее отговаривать.

- Вот обрадуются мальчишки.

Домой мы вернулись только к обеду. К этому времени на улице стало довольно тепло, и Юля предложила:

- Давай позагорает на заднем дворике?

- С удовольствием.

Так мы и сделали. Поднявшись в комнату, я переоделась в купальник и взяла книгу. Юля разложила шезлонги и вынесла во двор пиво, креветок и каждой по большому лангусту.

- Ложись, красатуля. Давай ударим по пивку?

- Дай мне пару минут, и начнем.

Вскоре я закрыла книгу и сказала:

- Я наконец-то дочитала хваленную многими «Анастасию» Владимира Мегре.

- Ну, как она тебе?

- Здорово!

- Что ты имеешь в виду?

- Как хорошо, что имеется в действительности такой человек, как Анастасия, а если героиня всего-навсего творческий вымысел автора, тем более хорошо. Надо же до такого додуматься!

Пиво и дары моря ждали меня. Я посмотрела на лангуста и скривилась.

- Ну и как есть этого ракообразного?

- Зубками его, зубками.

- У меня что, акульки зубы?

- Ладно, сейчас позвоню Дану. Пусть проинформирует, я их сама купила первый раз.

Переговорив по мобильному телефону с мужем, Юля весело доложила:

- Нет проблем. В кухонном столе есть специальные щипчики. Сейчас принесу, и мы непременно справимся с панцирем лангуста.

Наслаждаясь деликатесной пищей, мы некоторое время молчали. Юля вспомнила о пакетиках соленого сала к пиву и предложила:

- Принести, будешь?

- Извините. Нужно знать меру, но мясо лангуста мне очень понравилось.

Я подняла голову вверх и увидела, что низко над городом летят гуси.

- Гуси. Куда они держат свой путь?

Юля усмехнулась.

- Не знаю.

Несмотря на теплый день и общество подружки мне почему-то снова стало грустно.

- Все ловлю я себя на мысли, что скучаю по родному городу, по родной улице, по родной речи, одним словом по Украине. Наши корни оттуда и душа болит за свой многострадальный народ, который из-за нужды разбросан по всему миру. Смотришь, как тут люди живут, и мысленно себя спрашиваешь: «Чем же мы, украинцы, хуже британцев, что основная масса населения так бедствует?» Мы хвастаемся, где надо и не надо своими

поездками за границу, а когда же мы будем хвастаться, что живем в такой замечательной богатой стране?

- Ты же знаешь, Родину не выбирают. Может и у нас когда-то будет как у нормальных людей?

- Правильно ты сказала: «Может когда-то?» А в это время жизнь незаметно ускользает сквозь пальцы, я как будто не жила, а полжизни прожито. Другой уже не будет? И вообще, стремишься куда-то, живя с надрывом, остановиться бы, осмотреться, да куда там. Некогда!

Подружка сочувственно покачала головой.

- Как я тебя понимаю, Катюша. Ты вся в работе. Купи себе машину, начни жить на полную катушку, хватит чего-то выжидать.

- Ты так считаешь?

- Подружка, у тебя всегда была заниженная самооценка, а ты же сейчас бизнес леди. Живи соответственно.

- Думаешь приятно строить бизнес на одолженные деньги? Мы до сих пор не вернули деньги Дану.

- Ну и что? Перетопчиться. Готовься сегодня выиграть миллион и вернешь долг.

- С радостью, но вряд ли с моей удачей это получится.

Вечером мы поехали в игровой комплекс «Бинго» и там снова встретили Юлину свекровь. Она была со своей подругой и, весело помахав нам, пригласила за соседний столик. Все столики были двухместные. Мы присели возле них. Небольшие суммы в течение игры выиграли Юля, ее свекровь, подруга свекрови, но не я. Мне катастрофически не везло. Не приходило последнее число. Чему тут, собственно, удивляться? А когда мне везло? Объявили последнюю игру суммой выигрыша 2000 фунтов и зал на мгновение замер. Выиграла старушка в возрасте далеко за восемьдесят. Она одиноко сидела за одним из столиков, непрерывно качая головой. Мне даже сначала показалась, что она не поспевает за игрой. Когда она крикнула, подавая знак что, выиграла, мне стало плохо. Зачем в ее годы такая огромная сумма денег? Куда она их потратит?

Я больше не видела Хайдена. Возможно, он звонил, желая со мной встретиться, но Юля об этом мне не сказала. У нее было свое виденье моей будущей жизни, и, похоже, наши дальнейшие встречи с Хайденом не входили в ее планы. В последнюю нашу встречу меня что-то оттолкнуло от него. Я не чувствовала искренности в его поступках, в них было больше игры чем естественности. Сидя рядом со мной, он просто рисовался в глазах других. Я видела глаза мужчин, которые были тоже не прочь со мной познакомиться и поэтому завидовали ему. Но, увы, ни один мужчина, находившейся в том зале, да и во всей Вселенной, не мог заинтересовать меня так, как когда-то это сделал Николай. Как ни странно на моем жизненном пути не было мужчины достойнее его.

Попытки Юли познакомить меня с холостым соседом или партнером Дана, я пресекала на корню.

- Юля! Я не хочу больше никаких знакомств. Спасибо, но мне никто не нужен.

Она поражалась моей пассивности, возмущалась, уговаривала и просто ставила перед фактом.

Потеряв терпение, Юля сдалась:

- Тогда приготовься к встрече с представителями молодого поколения Великобритании. Сегодня у нас в гостях будут дети Даниэля.

- Вот и отлично.

Я уже однажды видела сыновей Даниэля, и они мне показались воспитанными и сдержанными мальчишками. Младший сын отлично учился в школе, мечтал быть врачом, а старший сын подавал надежды в профессиональном футболе.

Наконец настало утро. Я всю ночь во сне играла в бинго и, к сожалению, как и в жизни, проигрывала. Уступив моим просьбам, Юля сделала на завтрак творожную запеканку с изюмом. Любимые британцами бекон или сэндвич были явно не моей пищей.

Выйдя с фитнес клуба, где она меня погоняла по многим тренажерам, подруга снова предложила прогуляться по магазинам.

- У нас же все есть! - удивилась я.

- Просто так, узоры снимем. Я в основном без тебя все дни сижу дома.

- Не ври.

Юля с досадой пожала плечами.

- Ну, даже если какое-то мероприятие и намечается, оно же не занимает весь огромный день? Смотри, сейчас только одиннадцать и обед еще не скоро. А после обеда сколько времени?

- Ладно пошли.

Нам по дороге в супермаркет попался небольшой магазинчик «Польский деликатес».

- Зайдем? - предложила подруга.

- А что там ценного есть?

- То, чего нет в местных магазинах: огурчики соленные, капуста квашеная, семечки.

- О-о-о! Заходим.

- Сегодня, в твой последний день пребывания здесь, я на обед приготовлю жаркое со свинины. Помнишь, как ты любила его у меня дома уплетать?

Я вспомнила Юлины угощения и вздохнула. Когда это было!

- Что ни говори, подруга, а привычная пища вкусней.

- А под водочку так вообще объедение! Может, нальем сегодня за обедом по пять капель? А то мы все с тобой – шампанское, мартини. Совсем окультурились.

- Согласна.

После обеда мы собрались в ближайший паб. Надо было немного растряссти жирок и, как сказала подруга, добавить себе впечатлений. Даниэль был очень занят, и мы пошли вдвоем.

- Хорошо, что хоть ты любишь пешие прогулки.

Я довольным взглядом обвела цветущие клумбы, кустарники, растущие вдоль дороги, и беззаботно ответила:

- Ведь прогулки так полезны. Да и как можно в подобный день сидеть дома? Сегодня день такой прекрасный, как сама любовь.

- Хорошо сказано. Но ты, же знаешь, что британцы везде ездят на машинах, даже в парк, в магазин, к которым рукой подать.

- Я это заметила, и если честно сказать не приветствую.

В пабе мы встретили отца Дана, он был с друзьями, но это не помешало ему подняться, обнять нас и усадить за свой стол. Он перемолвился парой- тройкой слов с Юлей и пошел к бару.

- Сейчас принесет пиво.

Я недовольно покачала головой.

- На полный желудок пить пиво?

Она с заговорщическим видом вполголоса ответила:

- Будешь делать видимость, что пьешь. Ты видишь, сколько здесь мужчин? Сейчас с кем-то познакомишься.

- Ой, я тебя умоляю! Ты же обещала!

- Не трепыхайся!

Желающих познакомиться со мной было действительно много. Пока свекор Юли стоял в очереди за пивом, к нашему столу подошло несколько мужчин. Они что-то лепетали на своем языке, обращаясь ко мне, пока к нам не вернулся свекор подруги. Он их, недолго думая, разогнал.

- А что дедуля им сказал? Они все так быстро разбежались.

- Не умеете говорить на русском языке – идите и учите его, а то налетели на бедную девушку, как осы на мед.

- Ясно.

- Нам хватит и тех, которые сидят за нашим столом. Тренируйся.

Она оказалась права, я понемножку стала общаться с мужчинами, даже выдала пару шуток. Юля, будучи во власти своего игривого настроения, говорила без передышки.

К нашему столу подошел сравнительно молодой парень, очень похожий на Дана и, обняв Юлю, поцеловал в щечку.

- Младший брат мужа, - объяснила она. - Джордж.

- Понятно.

Мужчина пошел к бару сделать заказ, а я в это время предложила подруге:

- Может, ты вызовешь Дана? Пусть отдохнет с родственниками, а то как-то неудобно без него.

- Хорошая идея, - согласилась она и полезла в сумочку за мобильным телефоном.

Домой мы возвращались уже втроем. В коридоре возле входных дверей Юля обнаружила с почтой какую-то цветную открытку и запрыгала от радости.

- Пришло на твое имя приглашительное в «Бинго». Я думала, оно не успеет до твоего приезда, поэтому молчала о нем.

Я удивленно посмотрела на подругу.

- А чего оно пришло?

- Такие приглашения высылают всем новичкам. Придя с ним, ты можешь играть бесплатно.

- Ух, ты! Значит, мы сегодня опять идем в «Бинго»?

Юля помахала перед моим носом бумажкой, щелкнула пальцами и весело сказала:

- Конечно!

- Даже если ничего не выиграю, то не так обидно будет.

Подруга показала мне кулак.

- Не настраивай себя на проигрыш. Ты сегодня обязательно выиграешь. Готовь мешок для денег.

Я засмеялась.

- Он всегда при мне. Через сколько выскакиваем?

- Через час.

- Пойду в свою комнату морально готовиться.

- Не так надо готовиться. Идем на кухню за мартини. Надо выпить для храбрости.

Мы зашли в игровой зал за двадцать минут до игры и, заняв места и разложив буклеты с числами, стали ждать начала. Юля, чтобы успокоить меня, предупредила:

- Не волнуйся. Я буду следить за тобой.

- Зачем?

- Вдруг пропустишь какое-то число?

- Ладно.

Первая часть игры не порадовала нас. Были неплохие комбинации, но до победы всегда не хватало одного числа, то ли это была игра «одна линия», то ли «две линии» и то ли «домик».

Объявили начало игры в Национальную лотерею. На табло высветилась сумма выигрыша – 200 фунтов.

Юля наставнически сообщила:

- Приготовься, последний шанс. Тут сразу нужно заполнить все числа одного из «домиков».

Только теперь я поняла, что значит везение. Один за другим называли числа, которые у меня имелись.

- Мне осталось одно число «25», - шепнула я Юле.

- Вижу. Сосредоточься.

- Твенти фай.
- Ура! - закричала я в один голос с подругой, но она сообразила, где находится и дернула меня за рукав.
- Тихо, а то подумают, что мы дикари.
- Мне плевать. Главное, что я выиграла.
- Азарт, Катюша, страшное дело!
- Знаю, но я еще желание загадала. Вот так-то, - рассмеялась я, до сих пор веря в сказки.

На следующий день я покидала свою любимую подружку. Благодаря ей, эта дивная страна снова восстановила мои подорванные силы и вселила надежду. Юля зашла перед самым сном и села на краешке кровати.

- Катюша, запомни, что я тебе скажу, лучше ничего не предпринимать, чем сделать что-то непоправимое и до конца дней жалеть об этом.

- Ладно.

- То, ради чего мы живем, находится в самом сердце, за семью замками, и не сразу разберешься, что к чему.

Я предпочла промолчать.

- Нет более щедрого подарка дарованного свыше, чем любовь. - Ее голос изменился и стал настойчивее. - Любовь – это единственное, что может дать женщина мужчине, иначе она не женщина. Любовь – это единственно-важное, что может получить женщина взамен на свои чувства. Не торопись. Позволь событиям идти своим чередом.

- Постараюсь.

Слушать, я слушала, но в душе не соглашалась с подругой. У меня были на этот счет совершенно другие планы, я склонялась к решению оставаться для Николая недостижимой. Пусть он идет своей дорогой и постарается устроить свою личную жизнь без меня.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ НОВЫЕ ВРЕМЕНА – НОВЫЕ ТРЕВОГИ

Возвращение домой было безрадостным. На мое настроение не мог повлиять даже цветущий за окнами благоуханный май. Новая квартира, которой я так поначалу восхищалась, уже не радовала меня. Чувство одиночества и незащищенности давили на меня со страшной силой. Одна, опять одна со своими вечными проблемами. Снова впрягаться в работу и от зари до зари пропадать на строительных объектах. Ну что поделаешь, чтобы преуспевать, нужно проявлять упорство, трудится не покладая рук и меньше хандрить.

Николай позвонил только на третий день. Кто-то ему видимо доложил, что я уже в городе.

- Привет, пропажа.

- Привет.

Голос его звучал оптимистически.

- С возвращением на родную землю.

- Спасибо, но постарайся меня не беспокоить. У меня много дел, для которых нужно много сил, и мне не хочется тратить их на перепалки с тобой.

Он оставил без внимания мой недовольный тон и все так же жизнерадостно спросил:

- Где была? У Юли? Как отдохнула?

- Какая разница? Мне некогда с тобой разглагольствовать. Много дел.

- Ага. Значит, ты для себя решила объявить мне вторую за историю человечества столетнюю войну?

- Запомнил? Между нами больше двадцати лет нет мира. С тех пор как ты предал меня.

В трубке послышалось сначала чертыханье, а затем недовольный голос Николая:

- Ладно, пока. Надеюсь, ты в скором времени перебесишься, и мы серьезно поговорим. Та девица, Марина, которую ты приревновала ко мне, родила и ее муж очень счастлив. У них сын. Может и нам пора подумать...

Я бросила трубку и, злая на весь мир стала искать в квартире пятый угол.

«Зануда! Вот и поговорили по душам! Погоди у меня!»

Сначала я склонялась к тому, что лучше сразу разорвать все отношения с Николаем, пусть с кровью, с болью, но навсегда. Не стоит добивать себя постоянными сомнениями в правильности поступка. Он заслужил на такой исход отношений. Но так я думала только первый час, потом страх, что он больше не позвонит, не придет, не обнимет и вовсе исчезнет из моей жизни, заставил меня усомниться в правильности моих действий. Что я, бестолковая, делаю? Вспомнив Юльку, которая говорила: «Лучше ничего не предпринимать, чем предпринять что-то непоправимое», мои мысли путались, и я уже не знала что худо, а что хорошо.

Звонок в двери застал меня врасплох. Я ни на минуту не усомнилась, что это Николай. Дав себе слово, быть с ним мягче и любезнее я побежала открывать дверь. На пороге стоял Борис Борисович. Мужчина нервно покусывал губы и ждал приглашения войти. Одет он был даже очень прилично.

- Мимо проходил. Решил зайти.

- Заходи, - расстроенным голосом сказала я, пропуская его вперед.

Разговор не ладился и, да и как он мог ладиться, если я даже чай человеку не предложила. Вскоре Борис Борисович понял что ни до чего не досидится и ушел.

Ночью тяжелые мысли долго не давали мне уснуть. Они словно птицы, опережая одна другую, несли меня на своих крыльях к Николаю.

Все подруги давно имели вторую половину и, как мне казалось, были довольны своей судьбой. Даша жила с Сан Санычем душа в душу. Он совсем прекратил пить, округлился и перестал бегать по одиноким соседкам с мыслью о горячей тарелке супа. Дома после работы его всегда ждала приветливая жена и сытный ужин. Черные траурные костюмы и застиранные светлые рубашки сменились на модные вещи. Он полностью преобразился и от того отпугивающего, насквозь проспиртованного типа, которого я увидела первый раз у Даши, ничего не осталось. Их разница в годах не сильно бросалась в глаза, так как, выйдя замуж, Даша вскоре подобрела и приобрела вещи на несколько размеров больше. Этому способствовала спокойная размеренная жизнь и появившийся в семье достаток.

Шурочка продолжала осыпать вниманием и заботой своего вечно брюзжащего мужа. Он поправился после сложной операции на сердце, даже набрал немного в весе и наконец-то стал мягче относиться к жене. Иногда торопясь с работы домой, я бежала через городской парк и встречала их там, не спеша прогуливающих по аллеям. Они всегда о чем-то мило беседовали и напоминали мне воркующих голубков, которые прожили душа в душу основную часть своей жизни, и даже на склоне лет не могли надыхаться друг другом.

Юля вообще жила королевой. Дважды побывав у нее, я убедилась, что такая лотерея как ей, выпадает из тысячи женщин одной.

Лишь я чувствовала себя как неприкаянная. Я сторонилась Николая, не отвечала на его звонки и при встрече вела себя как чужая. Вбив себе в голову, что он может разрушить мою жизнь до конца, я решила, несмотря ни на что порвать с ним. Пусть общается с сыном, но только не со мной.

Мое свободное время мало-помалу стал заполнять Борис Борисович. Он был не в моем вкусе, но к его присутствию я постепенно привыкла. Часто провожая меня после работы домой, Борис Борисович жаловался на всех женщин планеты, и мне ничего не

оставалось делать, как выслушивать его нытье. Как-то он решил полностью раскрыться передо мной и поведать историю своей жизни:

- Нет веры женщинам. Вы только послушайте, Катя. Поехал работать за границу, терпел все неудобства – голод, жару, тяжелую работу, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась, все деньги жене отправлял, а когда приехал, меня не пустили даже на порог собственной квартиры, которую я же и купил. Мое место к тому времени было занято. В нем жил новый, более удачливый хозяин, чем я. Вот тебе и порядочность отдельных женщин. Дочь даже не решилась открыть мне дверь. Ее открыл сожитель жены и спустил меня с лестницы. Я не из хиленьких мужичков, но он превосходил меня и в росте и в силе.

- Да, неприятно. У каждого видимо есть своя житейская история и не всегда безоблачная. Представляю, что тогда творилось у вас на душе, - посочувствовала я бедняге.

- Ничего, я креплюсь. У меня еще все будет: и дом, и в доме, и, конечно, хорошая хозяйка.

Он с надеждой посмотрел на меня, но я отвела взгляд.

- Надеюсь. Мы все на что-то надеемся. Порой, когда рушатся наши последние надежды, мы, слишком уставшие от невзгод и поражений, чтобы как-то отреагировать на случившееся. Случилось, да и случилось.

- Тут я с вами не согласен. Я оптимист, здоровый авантюрист и поэтому добьюсь своего.

Я ничего не ответила, но все же его исповедь запала мне в душу. Не сомневаясь в правдивости его слов, неожиданно для себя я стала проявлять к Борису Борисовичу сострадание, а затем и интерес. В какой-то момент мне показалось, что он достоин моего внимания. Сначала Борис Борисович просто провожал меня домой, затем стал забегать по выходным без предупреждения на чашку кофе, а затем и вовсе предложил переехать ко мне.

- Мне нужно подумать, - ответила я без всяких эмоций.

В тот вечер, оставшись одна в четырех стенах, я задумалась над предложением Бориса Борисовича. Может и в самом деле выйти за него замуж и пусть уж будет хоть кто-нибудь рядом? Годы-то бегут, их не остановить. Борис Борисович, по крайней мере, не разобьет мое сердце на крошечные осколки, которых никогда не собрать, там нечему уже разбиваться.

Часы на стене показывали полночь, а мне все не спалось, и чем больше я думала, тем отчетливей понимала, что такой побег от реальности у меня уже был, когда я вышла замуж за Андрея. Снова повторить ту же ошибку? А вдруг повезет, и мирное сосуществование с Борисом Борисовичем под одной крышей окажется не таким тягостным, как первый брак?

Есть десятки улиц в городе, по которым можно ходить всю жизнь и при этом никогда не встретиться со знакомыми, но это не касается центра. Я шла по главной улице с Борисом Борисовичем и рассказывала ему о последней поездке к Юле. Интересной информации, с которой мне хотелось поделиться, было так много, что до сих пор я не успела все ему рассказать. Увлечшись приятным занятием, я болтала без передышки, не обращая внимания на случайных прохожих. Предчувствие того, что я могу встретить кого-либо из знакомых, совсем оставило меня, и только натолкнувшись на неожиданное препятствие, я остановилась, подняла глаза вверх и увидела Николая.

- Извините, - сказала я и собралась его обойти.

Николай схватил меня за руку и попытался оттащить в сторону. На его скулах играли желваки, и весь он напоминал хищного зверя, причем, не в лучшем настроении.

- Надо поговорить.

Я не сдвинулась с места и посмотрела на него с напускным равнодушием.

- Не сегодня.

- Мне нужно срочно что-то тебе сказать.

- А мне некогда.

Глянув испепеляющим взглядом на рядом стоящего со мной Бориса Борисовича, Николай ухмыльнулся.

- Когда же у тебя появится свободное время?

- Как появится, я сразу позвоню.

Он отпустил мой локоть и процедил:

- Ладно, проходите, голубки сизокрылые.

Снова смерив взглядом Бориса Борисовича с головы до ног, он повернулся и пошел к проезжей части, на которой в неполюженном месте оставил свою машину.

Немного успокоившись, я спросила невозмутимого Бориса Борисовича:

- Ты видел, как он на тебя смотрел?

- Как?

- Пренебрежительно.

- Да? Не заметил. Вот урод!

Какую-то часть дороги мы шли молча. Затем мне вовсе захотелось плакать, и я, отделавшись от Бориса Борисовича, пошла домой. Там, по крайней мере, никто не увидит моих слез.

Порой я не могла уснуть до утра, всю ночь напролет размышляла о разрыве с Николаем, искала в этом хоть что-то положительное и не находила. Редкие встречи с Борисом Борисовичем, таким мягкотелым и безучастно плывущим по течению, не приносили никакого удовлетворения. Первые полчаса - час я выслушивала его уже известные мне проблемы, а потом уставала. Мне становилось скучно и неинтересно. Одно и то же изо дня в день. Как будто я не знала, как сложно, а порой и жестоко, устроен наш мир. Я безуспешно старалась найти в Борисе Борисовиче хоть что-то, что могло отвлечь меня от Николая. Это были два совершенно разных человека, один как солнце ослеплял своей незаурядностью, другой же, как стоячее болото, затягивал в пучину безразличия. Все мои мысленные дороги по-прежнему вели к сильному, всегда уверенному в своих силах Николаю.

Время бежало, прошла первая часть июня, дети уже собирались домой на летние каникулы, а я продолжала находиться на распутье. Я так и не позвонила Николаю, боясь быть смешной или глупой в его глазах, но все реже и реже стала видаться с Борисом Борисовичем.

«Буду ждать Юлю. Вот приедет Юля, Юля мне поможет», - часто с иронией думала я, боясь сделать неверный поступок.

Воскресным вечером за неделю до приезда сыновей, ко мне с визитом пожаловал Николай. Время было не позднее, и я впустила его. Он был выпивший и явно не в духе. Зайдя в комнату и усевшись на кресло, Николай, смотря на меня в упор, спросил:

- Сколько еще ждать твоего звонка?

- Я была занята. Будешь чай?

Он не ответил, а поднялся и неровной походкой заходил по комнате, а затем резко остановился возле меня и гневно спросил:

- Ты спишь с тем недоумком?

Я почувствовала, как кровь хлынула к моим щекам.

- Что ты себе позволяешь?

Николай поднял мой подбородок и посмотрел прямо в глаза.

- Я спрашиваю, а ты отвечай. Не испытывай моего последнего терпения.

Было что-то унижительное в его поведение и мне захотелось сказать, что это не его дело, но я побоялась разозлить Николая еще больше.

- Ты дар речи потеряла? Не слышу ответа.

Оттолкнув его руку, я как можно спокойней ответила:

- Нет, не сплю, - и немного помолчав, добавила: - Но он сделал мне предложение.

Лучше бы я не гневилась и без того рычащего зверя.

- Ты моя и только моя! Слышишь?

Он сгреб меня своими громадными лапищами и как пушинку бросил на кровать. Сопротивляться было бессмысленно, но сразу уступить ему я тоже не собиралась. Привык, что все ему легко достается.

- Отпусти! Чудовище! Выматывайся из моей квартиры! - сердито закричала я.

На что он только рассмеялся и весело произнес:

- Глупышка, даже не пытайся вырваться. Я и так долго терпел твои выходки.

Но никто не собирался вырваться с любимых объятий. Сколько же порой нам нужно времени, чтобы признать какие мы упрямые и действительно глупые.

Я всю ночь не отпускала руку Николая, боясь проснуться и не застать его рядом.

Подруги жили своей размеренной жизнью. Они большую часть своего времени уделяли мужьям, детям, дому, чего не скажешь обо мне. На первом месте у них была семья, которой у меня практически не было. Я была вся в заботах о бизнесе, продала вторую квартиру, купила четвертую, а затем и пятую. Мне все реже и реже удавалось встречаться с ними. Да и о чем с ними говорить? О борщах и кашах?

Даша снова нашла меня на объекте и пригласила к себе в гости. Они с Сан Санычем сделали в квартире ремонт, купили новую мебель и решили похвастаться.

- Постараюсь как-нибудь забежать.

- Приходи, посидим как в старые добрые времена.

- Впрямь уж и добрые, - не согласилась я с подругой.

- Только приходи одна. Я наслышана о твоём новом женихе.

Я удивленно уставилась на подругу.

- От кого?

- Ты же знаешь, от меня трудно что-то утаить?

- Да, уж, - ответила я, не собираясь расстраивать Дашу, что её информация давно устарела.

После ухода подруги я задумалась над тем, что-то нужно радикально менять свою жизнь. Может и вправду купить себе машину, как советовала Юля и почувствовать себя богатенькой невестой?

Однажды возле магазина «Стройка» я дожидалась, пока мне погрузят металлические двери и другие стройматериалы, смотрела на багровый закат солнца и осознавала, что ещё один день пролетел безвозвратно.

- Катя! - окликнул кто-то меня.

Я оглянулась. Расставив широко руки, навстречу мне шла, улыбаясь, Люся, моя бывшая сотрудница по овощной базе. Одета с иголочки и с хорошим макияжем, женщина выглядела превосходно. Благодаря ухоженному лицу и модным тряпкам, Люси нельзя было дать его годы. Я невольно пожалела, что на мне снова старая блуза и потертые джинсы. Мы обнялись.

- Какими судьбами?

- Приехала родных навестить и пятидесятилетний юбилей отметить.

Мы отошли в сторону.

- Здорово. Как работаете на чужбине?

- Не жалею. Недавно дом сыну купила. Себе денег прикопила. Да что мы стоим, пошли, где-нибудь посидим.

- Не могу. Я жду стройматериалы. Ремонт затеяла.

- Где ты работаешь? Все там же на базе сторожихой?

- Да.

Он, явно жалея меня, покачала головой.

- Глупые наши бабы здесь за копейки вкалывают, а я там не только деньги зарабатываю, но и удовольствие получаю.

Я с любопытством посмотрела на Люсю, не сразу сообразив, к чему она клонит.

- Не поняла. Ты о чем?

- Любовника заимела, итальянца.

- Я и не думала, что в пятьдесят лет это так актуально. Что тут скажешь? Молодец, - подыграла я Люсе.

Бывшая сотрудница расплылась в довольной улыбке.

- Ему шестьдесят три, женат, богат и щедр.

Такие отношения мне трудно было понять, и я промолчала, но на лице, по всей вероятности, отразились мои мысли.

- Ой, что я тебе рассказываю, ты всегда была, как не от мира сего.

Люся взглянула на часы и заторопилась.

- Ой, опаздываю, Катюша. У меня назначено романтическое свидание. Может, завтра увидимся? Твой номер телефона – прежний?

- Да, - солгала я.

- Позвоню.

- Звони, конечно.

При всей своей загруженности, только за пару дней до приезда сыновей я сделала в квартире генеральную уборку и наполнила холодильник продуктами. Пусть отдыхают себе на здоровье!

Ни свет ни заря Николай выехал за детьми в Киев, а я, решив все свои неотложные дела на работе, приготовила праздничный ужин – любимые блюда сыновей и стала дожидаться у окна. Я соскучилась, очень соскучилась, и полностью забыла старые обиды. Обижаться на детей, все равно, что обижаться на себя.

Увидев подъехавшую машину, я открыла входную дверь и вышла на лестничную площадку. На первом этаже послышались довольные голоса сыновей и Николая. Они по-прежнему ладили между собой и сейчас на ходу обсуждали предстоящий отдых.

- Живее поднимайтесь, я уже заждалась!

Перескакивая через несколько ступенек, дети преодолели лестничный пролет и повисли у меня на шее.

- Как хорошо, что мы, наконец, дома! - сказал старший сын.

- Мамочка, как я скучал по тебе! - признался младший.

- Я тоже за вами скучала. Проходите, стол накрыт.

Поднявшийся следом по лестнице Николай, весело беззаботно спросил:

- Как тебе наши орлы?

Перехватив настороженный взгляд Владимира, я улыбнулась и спокойно ответила:

- Такими взрослыми серьезными стали.

За столом разговор зашел о машинах и Владимир радостно воскликнул:

- Не могу дождаться, чтобы сесть за руль своего «Форда». Как часто я мечтал с ветерком прокатиться по городу!

- Только будь осторожен, - предупредил его Николай. - Последнее время в городе много аварий.

- Ясное дело, отец.

- Я тоже решила купить себе машину, - как бы, между прочим, сказала я.

Все трое посмотрели на меня, но у каждого при этом были свои мысли. Николай явно огорчился, Виталий обрадовался, а Владимир резко заморгал глазами.

- Ты? - изумился старший.

- Да, я.

- Зачем она тебе?

- Затем, зачем и вам всем.

- А права?

- Я уже посещаю вечерние курсы по вождению.

Николай почему-то решил, что я покупаю машину назло ему. Он какое-то время чувствовал себя крайне раздраженно и наконец-то, когда мы пили чай с домашним пирогом, изъяснился:

- Большой глупости, чем покупка машины, нельзя себе придумать.

Я крепко обхватила чашку двумя руками и так сжала, что казалось, она вот-вот треснет.

- Мое право, что хочу, то и делаю.

- Вот это и плохо.

Сыновья промолчали, и оставшееся время застолья были излишне молчаливы, что я даже пожалела, о начатом разговоре.

Постоянные советы Николая отказаться от покупки машины, действовали мне на нервы. Его взбесила и сама идея, заложить квартиру, чтобы взять ссуду в банке для покупки машины. Он не знал, что я уже несколько раз пользовалась услугами банка, когда покупала последнюю недвижимость и, когда не хватало денег на ремонты. Не знаю, с каких соображений, но он банкам не доверял.

Мы сидели на кухне и ждали сыновей из кинотеатра. На отключенной газовой плите стоял завернутый в полотенце ужин.

- Зачем тебе машина? Молодых альфонсов приманивать?

- Что ты городишь? На машине за день можно намного больше успеть. Я устала зависеть от общественного или наемного транспорта.

- Попроси меня, и я тебе помогу.

- И тебя не хочу просить.

Наступила гнетущая тишина. Николай на время задумался, подыскивая внушительные аргументы, я тоже была занята своими мыслями. Затем он задержал взгляд на мне и с тяжелым вздохом сказал:

- Володя будет выручать. Он на каникулах.

Я стала раздражаться. Зачем везде совать свой нос?

- Да что ты пристал? Кто тебя спрашивает? Я хочу иметь свою собственную машину и точка!

В конце концов, Николай понял, что я не отступлюсь от своего решения и, всплеснув руками, выдвинул свой последний аргумент:

- Одумайся, тебе рано деньги от бизнеса отрывать, и кредит – тоже не выход!

- Что ты меня учишь? Надоел со своими наставлениями. Немаленькая!

Что Николай мог сделать с моим упрямым характером? Испробовать еще раз достучаться до моего разума, и он отчаянно сказал:

- Катенька, это очень опасно, поверь мне.

Я ухмыльнулась и едко произнесла:

- Прошли те времена, когда я заглядывала тебе в рот и ждала, что ты скажешь. Я сделаю так, как посчитаю нужным.

- Сумасшедшая!

- Так не водись с такой.

Послышались знакомые голоса за дверью, и мы замолчали. Ни у Николая, ни у меня не было никакого желания посвящать сыновей в наш разговор.

Когда через пару дней Владимир пришел домой, по его угрюмому лицу я поняла, что сейчас предстоит серьезный разговор. Пройдя в мою комнату и сев в кресло, он начал в резкой форме, как это он делал последнее время, выяснять отношения со мной:

- Почему ты не выходишь за отца замуж?

- Не хочу.

- А спать с ним в одной постели от случая к случаю хочешь?

Я впервые растерялась, не зная, что ответить наглему, но потом взяла себя в руки и строго сказала:

- Что ты себе позволяешь? Не забывай, я твоя мать.

Сколько я раз надеялась, что именно старший сын станем мне опорой в старости, похоже, ошиблась.

- Я не один день думал, прежде чем задать тебе этот вопрос и пришел к выводу, надо быть совсем без мозгов, что постоянно отказывать отцу.

Изумленно посмотрев на сердитое лицо сына, я поняла, что он не только не умеет прощать, он еще пытается навязать свое мнение.

Чему удивляться? В последнее время Владимир вел себя как человек, который ни перед кем не обязан отчитываться, не говоря уже об уважении к старшим.

- Ты ведешь себя как последнее ничтожество!

Он ехидно усмехнулся.

- Не отходи от темы.

Я вымученно улыбнулась и ответила:

- Могу и по теме. Еще раз повторяю, я не хочу быть женой твоего отца.

- Почему?

- Объясняю как взрослому неглупому человеку, я не доверяю Николаю Владимировичу. Пусть скажет спасибо, что я вырастила ему сына.

Я могла бы еще многое добавить, но мне не хотелось сказать такого, о чем потом пожалею.

Владимир встал и прошелся по комнате.

- На что ты надеешься в свои немолодые годы?

Мне трудно было подобрать нужные слова, с которыми можно было достучаться до сердца сына. Возможно виной тому возраст, возможно, характер, возможно, еще что-то, но вряд ли мои попытки увенчаются успехом.

- Только на себя, - вздохнула я, и устало добавила: - Сынок, поверь, мне никто не нужен.

- Не ври! Корчишь из себя бизнес-леди и мечтаешь, как тетя Юля, рвануть за границу? Вот и английский язык по вечерам зубришь.

Я не сдержалась и показала на дверь.

- Уходи! Дай мне отдохнуть. Меньше всего я ожидала вырастить такого грубияна как ты!

- Как ты не поймешь, что со временем будешь жалеть, что потеряла отца? - с горечью в голосе сказал старший сын.

При всей своей резкости выражений, Владимир желал мне добра.

- Я уже не единожды теряла Николая Владимировича и как видишь, до сих пор жива. Тебе не понять, что с ним мне будет неспокойно. Он бабник!

Сын подошел и попытался обнять меня, но я отстранилась.

- Может, когда-то это и было, но сейчас он любит только тебя.

- Володя, оставь этот разговор! Что ты знаешь о любви в свои юные годы?

- Больше, чем ты себе предполагаешь. У меня есть невеста и вскоре намерен жениться.

- Почему я слышу об этом первый раз? - недовольно спросила я.

- Я предпочитаю делиться только с отцом.

Владимир вышел и хлопнул дверью, оставив меня с открытым ртом. Я совершенно не узнавала своего сына. А может я его и вовсе не знала? Оставшись одна в своей комнате, я искала ту единственную невидимую ниточку, за которую можно ухватиться и прийти к моим прежним отношениям с сыном. По моим щекам текли слезы, но их я совсем не замечала.

«Может это всего-навсего запоздалый переходной возраст и со временем все наладится?» - тешила я себя надеждами, ложась тем вечером в постель.

Юля с мужем, как и обещала, прилетела в середине июня. Я привела ее квартиру в порядок, поменяла воду в аквариуме, полила цветы и на первое время заполнила холодильник.

Мы с Николаем встречали их в аэропорту. Как только подруга приехала домой, то сообщила мне, что еще в Британии переговорила с Даниэлем и теперь намерена часть времени проводить на строительных объектах, то есть с головой окунуться в наш совместный с нею бизнес.

Приняв ее слова как должное, я собралась на следующее утро показать подруге третью квартиру законченную после ремонта и две другие, недавно купленные, в процессе ремонта. Но как выяснилось, Юле это было совершенно ни к чему.

- Я через час встречаюсь с Павлом, - весело прощелбетала она, как только мы вышли из ее дома.

- Да?

Она вздохнула, обняла меня и честно призналась:

- Сильно скучала за ним. За месяц до приезда сюда я звонила ему и сообщила о своих планах на лето.

- И что он?

- Обрадовался и ждет.

Мне всегда трудно было понять действия неугомонной подруги, но то, что она редко оставалась в проигрыше, мне было хорошо известно.

- Неужели до сих пор любишь?

- Очень.

- А как же Дан?

- Уважаю.

Я закивала головой и мне поучать подругу.

- И то хорошо. Не боишься неприятностей?

Юля улыбнулась своей беззаботной красивой улыбкой и весело сказала:

- Я ничего и никого не боюсь, устала жить в страхе, но планы у меня на время пребывания здесь грандиозные. Хочешь, поделюсь?

Желая остановить подругу, я замахала руками.

- Ни в коем случае! Мне хочется спать спокойно.

Правда, мои пожелания о безмятежном сне были всего-навсего сладкими иллюзиями. Подруга в первый же день, оставшись довольной ремонтом третьей квартиры, забрала ключи от нее и велела заниматься оставшимися.

- Я отключаю мобильный телефон, и для всех меня нет.

- А муж?

- Катюша, позаботься о нем.

Я испугано вытаращила глаза.

- Как это?

- В обед поведешь в ресторан, а вечером в парк на летнюю площадку, пива попить.

- Ты сошла с ума!

- Знаю.

И это было именно так. Приехав в родной город, Юля порой исчезала на весь день, и невозможно было ее отыскать. Мне, безмерно любившей свою подружку, приходилось врать Даниэлю, что она очень загружена делами, а точнее поисками строительного материала для четвертой и пятой квартиры, встречами с покупателями третьей квартиры и много чего другого, но больше всего меня беспокоили наши встречи с Даном и так называемый разговор немного с глухим. Ночами я зазубривала фразы, которые должна

была сказать Даниэлю на следующий день, но в нужный момент половину слов вылетало из моей головы, и я чувствовала себя крайне беспомощной.

Встреча давних подружек была запланирована на воскресенье. Юля решила шикануть на полную катушку и пригласила всех в ресторан «Ностальжи». Даниэля она с собой не привела. У нее после девичника были свои планы.

Был теплый тихий вечер, и поэтому мы сели в летнем зале ресторана. Красивая плетеная мебель, вышколенные официанты и изобилие живых растений произвели на меня приятное впечатление, но когда принесли меню, и я заглянула в него, у меня перехватило дух: цены были астрономические.

После того, как всем подали салаты и поставили водку на стол, Юля поднялась и грустно сказала:

- Прежде чем будем веселиться, я хочу, чтобы мы помянули Светлану. Она в этом году собиралась вернуться из Италии на Украину, но не вернулась. В последний день Светочка очень торопилась и, переходя улицу, попала под машину. Ей уже не суждено увидеть троих своих детей и мужа.

Несмотря на то, что мы знали об этой ужасной истории, у девчонок увлажнились глаза, и я тоже смахнула слезу.

- Она была душевным человеком и большой труженицей, - добавила к речи Юли Шурочка.

- Ломовая лошадь, одним словом, - печально произнесла Даша.

Перед глазами встало лицо Светланы Илларионовны. По возрасту она была старше всех нас, да и по душевным качествам стояла на голову выше многих. Если Юля была вдохновителем коллектива на «прогрессивные» дела, то Светлана была духовным наставником. Хочешь повеселиться – идешь к Юле, хочешь поплакаться – направляйся к Светлане.

Когда нашу базу продали с молотка, ей было уже пятьдесят, но она еще и тогда оставалась видной интересной женщиной. Ее высокая красивая прическа и черные, едва тронутые сединой волосы всегда нравились мне. Я постоянно поражалась: как можно успеть собрать в школу троих детей, да еще так профессионально уложить волосы. Статность слегка полноватой фигуры Светланы не меньше прически была объектов обсуждения многих наших девчонок. Как можно было до таких лет и при наших условиях работы сохранить прямую спину, ровные плечи и легкую походку?

Мы поднялись и молча выпили за упокой души Светланы Илларионовны. Царство ей небесное.

Утром казалось, что вся земля купается в ярких солнечных лучах. Тепло, безмятежность, умиротворение переполняли и мое сердце. Вырядившись в светлые шорты и батистовые блузки, мы с Юлей поехали в автосалон выбирать машину. Я все-таки решила на этот серьезный поступок. Рассчитывая на дальнейшее процветание своего бизнеса, часть денег на покупку машины я взяла в банке в кредит. Юля поддержала меня, чего не скажешь о Николае, но я все же надеялась, что он побурчит, побурчит и успокоится.

В салоне нас обступили несколько симпатичных молодых людей и стали засыпать комплиментами. Я впервые ощутила уверенность, которую приносят деньги и даже позабавилась данной ситуацией.

Юля оценила обстановку в автосалоне и с улыбкой шепнула:

- Видишь, еще машину не купила, а какое внимание со стороны мужчин?

- Знаю я цену этому вниманию. Они из кожи вон лезут, чтобы мы приобрели машину именно в их салоне.

- Вот село! Все перекрутит на свой лад. Нет, чтобы сказать, что мы красавицы.

- Естественно, красавицы, - улыбнулась я.

Молодые люди и в самом деле уделили нам много внимания, рассказывая о преимуществах каждого выставочного образца. Они усаживали в салон то одной, то другой машины и спрашивали о наших ощущениях.

- Чувствуют, что мы не только пришли поглазеть, но и купить, - тихо сказала мне Юля.
- Ясное дело. У них глаз наметан.

Удобно усевшись в машине марки «Сузуки», я откинулась на спинку сидения и спросила рядом сидящую подружку:

- Ну, как тебе эта машинка? Берем?
- Бесспорно.

Затем Юля пристально посмотрела на меня, но я не сразу поняла к чему этот взгляд.

- Зачем тебе этот неудачник?
- Ты о ком? - удивилась я.
- Сама знаешь о ком.

- Дашка доложила? Эта сплетница? Борис Борисович хороший человек. Жена страшно обидела его.

Я без лишних эмоций и в общих чертах рассказала подружке о беде своего помощника.

- Стольких мужиков жены обидели, так что всех жалеть надо?

Я промолчала, а Юля вопросительно взглянула на меня.

- Он тебе нравится?

- Как все нормальные люди, которые окружают меня. Я тебе о нем говорила в Британии, он был без работы, и я его взяла к себе. Вот и все.

От подружки не так легко было отделаться.

- Не все. Дело даже не в том, что этот твой Борис Борисович – неудачник. Любовь не выбирают, она сама приходит, без предупреждения и остается с нами иногда навсегда. Судя по твоим словам, ты его не любишь, так зачем на него время тратишь? - в завершении требовательно спросила подруга.

- Что мне дала моя любовь? А с Борисом Борисовичем мне спокойно, да и он понимает меня с полуслова.

- Этого мало, поверь мне, мало, чтобы убить чувство, которое живет в твоём сердце! Если бы ты была бесчувственной куклой, то можно было пойти на такой шаг, как брак с кем попало. - Она вспомнила Андрея и с горечью добавила: - Мало тебе Андрея? Ты ни с кем, кроме Николая, не будешь счастливой.

Я нахмурилась. Юля говорила истинную правду, но как не хотелось с ней соглашаться.

- Не ровняй всех по себе.

Юля недовольно покачала головой и укоризненно сказала:

- Это удар ниже пояса, Катюша, но я хотя бы выбрала вольготную жизнь, а не прозябание, как ты, с первым мужем.

- Еще сама для себя ничего не решила, а вы все поучаете меня, как маленького ребенка, - теряя терпение, ответила я.

- Ты иногда ведешь себя, как ребенок.

Мы уплатили в кассу аванс, договорились о сделке на завтрашний день и вышли из салона. Решив прогуляться в такой погожий день по центральной улице, вскоре подошли к магазину «Книжный ряд».

- Зайдем, я куплю тебе сказку «Колобок», - с улыбкой предложила Юля.

- «Колобок?» Зачем?

- А ты догадайся.

Когда мы вошли в магазин, к нам тут же подошли две приятные молодые продавщицы.

- Вам что-то подсказать?

- Спасибо, сами разберемся.

Юля повертела в руках несколько книжек и одну показала мне.

- Вот, смотри: «Семь секретов личного счастья». Возьми, почитай. Может, поможет?

- Чем?
- Советами. Естественно.
- Пойдем отсюда. У нас умеют давать советы на все случаи жизни.
- Нет уж, я куплю эту книжечку, - настояла подружка. - Может, и для себя что-то умное извлеку.

Продажу третьей квартиры, мы отметили пышно, посетив с нашими мужчинами ресторан «Бомонд». Николай неплохо знал английский язык и составил компанию Даниэлю, который сидел за столиком рядом с ним. Они вскоре разговорились о бизнесе, дав нам возможность поболтать о своих делах.

- Нехорошо. Опять Дану долг не отдали? - шепнула я Юле на ухо.
- Главное, что мы честно поделили прибыль между собой, - хихикнув, беззаботно ответила подружка.
- А как же он? - с изумлением я отнеслась к словам Юли. - Меня совесть мучает.
- Перебьется, не бедный. У женщин тоже должны быть деньги и немалые, чтобы им легче дышалось. Я в Англии открыла счет в банке и постоянно пополняю его средствами из своего пособия.

Я искренне удивилась:

- Какого пособия? Ты мне ничего не рассказывала.
- Значит, забыла похвастаться. Я ведь не работаю, а там о таких малоимущих людях, как я, государство заботится.
- Что-то я не заметила твоей бедности.
- Не важно. Положено – отдайте!
- Все хочу спросить, как поживают твои английские подружки?
- Елена, когда мы летели сюда, собиралась с мужем в Рим, Аманда с подружкой в Испанию.
- Не дурно, - позабыв о скромности, позавидовала я.
- Представь себе, у нас это все доступно. Людмила через пару дней после твоего отлета из Великобритании укатила с дочерью во Францию, посмотреть Париж. - Юля улыбнулась, словно прочитала мои мысли. - Да, Катюша, умеют некоторые дамы достойно устроить свою личную жизнь.

Я не собиралась делать безразличный вид, и поэтому тяжело вздохнул, призналась:

- Слушаю тебя, и зависть берет. Сама не прочь поглазеть на Париж, Рим, или хотя бы на Санкт-Петербург.

Юля хихикнула и беззаботно с самодовольным видом сказала:

- Я свою возможность посмотреть мир, не упущу. Просто еще не время.
- В ком в ком, а в тебе подружка я не сомневаюсь.

Заиграла музыка и мужчины, оторвавшись от своего разговора, пригласили нас на медленный танец.

Борис Борисович при каждой встрече продолжал настаивать на женитьбе, а вернее – на сожительстве, но я не спешила с ответом, хотя порой его предложение казалось мне донельзя унижительным. По всей вероятности, не каждый мужчина способен на серьезный поступок – женитьбу. Большинство из них стараются просто удачно присоседиться на чужой кровати.

Со временем я поняла, что Борис Борисович мне совершенно не нужен и стала удивляться самой себе. Почему прямо не сказать человеку «нет»? Почему столько молчать и обнадеживать человека? По всей видимости, бегу от себя и при этом нуждаюсь во временном попутчике? Любой ценой отвлекаю себя от Николая и при этом продолжаю делать непоправимые ошибки? Как по мне, жизнь меня ничему не научила.

В конце концов, я решилась объяснить с Борисом Борисовичем и после работы попросила его провести меня домой. Ни о чем, не догадываясь, мужчина на протяжении

всего пути прожужжал мне уши о совместном проживании. Когда мы подошли к моему дому, Борис Борисович взял мою руку и жалостливо сказал:

- Я надеюсь, Катенька, что пройдет время, ты оценишь меня, как незаменимого в твоей жизни человека, и скажешь «да». Я спокойный, в быту нетребовательный, все умею делать собственными руками.

Высвободив руку и набравшись храбрости, я честно сказала:

- Это еще не повод жить под одной крышей. Нужны чувства.

- Не думаю. Что дали мне мои чувства к бывшей жене? Ничего, кроме разочарования.

Я взглянула на Бориса Борисовича и мягко, стараясь не ранить его самолюбие, сказала:

- И все же чужие люди перестают быть чужими благодаря чувствам. У меня к вам нет никаких чувств. Простите, вы предлагаете совсем не то, что мне нужно.

Его лицо вытянулось, и он удивленно спросил:

- Ты не можешь простить мне своих сыновей? Мои придирки к ним?

- Я такого не сказала.

- Это была моя единственная ошибка в наших с тобой отношениях. Дети для матери – все!

- Зачем теребить старые обиды? Теперь я знаю, мои сыновья не святые. Возможно, я не слишком хорошо их воспитала, но дело не в них.

Борис Борисович был далеко не сообразительным человеком и продолжал толочь воду в ступе.

- Детей воспитывают не только родители, но и все, кто их окружает.

Я устало покачала головой и грустно сказала:

- Дело совершенно не в детях, а чувствах. Я не люблю вас.

- А кого же ты любишь? - Борис Борисович словно проснулся и заморгал глазами. - Того богатого красивого щеголя, Николая Владимировича? - мрачней на глазах, спросил он.

- Не важно.

- Может...

С каждой минутой общения я теряла свое последнее терпение и прервала мужчину:

- Всего вам хорошего. Надеюсь, мы никогда больше не вернемся к сегодняшнему разговору. Теперь у нас с вами будут только деловые отношения.

- В таком случае я больше не работаю на тебя, - с обидой в голосе, поставил меня перед фактом Борис Борисович.

- Как хотите.

- Попробуй сама справляться со всеми теми делами, которые ты взвалила на меня, и потом оценишь настоящих мужиков.

- Ничего, до вашего появления работала, жила, и после вас еще сто лет проживу. Прощайте.

Как ни странно, меня совсем не мучили угрызения совести за то, что я отказала Борис Борисовичу. Учась у своей подруги Юли, я мало-помалу стала меньше придавать значение тому, что думают о моих поступках другие люди. На всех не угодишь.

Во второй половине месяца к нам в Украину пожаловал Хайден. Его без моего ведома пригласил Даниэль. Он открыто симпатизировал старому холостяку и сделал все возможное, чтобы вытянуть его на родину своей жены и поспособствовать развитию моих с Хайденом дальнейших отношений. По всей видимости, два британца имели в отношении меня свой стратегический план и не собирались его раскрывать до последнего.

Юля позвонила мне по мобильному телефону и сообщила:

- Катюша, у меня для тебя новость.

- Хорошая?

- Приходи, узнаешь. Мы с Даниэлем сидим на летней площадке «Розовый фламинго» и ждем тебя. Будь неотразимой.

- Зачем? Что ты уже надумала? Признавайся, - попыталась я хоть что-то выудить у Юли, не безуспешно.

Перед тем как выключить мобильный телефон, она лишь сказала:

- Не задерживайся.

Наша с Хайденом встреча произошла без особых эмоций. Мы с ним больше походили на случайно встретившихся людей, чем даже на хороших друзей.

Юля, наблюдая за нами, назидательно шепнула:

- Он к тебе приехал. Делай с ним, что хочешь, главное меня не впутывай. У самой дел по горло.

Заявление подруги просто взбесило меня.

- Я тебя об этом просила?

- Все муж, я здесь совсем не причем. - Юля указала пальцем на Дана и подмигнула. - Хайден прилетел лишь на десять дней. Успокойся, переживешь.

- Где он остановился? Или прикажешь тянуть его к себе домой?

Юля пожалела меня, не стала больше испытывать моего терпения и немедленно разъяснила ситуацию:

- Хайден поселился в гостинице. В основном с ним будет Дан, а тебе надо хоть раз в день им на глаза показываться.

Я успокоилась, не ругаться же с подругой из-за такого пустяка.

- Показываться на глаза?

- Ну да! Ходить с ним по ресторанам и помогать тратить деньги. Поняла?

- Ты хочешь сказать, что тебя рядом не будет? - Подружка изобразила хитрую рожицу.

- Понятно. Ты не боишься, что меня с ними кто-то увидит?

- А разве тебе самой не все равно?

- Все равно, - буркнула я.

Слухи о том, что ко мне приехал иностранец, вскоре дошли до Николая. По всей вероятности, доложили мои мальчишки; я однажды позвала их поужинать с нами в кафе и заодно познакомить. На этот раз Николай решил действовать наверняка и пригласил меня с сыновьями к себе в гости. Я почувствовала что-то неладное, но отказать детям не смогла и речь действительно за столом зашла за наше с Николаем будущее.

После визита к Николаю Володя затеял мне новый скандал. Он не мог простить мне очередного отказа от предложения его отца и под вечер, войдя в мою комнату, с напором, как это он умеет, заявил:

- Не желаю, больше оставаться с тобой под одной крышей. Ты жестокая и бессердечная. Я ухожу жить к отцу.

Вот и расти детей, сотый раз подумала я и попыталась вразумить Владимира:

- Сына, не делай мне больно. Не уходи. Будь умницей. Ты ведь хороший и добрый парень. Я знаю.

Казалось, мои ласковые слова еще больше разозлили Владимира, и он резко ответил:

- Ошибаешься. Это я раньше таким был и второе, даже не подумаю оставаться в твоём доме. Притворщица!

Пора было ставить своего взрослого эгоиста на место, и я спокойно, даже слишком спокойно сказала:

- Ну, что ж, скатертью дорожка.

Чтобы сделать мне больнее, сын с издевкой добавил:

- Я больше не вернусь к тебе никогда. Слышишь, никогда.

- Переживу. Когда ты был маленький и тяжело заболел, тебя положили в больницу одного. Тогда я впервые подумала, что не переживу этого. Я часами простаивала под окнами больницы, и мне не был страшен ни лютой мороз, ни темная ночь. Когда ты упал в школе и повредил себе ключицу, я опять думала, что не переживу. Я сутками просиживала у твоей постели и молила Бога об одном, чтобы ты выжил. Когда тебя

однажды вечером в старших классах из-за смазливой девчонки избили парни из соседнего двора и оставили на стройке умирать, я, обливаясь слезами, проискала тебя всю ночь, то снова думала не переживу, если что-то с тобой случится. А сейчас ты вырос, уже на две головы выше меня, стал такой самолюбивый, своенравный и слышишь голос только своего разума. Сейчас я точно знаю, что переживу твой уход. Повторяюсь, скатертью дорожка.

Похоже, мой красноречивый монолог не дошел до сознания сына. Он был слишком занят своими надуманными обидами и уверенный в своей правоте.

Весь вечер я сидела в своей комнате и надеялась на чудо, но его не произошло. Владимир молча собирал свои вещи и ушел. Когда за старшим сыном захлопнулась дверь, я почувствовала себя раздавленной и выжатой как лимон. Мою материнскую душу словно вынули и грязно над ней надругались. Живи, если сможешь! В моих глазах стояли слезы, но веки были сухими. Хотелось упасть на кровать и разрыдаться. Но поможет ли это? Могла ли я предвидеть такие тяжелые моменты в моей жизни, когда растила сыновей?

Я как побитая собака поднялась из кресла и стала бесцельно бродить по пустой квартире, беря в руки то одну, то другую ненужную мне вещицу. Что-то надо было делать, и я взяла мобильный телефон и позвонила Юльке.

Через два дня вслед за Владимиром ушел Виталий; не может долго ниточка оставаться без иголки. Эту утрату я пережила легче. Младший сын изрядно волновался перед тем, как сообщить мне такую новость. Я снова сидела в том же кресле, погруженная в свои невеселые думы и слушала его надломленный голос:

- Mamochka, мне нужно с тобой переговорить.

- Говори, если нужно.

- Когда Володя уходил из дому, я был у отца и не мог его остановить, но поддерживаю я брата или нет, не обижайся, должен быть с ним. Сложный у него характер, поэтому я стараюсь больше молчать, но по большому счету нужен ему. Это только внешне он такой боевой, но в его душе клокочет обида.

Я подняла брови и с удивлением спросила:

- А на что ему, собственно говоря, обижаться? Что он так сильно был обделен жизнью? Нашел в ком видеть врага – в родной матери!

Лицо у Виталия страдальчески наморщилось.

- Мама, может он скоро одумается, и мы вернемся?

- А с кем в это время должна быть я? Со своими тяжелыми думами?

- Все еще наладится, мамочка, вот увидишь, он отходчив, - вздохнул по-стариковски Виталий.

- От чего ему отходить?

- Ты же знаешь, Володя хочет, чтобы вы с его отцом были вместе. Это естественно. Я тоже иногда вижу с своим отцом и мне горько, что вы не вместе, но я молчу, а Володе, в силу его характера, хочется настоять на своем.

- Завтра ему захочется, чтобы я свою душу вытянула и на тарелке преподнесла?

Я встала и подошла к окну.

- Можешь передать Владимиру, что я на него серьезно обиделась и видеть его больше не желаю.

- Ты же знаешь, я ему такого никогда не передам.

- Вот и плохо! Избаловали мы его своей деликатностью, что ты, что я.

Когда Виталий покинул дом, я не плакала, не рыдала, не кляла судьбу, я просто неожиданно прозрела. Глупо отдавать себя в жертву другим и при этом надеяться на их любовь, уважение, сострадание.

Утро было жарким и парким, как обычно перед дождем. Вся вспотевшая и взъерошенная, я, оставив неотложную работу, приехала на встречу к Юле, даже не

догадываясь, что сегодня мы будем не одни. Она сидела на летней площадке кафе «Розовый Фламинго» и потягивала через соломинку вишневым сок.

- Что стряслось? Почему ты меня так срочно вызвала?

- Есть дело, садись.

- Какое?

Когда к нашему столику уверенной походкой подошел Николай, я догадалась, какое это дело.

- Что ты здесь делаешь, похититель детей?

- Меня пригласила Юля.

Глянув на спокойное выражение лица подруги, я открыто возмутилась:

- Ага, как же, так я тебе и поверила. Ты сам напросился.

Подружка оторвалась от сока и пришла на помощь Николаю.

- Это моя идея с вами обоими встретиться.

- Зачем?

- Не спеши. Сначала культурная программа, а потом все остальное. Кто что будет пить?

Николай с улыбкой поднял руку вверх и вежливо предупредил:

- На правах мужчины, я угощаю.

Подошла официантка, приняла заказ и ушла.

- Катюша, не пора ли устроить свою жизнь? Жених хоть сейчас готов идти в ЗАГС.

- Мне это приходилось слышать не один раз, - колко заметила я.

- Тогда в чем дело?

- В чувствах. Как я могу к нему относиться, если он настраивает против меня детей?

- Катенька, что ты такое выдумала? Ты просто с ними слишком строга.

Я проигнорировала ответом, хотя при всей бравате Николая не могла не видеть его хорошо спрятанную в глазах печаль.

- Юля, ты только послушай, что он болтает? Они ведь совсем от рук отбились. Неизвестно, где ночами бродят, приходят, когда им вздумается, а я хоть слово сказала? Нет. Но стояло мне отказать этому красавчику, как все ополчились против меня.

Подруга нежно погладила меня по плечу и осторожно сказала:

- Может, стоит сделать ход конем и выйти за Николая замуж?

- Ты тоже против меня? - ахнула я. - Да он мальчишек просто купил, а они по неопытности повелись! Представляешь, он же с ними на дискотеку бегают! Чему он может их научить? Крутить любовь с девицами? Как можно за такого ловеласа замуж выходить?

Николай звонко рассмеялся.

- Катюша, да я там, в роли охраны.

- Юля, вот видишь, что горюдит? - Я повернулась к Николаю и едко сказала: - Дорогой, ты никогда не задумывался, зачем им нужен? Только как денежный мешок!

Подруге не понравилось мое высказывание, и она фыркнула, открыто поддерживая Николая:

- Катюша, да тебя просто ревность глохнет!

- Возможно. - Я укоризненно глянула на подругу, она явно забыла с кем дружит, и строго добавила: - Мне нужен муж, который, который...

Юля с Николаем рассмеялись и в один голос закончили за меня:

- Который любит тебя и всегда будет рядом с тобой!

С напускным равнодушием я посмотрела на Николая и кивнула.

- Да! Вот именно!

Он раскрыл объятия и жизнерадостно вскрикнул:

- Так вот он – я! Как раз такой, как тебе нужен!

Нам принесли заказ, чему я очень обрадовалась. Продолжать разговор этими заговорщиками было бесполезно.

Хайден был для меня все десять дней, словно костью в горле. Мне приходилось каждый день выкраивать для него время и, мало того – составлять культурную программу! Больше всего бесило то, что я ежедневно накручивала пешком с Даном и Хайденом немалые дистанции, и потом не оставалось сил для работы. Они привезли с собой фотокамеры и решили запечатлеть старинные с красивой архитектурой жилые дома и другие постройки нашего города. Только сейчас, бродя с ними по старому городу, я осознала, сколько у нас дивных творений зодчего искусства 18 - 19 века. Юля по-прежнему «бросала меня под танк», а сама исчезала на большую часть суток. Теперь с ее подачи я была нянькой уже двум иностранцам. Одно радовало: набродившись, они могли часами просиживать за бокалом пива на одной из летних площадок города и мирно общаться. На их настроение, казалось, ничего не могло повлиять. Предательница Юля благодаря мобильной связи находила нас и то на несколько минут, чтобы перекусить и снова исчезала.

- Дела не ждут, - повторяла она на английском языке, чмокая мужа в лысину.

Наконец-то время моих попыток подошло к концу. Хайден покидал Украину. В прощальный вечер Юля соизволила остаться с нами. Мы сидели на летней площадке кафе «Океан», которую давно облюбовали иностранные гости и наслаждались приятным общением два на два. Я с Юлей говорила на разные темы, вплоть до ее частых свиданий с Павлом. Иногда незнание языка – великое дело. О чем беседовали мужчины, нам совершенно не было интересно.

К концу вечера Хайден наклонился к Юле и что-то сказал ей на своем родном языке. Подруга мило улыбнулась и перевела:

- Ой, Катюша, он делает тебе предложение.

- Предложение? Замуж зовет? - растеряно спросила я.

- Да. Что сказать?

«Допрыгалась», - была первая мысль, которая пришла в голову и тут же исчезла. Нужно было срочно как-то реагировать.

«И все из-за Юльки», - пролетела в голове, не решавшая никаких проблем, вторая мысль.

Три пары глаз внимательно смотрели на меня, а я не знала, что делать: смеяться, плакать или провалиться сквозь землю.

Из создавшейся тупиковой ситуации Юля выкрутилась сама, сказав Хайдену, что я пока не готова выходить за него замуж.

Дан шепнул что-то жене на ухо и подруга тут же перевела мне:

- Муж говорит, что это не ответ. Тут надо или «да», или «нет».

- Тогда «нет», - ответила я, тут же чувствуя огромное облегчение.

- Вот и отлично. Пошел он вон, - засмеялась подруга. - Даже оба пускай идут туда. Ой, нет. Я горячусь.

Теперь смеялась и я. Мой отказ Хайдену не омрачил нам с подругой вечер. Мы ели тигровые креветки, пили холодное пиво и наслаждались звуками приятной музыки.

Я выручала подругу, как могла, но ее просьбам не было конца. На этот раз она пригласила меня с Павлом в ресторан, как пару, чем сильно разозлила.

- Как ты себе это представляешь? Что обо мне подумает твой муж?

- Пусть тебя это не волнует, - безразлично ответила подруга. - Ты в поиске и неизвестно когда он закончится.

- Что ты болтаешь? Какой поиск? Николай, Хайден, теперь Павел. Он подумает, что я гуляющая девка.

Подруга умоляюще посмотрела на меня. Она выглядела озадаченной.

- Ну, выручи, будь другом.

Все это мне было не по душе, и на время задумавшись, я поставила подруге условие:

- Хорошо, но ты расскажешь всю правду, зачем тебе это надо?

Юля на какие-то секунды опустила взгляд, но когда подняла на меня свои глаза, я увидела у них не знакомый мне ранее блеск. Они блестели особым счастьем.

- Я беременная. - Подруга сделала паузу. - Представляешь, Катюша, я беременная.

- Ну, а причем здесь Павел?

- Вот село!

Я сначала хлопала глазами, но потом до меня дошло, и я ахнула.

- Да ты что?

- Я тебе ничего не говорила, ты сама это сказала.

Мне стало страшно за подругу, и я испуганно произнесла:

- И что ты собираешься делать?

Юля повертела указательным пальцем у себя возле виска, давая этим понять, что у меня не все дома и рассмеялась.

- Глупая, рожать буду, как все нормальные бабоньки.

- Павел знает?

Подруга повторила манипуляцию с указательным пальцем и весело спросила:

- Зачем? Это будет ребенок Дана и точка. Просто я скоро уезжаю, и мне так хочется с ним пойти в ресторан, посидеть, выпить шампанского, потанцевать. Ты же не против, если твой ухажер будет и меня приглашать на танец?

- Нет, конечно.

Глядя на мою растерянность, Юля продолжала беззаботно улыбалась. Она была блаженна тем истинным женским счастьем, которое испытывает каждая из нас, узнав о себе такую потрясающую новость. Все остальное ее совсем волновало.

Я дала слово подруге, что приду с Павлом и сдержала его. Дан, в самом деле, с огромным разочарованием весь вечер смотрел на меня и даже в конце его сказал жене, что не ожидал такого от скромной с виду женщины.

Владимир дулся ровно три недели. Вернувшись усталая домой, я застала детей дома. Я ни словом не обмолвилась о своих переживаниях за эти долгие дни и бессонные ночи и, быстро приготовив ужин, пригласила сыновей за стол. Сначала все предпочитали молчать, не спеша пережевывая пищу, а затем Володя начал свой нежелательный допрос:

- Мама, ведь ты любишь отца?

- Да, люблю, сынок, - честно призналась и встала из-за стола.

Неужели и сегодня мы будем толочь воду в ступе. Ох, уж эти дети. Кто-кто, а теперь-то я знала, что от них чего угодно можно ожидать в любую минуту.

- Мамочка, почему ты не хочешь быть с отцом?

- Я не перенесу, если он еще раз оставит меня - угрюмо ответила я, нервно измеряя шагами кухню. - Он красивый, удачливый, богатый, нравится женщинам, а кто я?

- Мама, ты очень хороша собой, особенно когда приводишь себя в порядок. У тебя свой бизнес, квартира, машина.

- Если смотреть на меня как на мать, то да, - кивнула я.

Володя покачал головой, не соглашаясь со мной.

- Не только.

- Я же лучше знаю. Не забывай, сколько мне лет.

Вернувшись домой, старший сын не собирался мериться с тем, что мы с Николаем живем порознь и грустно сказал:

- Все-таки я тебя не понимаю.

- Я не переживу если снова потеряю твоего отца, - ответила я, стараясь сдержать слезы.

- Папа говорил, что очень любит тебя.

Я вздохнула и беспомощно развела руками.

- Он и тогда, сын, так же говорил. Нет, я не смогу жить в страхе, снова быть брошенной. Люди по-разному переживают предательство. Меня оно просто заживо похоронило и лишило шанса хоть когда-то быть счастливой.

Некоторое время мы молчали, и я даже подумала, что разговор исчерпал себя, но Владимир снова с отчаянием в голосе заговорил:

- Мама, я очень тебя люблю, но и отца люблю не меньше. Разве ничего нельзя сделать? Я печально улыбнулась и вспомнила, сколько раз я сама себе задавала этот вопрос.

- Не всегда складывается жизнь так, как мы того хотим. Я тоже люблю тебя, сынок, но поверь мне, отец быстро утешится, если услышит от меня окончательное «нет». Такие красавцы, как он, долго не бывают одни.

- Мама, но это несправедливо, прежде всего, по отношению к тебе!

В разговор вмешался Виталий, который весь вечер не проронил и слова.

- Пусть мама поступает так, как считает нужным. Главное, чтобы ей было хорошо. Мой отец тоже не против вернуть ее, но я же, Володя, не даю на нее.

Старший сын покосился на младшего брата, но промолчал. Не ошибусь, если скажу, что Владимир вернулся домой, будучи намного сдержанней и уступчивей.

Юле до отъезда оставалось несколько дней. Она, как настоящая подруга, хотела видеть меня счастливой, и поэтому серьезно взялась за дело. В этот раз она заловила меня на своей кухне и пристала как банный лист. Дан в комнате читал книгу, которых привез полчемодана, и ему было все равно, чем целый час на малюсенькой кухоньке занимается его жена.

- Нормальный же мужик Николай! Любит тебя. Определись же ты, наконец, глупая! Время не стоит на месте.

Юля сварила кофе и одну чашку подала мне. Я сидела за ее кухонным столом и не желая того сама, расстраивалась из-за скорого отъезда подруги. Мне не хотелось ее отпускать от себя.

- Ты слышишь, что я тебе говорю.

- Слышу. Зачем мне Николай? В душе давно шумит осень своей опавшей листвой, скоро и вовсе зима. Это в молодости важно – быть не одной, а с возрастом к одиночеству привыкаешь и находишь в нем определенные плюсы.

- Ты не права.

- Права! Все нужно делать в свое время.

- Не дури, Катюша, и не приписывай себя к старухам. За твоей болтовней скрываешь что-то более важное. А ну давай, колись.

Не желая вечер переводить на пустые разговоры, я с грустью посмотрела на Юлю и вздохнула. Как не хотелось, чтобы подруга уезжала. Когда еще она снова приедет?

Юля грохнула сахарницей по столу, напомнив о себе.

- С чего ты взяла? - спокойно спросила я.

- Читаю по твоим глазам.

- А-а, понятно.

Юля обняла меня и чмокнула в щеку.

- Рассказывай, что тебя сейчас гложет? Учти, я беременная, мне отказывать и лгать нельзя.

Я покосилась на ее живот, которого еще и в помине не было, немного помолчала и призналась:

- Боюсь! Всего боюсь! Боюсь быть с ним, боюсь остаться без него. Боюсь, что Николай снова меня бросит, и мое сердце не выдержит. Боюсь, что он устанет ждать и найдет другую женщину.

Юля всегда могла заглянуть в самую душу и выудить из нее все что пожелает. Вот и сейчас она это сделала.

- Бедная моя подруженька! Кто же тебя так запугал?

Я проглотила ком в горле и, еле сдерживая слезы, печально сказала:

- Жизнь! Мне кажется, что я недостойна его, и как бы я ни тянулась к нему – все равно останусь в его глазах серой пугливой мышкой. Он такой видный, он такой красивый, он такой...

Подружка погладила меня по голове, как маленькую несмышленную девочку, и мне еще больше захотелось плакать. Благодаря слезам, я в детстве могла выпросить у мамы, все что пожелаю. Сейчас же я понимала, не все слезами вымолишь.

- Внущаешь себе невесть что. Он обычный мужик. Ты не хуже его, Катюша, поверь мне. У тебя просто заниженная самооценка.

- Это я уже слышала в свой адрес и не один раз, но мне от этого не легче. Я все равно всего боюсь.

- Эх ты, неуверенная в себе глупышка.

- А откуда взяться той уверенности? Из воздуха?

Юля вытерла у меня под глазами первые непрошенные слезинки и строго сказала:

- Лично с ним переговорю. Пусть только посмеет обидеть мою подружку.

Я тут же всполошилась и простонала:

- Юля, только не это! Я хочу оставить все на своих местах. Мне так будет легче.

Рядом с ним я моментально сотлею, как тот уголек на ветру!

- Но это не выход – молчать. Как ты не понимаешь?

Я закрыла глаза и замотала головой.

- Хочу быть одна, одна, одна!

- Хоть мне не ври. Ты хочешь быть с ним и только с ним.

Открыв глаза, я приложила палец к губам, давая понять подруге, чтобы она замолчала, словно нас кто-то мог услышать.

Я гнала машину к морю, если восемьдесят километров в час можно назвать большой скоростью. После сдачи экзаменов в ГАИ это была моя первая самостоятельная поездка. В салоне кроме меня находились Павел и Юля с мужем. Я изображала влюбленную дуру и злилась, что опять из меня подруга веревки вьет, но не могла, и как прежде, отказать ей в очередной афере. Ужас ситуации состоял еще в том, что неделю назад Николай и дети тоже поехали к морю. Я наотрез отказалась составить ей компанию, сославшись на большую загруженность в работе, а теперь дрожала от страха при мысли, где-нибудь случайно встретиться с ними. Вспомнив закон бутерброда, который всегда падает маслом вниз, я словно наяву видела выпученные глаза Николая и непомерную злость в них.

Остановились мы в «Содружестве», на той же самой базе отдыха, где я год назад отдыхала с детьми и Николаем. На этом настояла Юля, а спорить с ней было бесполезно, к тому чревато нервным срывом. Я лишь об одном молила Бога, чтобы на этот раз мои сыновья облюбовали иное место, поближе к морю. По инициативе подруги было взято два двухместных номера. Чем я только думала, когда соглашалась на весь этот кошмар?

Оставив свои вещи в номере, я вышла к бассейну, возле которого уже находилась Юля и мужчины. Разместившись возле них на лежаке, я с опаской спросила подругу:

- Никого подозрительного не видела?

Ее только позабавил мой перепуганный вид, и она весело рассмеялась. Мне было не до смеха.

- Расслабься, конечно, не видела.

- Во что ты меня только втянула? А я идиотка поддалась.

- Только не надо лишней паники. Отдохнем пару деньков и уедем. Почему твой Николай должен отдыхать именно здесь, ведь на побережье столько различных мест отдыха? Причем не хуже этого.

- Иди, плавай. Можешь считать, что успокоила.

Подруге стало жалко меня, она обняла и по-доброму сказала:

- Ну, хочешь, уедем, раз ты так сильно переживаешь?

- Не надо. Твой муж не причем. Чего мы будем лишать его отдыха?

- Тогда успокойся и ложись на меня. Если что, я выкручусь, ты же меня знаешь.

Только к концу дня мне стало легче дышать. Я нигде не увидела Николая и сыновей и постепенно успокоилась. Вспомнив о своей роли подружки Павла, я поспешила ее добросовестно выполнять.

- Павел, лови, - крикнула я и пригнула в бассейн.

Начало вечера мы провели на летней площадке, было шумно и весело, а поздно вечером Юля с Павлом окопались в моей комнате, предоставив мне дополнительную возможность подышать свежим воздухом. Я не возразила и некоторое время молча кормила кровожадных комаров, еще и еще раз удивляясь смелости подруги, которая за стенкой оставила мужа с книгой и предавалась с Павлом любовным утехам.

Уступив просьбам сыновей, Николай оставил их на морском побережье еще на несколько дней, а сам вернулся в город. К тому времени я снова была по уши загружена работой. Он настоял на неотложном разговоре и вечером пришел ко мне домой. Я снова поразила своей мягкотелости, но вспомнила Владимира, его отношение к отцу, поэтому приготовила домашние пельмени, любимое блюдо Николая, и заранее купила к ним домашней сметаны.

- Мне не хотелось говорить тебе кое-что из своей жизни, да, видно придется, - первое, что сказал Николай, переступив порог моего дома.

Он был предельно собран, но все-таки я заметила его волнение.

- Давай сядем за стол, и там ты расскажешь, что считаешь нужным.

- Хорошо.

Только поужинав, Николай начал свою по всему было видно нелегкую исповедь:

- Когда на следующий день я не увидел тебя в институте, то совершенно не придал значения. Через неделю я понял, что тут что-то не то и пожелал объясниться. Не могла же ты так просто бросить институт и исчезнуть? Как назло, все в нем напоминало о тебе. Ни одна из твоих немногочисленных подруг не знала, куда ты делась. Злость на себя захлестнула все другие чувства. Я с горя нажрался, затеял в общежитии драку, за которую схлопотал два года. Юридический я не закончил, после суда меня из него попросту вышвырнули. Жизнь полностью пошла наперекосяк. Отсидел от звонка до звонка, долгие годы пил, бездельничал, сидел у родителей на шее, пока не потерял мать. Однажды после очередной попойки я пришел домой избитый и грязный, чем очень расстроил ее. Мать только успела сказать: «Зачем ты все время пьешь? Чего тебе в жизни не хватает?» и ..., инсульт. Она так и не узнала, что было причиной моих несчастий.

Его лицо исказила гримаса. Я затаила дыхание. У меня и в мысли никогда не было, что у такого успешного, уверенного мужчины, могли быть в жизни проблемы.

- Я все-таки разыскал тебя, но к этому времени ты была замужем, имела двоих детишек и жила своей жизнью. Только тогда я понял, что нужно что-то делать и, чтобы не сойти с ума, пытаться жить без тебя. Я остался в твоём городе, нашел работу, позже женился на дочери шефа, а еще позже закончил заочно технологический институт.

Он замолчал и отвернулся. Молчала и я. Возникло ощущение, что у меня над головой исчезли мрачные грозные тучи. Те самые беспросветные черные тучи, которые висели надо мной долгие годы.

- Когда я впервые увидел тебя на базе, твое лицо показалось мне удивительно знакомым, но я одернул себя. На протяжении долгих лет в каждой невысокой миниатюрной шатенке мне мерещилась ты. Порой доходило до абсурда. Первые подозрения закрались с той минуты, когда я листал твой аттестат зрелости, за ними потянулись долгие дни пыток. Теперь, когда я нашел тебя и знаю всю правду, добровольно я не откажусь от тебя. Знай, чтобы я от тебя отстал, меня нужно убить. Ты никогда не сможешь мне запретить любить тебя. Слышишь? Никогда.

Мое сердце разрывалось от боли, но это лучше чем существование мумии. Я смахнула горькую непрошеную слезу и прошептала:

- Неужели мы, в конце концов, обретем счастье?

Николай привлек меня к себе и стал покрывать мое лицо легкими нежными поцелуями.

- Я ни секунды в этом не сомневаюсь. Скажи мне только «да».

Годами выработанная осторожность взяли надо мной верх, и я почти шепотом ответила:

- Мне нужно подумать.

- Конечно, малышка. Подумай.

Утром Николай ушел так, и не услышав своего долгожданного «да».

Было за полночь. Мы с Николаем лежали на смятых простынях и молчали. Час назад он вернулся из Киева, куда отвез на обучения сыновей, и сейчас отдыхал после дороги. Николай еще со студенческих лет убеждал меня, и, кажется, убедил, что для любого другого мужчины я обычная женщина, каких можно встретить повсюду, на улице, рынке, в автобусе, хоть где, и пройти мимо, но только не для него. Для него я была какой-то особенной, неповторимой, посланной небесами. На протяжении всех студенческих лет в нем жило необузданное желание обладать мною. И теперь прожив столько лет порознь и встретившись снова, я поверила, что наше притяжение друг к другу было всегда и будет длиться вечно, вернее, пока мы будем жить. Противостоять ему - нереально.

- Ты не спишь?

Николай в глубоком раздумье покачал головой.

- Нет, Катенька, я не сплю. Я думаю.

- О чем же?

Он вздохнул и подложил мне под голову свою руку.

- О нас с тобой. Слава Богу, все испытания позади.

- Мне страшно думать о чем-то хорошем. Столько раз меня обламывала жизнь, отучая от радужных мыслей, и я перестала заглядывать вперед.

Николай погладил мои волосы и чмокнул в макушку.

- Все равно, жизнь стоит того, чтобы за нее бороться.

- Не спорю, но уже хочется спокойствия. Как я устала!

- Вот уедет Юля, и мы заживем.

- А мне не хочется, чтобы она уезжала, - вздохнула я. - Она для меня своеобразный талисман удачи.

- Да, классная у тебя подруга.

День отъезда Юли, второе сентября, был для многих днем траура. Несмотря на затянутое тучами небо и начинающийся дождь, на вокзал пришли все, кого пригласила, и кого не пригласила подруга. Я стояла между двумя мужчинами, Николаем и Павлом и боялась встретиться с взглядом Даниэля. Что хорошего он мог думать обо мне, если за два месяца рядом со мной поочередно были трое интересных положительных мужчин.

Подруга явно страдала. Даже ее хваленая выдержка в нужную минуту давала сбой. Глаза Юли были на мокром месте и смотрели только вниз. Мне грешным делом подумалось, что она вовсе никуда не уедет. Павел тоже делал все возможное, чтобы не смотреть на Юлю. Он вцепился в мою руку, как утопающий за соломинку и больно сжимал ее. После отдыха на море мне пришлось рассказать Николаю о Юлиной большой тайне, что совершенно не удивило его.

- Не она – первая, не она – последняя, уезжая за границу, оставляет на родине свое сердце.

- Да, легкого счастья не бывает.

Объявили посадку на поезд, и мы вышли на перрон. Дождь полил как из ведра. Оно и не удивительно: грозовые тучи рано или поздно приносят в город ливень. Я открыла свой зонт и впустила под него подругу.

- Юленька, береги себя.

- А ты себя, и выходи замуж. Обещаешь?

Она нарочно не назвала имени моего жениха, так как рядом стоял Даниэль, как всегда спокойный и улыбочивый. Я даже не могла представить себе, что могло вывести из душевного равновесия Юлиного мужа.

- Обещаю.

- Вот и хорошо. Теперь я полечу в Великобританию со спокойным сердцем и буду ждать появления своего ангелочка.

Однако вид Юли совсем не говорил о хоть каком-то душевном спокойствии. Наоборот, ее взгляд был жестким, сосредоточенным и, казалось, она на что-то глобальное решается и это пугало меня. В конце концов, подруга взяла себя в руки, и в ее глазах появился прежний блеск.

Она посмотрела на меня, Николая и затем, обняв нас, расцеловала.

- Берегите свою любовь! Ведь это такое счастье, когда рядом любимый человек! Я буду очень скучать.

Даниэль мило улыбнулся, подал всем руку на прощание и первым поднялся в вагон, дав Юле еще немножко постоять с нами. Мне даже порой казалось, что он о чем-то догадывается, но молчит. Вообще-то его выдержке можно было позавидовать.

Как только Дан ушел, Юля подошла к Павлу и, глядя ему в глаза, грустно сказала:

- Будь молодцом. Даст Бог, свидимся.

Никакой дождь не мог заставить нас троих уйти раньше с перрона. Юля махала до тех пор, пока мы в состоянии были бежать напротив ее вагонных окон. В ее глазах стояли слезы, слезы любви, потерь и приобретений.

Уехав обратно, Юля как будто забрала с собой всю мою удачу. Через две недели доллар вырос почти вдвое, а еще через неделю в стране наступило непоправимое – экономический кризис. Как часто на протяжении своей жизни в школе, институте, по телевизору, я слышала это страшное слово «кризис», но применительно к иным странам и думала, что это проблемы других, и другим нужно их решать. Лично меня это не касалось, и не должно было коснуться. Но как я ошибалась. Кризис пришел в нашу страну и затронул непосредственно меня.

Все происходило, как в страшном сне. Мне позвонили из банка и пригласили прийти. Всегда вежливая начальник кредитного отдела Кристина Анатольевна поставила меня перед фактом, что в связи с кризисом надо вернуть, как можно скорее взятый кредит.

Оттуда я не шла, а плелась, как смертельно раненое животное. Я почувствовала, что прозябание снова стоит у порога моего дома, если, конечно, он останется. Понимание полного краха обрушилось на меня как гром среди ясного дня. А ведь еще месяц назад ничего не предвещало беды. Теперь же никто не знал, что принесет завтрашний день. Я испытала потрясение, представив, что может меня ожидать. Возвращаться к жалкому существованию и мириться с ним, не было ни желания, ни сил. Я ругала себя за необязательную покупку машины в кредит, за заложенную для его получения квартиру; и того и другого в один прекрасный момент у меня могло не стать. А долг перед Юлиным мужем? Чем и как с ним рассчитываться?

Я не рассказала Николаю о своем визите в банк. С приходом тяжелых для меня дней, между нами выросла каменная стена, и ее возводила ни кто иной, как я сама. Я потерпела крах, меня надломила первая финансовая буря, а Николай по-прежнему был в норме и чувствовал себя все так же уверенно. Кризис – не кризис, а кушать людям всегда хочется. Это больно ударило по моему самолюбию, и речи о какой-то совместной жизни уже не могло быть.

Снова, как и раньше, когда жизнь загоняла меня в угол, я закрылась в четырех стенах своей – пока еще своей – квартиры и никого к себе не желала впускать. Мне нужно было найти выход или...

Страшно было смотреть телевизор. У нас умеют «успокоить» людей. Слезы бедных вкладчиков, угрозы коллекторных групп, тревоги неплатежеспособных людей и это не полный список, на что тратилось эфирное время. За прошедший месяц стоимость моих квартир упала вдвое от цены покупки, но никто не спешил их покупать.

На ежедневные звонки Юли я смогла ответить только спустя месяц.

- Привет! Катюша, ты совсем совесть потеряла! Ты же знаешь, мне нельзя волноваться!

- Извини. Как вы поживаете в условиях кризиса?

- Какой кризис? Не смей меня. Как жили, так и живем!

- Да? А я тут совсем ...

Я замолчала. Мне было стыдно признаваться ей в своей беде, но Юля не собиралась меня выслушивать. Она все знала.

- Слушай внимательно. Нет твоей вины в том, что наступил кризис. От него никакая страна не застрахована, даже такая сильная как Великобритания. Что говорить об Украине? Пока ты сидела в подполье и зализывала раны, я несколько раз разговаривала по телефону с Николаем и от него узнала о твоих проблемах с банком. Слышишь? Всех!

Я недовольно пробурчала:

- Все пронюхал, сукин сын.

- Что? Зачем ты так говоришь о нем? Насколько я помню, вы разобрались друг с другом. Так чего ты?

Я закусила губу.

- Все кончено.

Какое-то время Юля сопела в телефон и молчала, а потом напустилась на меня:

- Хватит ныть, приступим к главному. Надеюсь, ты не забыла, что мы с тобой партнеры по бизнесу. Так вот, передай все дела Николаю. Квартиры и твою машину пусть поставит на срочную продажу. Будет еще хуже, сказал Даниэль. Сейчас главное – рассчитаться с банком.

- Хорошо.

- Сколько ты им должна?

- Ой, не спрашивай.

- Ладно, Николай во всем разберется. Послушай меня, не тяни с передачей дел. Важен каждый день.

- Ясно. А что мне делать?

- Что-нибудь придумаем.

Теперь чувство безысходности в моей душе сменилось чувством протеста. Я ведь так старалась. Я работала на износ. Я поверила в добрые перемены в стране. Ведь есть же нормальная жизнь у людей? А здесь? Разрешили подняться с колен, чтобы потом дать пинка под зад и посмотреть, как ты растянешься на земле?

Я послушалась Юлю, и все бразды правления отдала Николаю. У меня больше не было ни бизнеса, ни работы, ни денег. Я осталась у разбитого корыта, словно старуха из сказки Пушкина.

На утешительные слова Николая после нашего визита в банк, что богатство не делает человека счастливым, я ответила резко, не постеснявшись нецензурных слов:

- А не пошел бы ты к такой-то матери? Мне это впаривали не один раз, причем такие богатенькие дяди, как ты, привыкшие к деньгам, как пчелы к меду и не способные понять, что всем хочется жить по-человечески.

Дождливая осень за окном не так страшит, как та, которая поселяется в нашей душе. Чувство безнадеги ни на миг не покидало меня, и как результат пришла депрессия. Юля и

мама часто звонили мне, и только с ними я могла немного поговорить. Вот кого-кого, а этих двух дорогих моему сердцу людей мне не хотелось огорчать.

Каждое утро ко мне приезжал Николай, но я ему не открывала. Постояв за дверью и поговорив со мной в одностороннем порядке, он оставлял на дверной ручке пакет с продуктами и уходил. Вечером приезжал снова и заводил свой бесконечный монолог. Иногда я слушала, но чаще уходила в комнату и ложилась на диван. Мир снова перестал меня интересовать.

Хотелось ненадолго забыться, и я стала все больше и больше прикладываться к рюмке. Наливая себе чудодейственного зелья, я выпивала его и так легко, безмятежно становилось на душе. словно по мановению волшебной палочки все беды и неприятности уходили прочь. Наутро опять тоска, опять рюмка-другая. Постепенно такая жизнь стала мне нравиться.

Я потеряла счет дням. В одно не очень прекрасное утро после вчерашней попойки у меня раскалывалась голова, а выпить было нечего. Услышав звонок мобильного телефона, я хотела разбить его вдребезги, но представила рыдающую мать и передумала.

- Алло!

- Привет, подружка!

Это была Юля.

- Привет, коль не шутишь.

- Какие шутки? Снова пьяная?

- Не-а, с похмелья.

Я услышала тяжелый вздох Юли.

- Катюша, ты помнишь, что мне отказывать нельзя?

- Так точно, товарищ генерал!

- Дай мне слово, что ты приедешь ко мне.

- Опять? Нет. Если бы я не знала, как живут люди вне нашей страны, то не так бы страдала. Вам даже кризис нипочем.

Неожиданно Юля заплакала, но это на меня не подействовало. Меня же никто не пожалел.

- Тогда я приеду за тобой сама. Я не могу сидеть, сложа руки и знать, что моя лучшая подруга спивается. У-у...

- Это мой выбор и его у меня никто не отнимет! - перебила я Юлю, захлопнув мобильный телефон, как бы навсегда отрезая от себя докучливую подругу.

У меня появилась новая подружка, которая могла расшибиться, но пол-литра самогонки за мои деньги всегда достать. Ее у нас во дворе знали Зинулей. Она когда-то жила на первом этаже с матерью, дворничихой, и сама была дворничиха. Но когда это было? Всего лишь год назад. Матери не стало. Зинуля с горя запила. Затем и квартиры не стало. Зинуля бродяжничала, обитала в подвале нашего дома, и от нее несло как от немойтой скотины. Я ее дальше порога не пускала. Принесет горячее, получит за свои услуги стопочку, выпьет ее на стульчике возле входной двери, ничем не закусывая, и на этом наши отношения заканчивались. Правда при этом мы могли перемолвиться парой-тройкой слов; каждая не разрешала лезть к себе в душу, а других тем не было.

Как-то Зинуля с утра зашла вся избитая, еле волоча ноги. Ее лицо было синее, будто по нему топтались сапожищами.

- Что случилось? - удивленно спросила я.

- Ты что прокурор чтобы цепляться? Что случилось? Что случилось? А почему так? А почему не эдак?

- Да, я просто поинтересовалась.

- О, интересно ей, богачке, чего у меня морда битая.

- С чего ты взяла, что я богачка?

- А то не видно? Гони стопарик, и я ушла. За тебя же пострадала. Сходила на точку за бутылкой и встретила своего хахалю, вот и отдубасил.

- Хахаля?

- А что ты думаешь, я не женщина? Мне еще тридцати нет.

- Сколько?

- Не глухая, услышала. Посмотри на себя в зеркало, тебе все семьдесят дашь. Недаром своему богатенькому дверь не открываешь. Боишься, мужичка перепугать? - зло рассмеялась Зина.

Молча угостив Зинулю горькой, я выпроводила ее и задумалась.

Мало-помалу я начала возвращаться к нормальной жизни, радуясь, что мальчишки не видели спивающуюся мать. После того, что случилось, стало ясно, Николая возле меня может удержать только жалость. Вот в чем-чем, а в жалости я не нуждалась.

Решение исчезнуть было внезапным. Приняв его, я сразу почувствовала себя лучше.

Я уезжала морозным январским днем. На вокзале сиротливо стояли сыновья. Меня же манила безоблачная даль, другая, почти чужая для меня страна и новая, как мне казалось беззаботная жизнь. Благодаря Дану меня ждала работа в его строительном бизнесе и арендованный дом.

Сыновья молчали. Они не разделяли моего решения все бросить и раз и навсегда уехать из родной страны. Николая не было. Мы простились с ним прошедшей ночью как двое преступников, втайне от чужих глаз. Наша ночь была и сладкая и горькая одновременно, потому что любилось и желалось как в последний раз. Так оно, впрочем, и было.

Я провела его к двери и грустно сказала:

- Ну, вот и все. Прощай, не поминай лихом.

Он оперся о косяк и в тысячный раз за наше свидание заглянул мне в глаза. На его лице отражались растерянность и боль.

- Ты так и не смогла мне довериться?

- Получается, что да.

- И я уже не в силах что-то изменить?

- Получается, что нет.

- Жаль, очень жаль.

- Но я всегда любила только тебя.

Николай тяжело вздохнул, переступил через порог и обернулся.

- Что это за странная такая любовь, при которой люди не хотят быть вместе? Я думаю, ты меня никогда не любила.

Промолчав, я закрыла за ним дверь, и так было сказано слишком много.

ЭПИЛОГ

Прогулка чудесным теплым утром к любимому озеру не смогла поднять настроение. Чужой мир, который когда-то меня пленил, стал привычным и будничным. Здесь, в Великобритании, постоянно давящая на меня мысль, что я что-то сделала неправильно, кого-то обидела, и, возможно, этим обделила себя, отравляла мое существование. Казалось, все, что нужно для счастья у меня имелось: дом, работа, машина, а самого счастья не было.

Частой гостьей у меня была Юля. Она вот-вот собиралась родить и поэтому немножко из-за этого нервничала.

На мой день рождения подруга обещала прийти к обеду с мужем и привезти огромный подарок. Моими отговорками, что мне ничего не нужно, она проигнорировала.

- Мне лучше знать, в чем ты давно нуждаешься. Приведи себя в порядок и жди.

Вот я и ждала. Ждала и хандрила. Хотелось в такой день в роли поощрительного приза снова оказаться на многострадальной Украине, обнять старушку-мать, поболтать с подругами, увидеть взрослых сыновей и заглянуть в глаза Николаю. Все-таки, как бы с

собой ни воевала – я по-прежнему любила его. Редкие звонки к детям не решали проблемы одиночества.

Возле моего дома затормозила Юлина машина. Шум ее мотора я всегда узнавала. Посмотрев в прихожей в зеркало, я кинулась встречать дорогих гостей. Первым с большим букетом цветов вошел Даниэль. Второй, напоминая мне огромную тучную утку, переваливаясь с боку на бок, шагнула Юля. Когда я направила глаза на третьего гостя, желая узнать, кого на этот раз притащила ко мне заботливая подруга, я невольно вскрикнула:

- Ты?

Передо мной стоял Николай. Не раздумывая ни секунды, я склонилась ему на грудь и расплакалась.

- А говорила никакого подарка не надо, - улыбаясь, сказала моя верная и чуткая подруга Юля. Только она, родимая, всегда понимающая состояние моей души, могла преподнести такой подарок.

- С днем рождением, любимая! Думаю, на этот раз ты поймешь, что нам друг без друга никак нельзя? - сказал Николай.

Подняв голову, я резким движением руки вытерла слезы и, не кривя душой, честно ответила:

- Для меня нет большего счастья на свете, чем знать, что я любима тобой и желанна!